ВЕРЕТЕНО

ЛИТЕРАТУРНО ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

Книгоиздательство ОТТО КИРХНЕРЪ и К⁰.

Новыя изданія:

Сергѣй Горный. Пугачевъ или Петръ? М. 125.—

Кальма и Коноплинъ. Цвѣтные камешки М. 100.—

А. Дроздовъ. „Дѣвственница“. Новый романъ М. 350.—

И. Коноплинъ. „Печальный Богъ“. Сборникъ разсказовъ М. 175.—

Е. Акинфіева. „Моя первая книга“, съ многочисленными рисунками художника П. Крупенскаго. М. 200.—

Ген. А. Лукомскій. „Воспоминанія“. 2 тома по М. 350.—

А. Доннъ. „Ковбои Техаса“, пов. для юношества М. 200.—

Р. Эйхакеръ. „Хорстъ Вильманъ“, романъ нравовъ М. 150.—

Гауфъ. Сказки, съ многочисленными иллюстраціями худ. Штирена М. 200.—

Нурокъ. Учебникъ англійскаго языка М. 400.—

Гоаръ. Ключъ къ Нуроку и самоучитель англійскаго языка М. 150.—

Игорь Сѣверянинъ. „Фея Eiole“, новый сборникъ стихотвореній М. 175.—

Е. Акинфіева. „Хочу читать“, новый русскій букварь съ 315 рисунками худ. Штирена 2-е изданіе (по старому и новому правописанію) М. 150.—

Игорь Сѣверянинъ. „Падучая стремнина“. Романъ въ стихахъ, съ рисунками Вл. Бѣлкина М. 175.—

Арк. Буховъ. „Разговоръ съ сосѣдомъ“. Новый сборникъ юмористическихъ разсказовъ М. 225.—

Терне. Самоучитель стенографіи 5-е изд. М. 125.—

Художественныя открытыя письма. 10 серій „Русскія сказки“. Цѣна за одинъ экз. М. 3.50

На складѣ:

А. Терне. „Въ царствѣ Ленина“. Очерки современной жизни въ Р. С. Ф. С. Р. 2-ое изданіе М. 300.—

А. М. Терне. „Новое ученіе о соціологіи“ 2-е изданіе М. 175.—

П. Ершовъ. „Конекъ-горбунокъ“, съ рисунками худ. А. Штирена М. 115.—

Короленко. Письма къ Луначарскому М. 50.—

Всѣ указанныя книги имѣются въ изящныхъ переплетахъ цѣною на 50 герм. марокъ дороже.

Книжный складъ и магазинъ ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко,
Berlin W 35, Genthinerstr. 19.

ВЕРЕТЕНО

литературно-художественный

альманахъ

КНИГА ПЕРВАЯ

Книгоиздательство ОТТО КИРХНЕРЪ и К°.

Berlin W 35 Genthiner Str. 19.

1 9 2 2.

Печатано въ Типографіи Общества „ПРЕССЕ“ Берлинъ, Лейпцигеръ-Штрассе 59.

Глѣбъ Алексѣевъ.

В. Амфитеатровъ-Кадашевъ.

Ив. Бунинъ.

Э. Голлербахъ.

Сергѣй Горный.

Александръ Дроздовъ.

Ив. Лукашъ.

С. Маковскій.

Вас. И. Немировичъ-Данченко.

Бор. Пильнякъ.

В. Піотровскій.

Алексѣй Ремизовъ.

Г. Росимовъ.

Вл. Сиринъ.

*

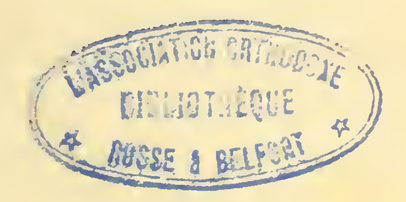
Обложка работы худ. И. Мозалевскаго. Заставки, концовкн и художественныя украшенія работы худ. С. Сегаля н В. Бѣлкина.

Рнсунки на отдѣльныхъ листахъ художннковъ А. Андреева, В. Бѣлкина, М. Банда, И. Мозалевскаго н С. Сегаля.

*

ГЛѢБЪ АЛЕКСѢЕВЪ.

Чаша Святой Дѣвы.



Чаша Св. Дѣвы

Молитвы.

Есть часъ тихій, когда зноенъ Господа Бога моего полдень надъ рѣкой Днѣпромъ, и воды его плавленнымъ серебромъ лежатъ въ спокойныхъ берегахъ, когда на лаврѣ колокола не звонятъ, а исходитъ отъ нихъ стонъ: грѣетъ солнце колокольную мѣдь, сама поетъ она чуть слышно, какъ пискъ комариный. Въ прохладныхъ покояхъ монастырскихъ убираютъ служки чаши кваса недопитого, корки хлѣба въ корзину съ бѣлымъ крестомъ, а въ кельяхъ ли, въ гостинницахъ ли — ихъ три при лаврѣ: для постояльцевъ, дары крупные приносящихъ, для средняго класса, о грѣхахъ Господа долгой молитвой и воздержаніемъ просящаго, и третья для люда сермяжнаго, что идетъ долгими дорогами, посохомъ мѣряя версты пройденныя, съ сумой на натруженныхъ веревками плечахъ — въ кельяхъ ли, говорю, въ гостинницахъ монастырскихъ послѣ молитвы долгой и трапезы сытой смежаются людскія очи, и задушливый храпъ, и присвистъ, и стонъ сна полдневнаго рокотали подъ отворенными окнами, если проходишь мимо.

Въ часъ этотъ, когда сытъ духъ человѣческій долгой молитвой, сыта плоть — трапезой монастырской, любилъ я посидѣть за воротами на юру — тамъ на лавочкахъ, на приступкахъ сходовъ церковныхъ, въ тѣни раскидавшихся липъ, клейко пахнущихъ въ жару — отдыхала братія нищая, бездомные, безсемейные, калѣки съ язвами на лицѣ и на членахъ, безпалые, съ ногами усохшими, горбатые пѣвуны духовныхъ стиховъ, разстриги, мошенники, воры, скитальцы по землѣ родной, юродивенькіе во Христѣ — меньшая братія, блаженненькіе съ глазами свѣтлѣй неба свѣтлаго, странницы о судѣ страшномъ, сладимыми словами на голосъ возвѣщавшія . . . Отзвонитъ колоколъ «Достойну», вывалитъ изъ лавры народъ — бабы въ платкахъ цвѣтастыхъ, что ярче маку пунцовѣютъ на

солнцѣ, старушки — Божьи сплетницы въ платьяхъ черныхъ, степенные купцы съ Подола въ золотыхъ цѣпочкахъ, колыхающихся на пузахъ, чиновный какой народъ — желтый лицомъ и тощій, барыни въ салопахъ и съ зонтиками, пестрая дѣтвора — разноцвѣтный бисеръ, щебечущій голосами птичьими... И вся тогда Русь эта, гнойная, шелудивая, отверженная — уродство свое, носы съѣденные проказой, плоскоступье и сухоту, гнусь и смрадъ тянетъ на показъ ей — этой другой Руси, вывалившей изъ церкви, спокойной достаткомъ и трудами своими, о грѣхахъ и дѣлахъ вознесшей Господу очередную молитву. Загнуситъ, запоетъ, застонетъ на тысячу голосовъ: Дай, дай, дай...

Но вотъ прошелъ народъ.

Отзвонилъ колоколъ, воззвавшій къ трапезѣ.

Поднялось солнце высокое, мѣдь въ лучахъ его накаливается, сама звенитъ стономъ чуть слышнымъ. Тишина знойнаго полдня повисаетъ надъ лаврой; только храпъ изъ келій ловитъ сторожкое ухо, да чивиканье воробьевъ, купающихся въ веселой пыли на просторномъ монастырскомъ дворѣ. Безпалыя ступы, плечи и руки усохшія, обожженное проказой тѣло уворачиваются въ тряпки, хрустящія скорлупой присохшаго гноя. Слѣпые глаза, таращившіе синіе бѣлки, закрываются въ истомѣ. Цитры, бандуры, сопѣлки, прячутся въ мѣшки. Шелудивая сволочь, рвань человѣческая, стащившаяся къ воротамъ лавры со всѣхъ концовъ Руси, отдыхаетъ, подсчитывая запотѣлыя копѣйки, переругиваясь между собой словцомъ крѣпкимъ...

Я любилъ тогда подойти ближе, отстегнуть дорожный мѣшокъ, раздѣлить съ ними трапезу — кусокъ смявшагося въ лепешку хлѣба, селедку ли ржавую, огурецъ ли съ крупной какъ жемчугъ солью... Я любилъ ихъ разспросить: откуда они? Поговорить о Богѣ, который былъ жестокъ къ малымъ симъ, о людяхъ, прошедшихъ мимо гнойныхъ язвъ брата своего, о царствіяхъ земномъ и небесномъ, ибо въ первомъ тѣсно людямъ, и убогому нѣтъ мѣста въ немъ, а во второмъ — грядетъ возмездіе каждому по дѣламъ его. Они надавали мнѣ камешковъ отъ дурного глаза, отъ слѣпоты курячьей, что настигаетъ человѣка ночью, свѣчу на горѣ Афонѣ свяченую, чтобъ у гроба стояла, когда умирать буду: душѣ исходить легче, лоскутъ ризы Спасителя вознесшагося, частичку мощей Св. Пантелеймона въ наперсткѣ, орѣхъ съ дуба Ливанскаго... Они разсказали мнѣ о путяхъ Спасителя земныхъ, о скитской жизни крѣпкой, о землѣ — какое ей назначеніе опредѣлено, и о звѣздахъ — чистыхъ глазахъ херувимскихъ, и о тайнѣ церквей — въ каждой есть своя и каждая угодна Богу, и о бѣсѣ — искусителѣ, круговращающемъ жизнь человѣческую. Гноемъ отрыгнувшей земли, смрадомъ ея зачатые, устами

жаркими отъ гнилого дыханія — повѣдали о чашѣ Св. Дѣвы, какъ — прекрасная — прекрасна она, какъ любящая — сердце любящее обращаетъ къ малымъ людямъ земли и пасынкамъ человѣческой жизни. И позналъ я, какъ близокъ землѣ Богъ черезъ оскверненные сосуды тварей Его въ образѣ человѣческомъ, ибо скорбная чаша Женщины — гнѣвная, какъ стрѣла, — гнѣвной рукой подъята во имя милосердія къ Престолу.

Въ Виѳлеемѣ.

Когда въ Виѳлеемѣ народился Христосъ, — засвѣтились на небѣ новыя три звѣзды: голубая — царю московскому, розовая — царю черногорскому, желтая — персидскому царю. И каждый изъ царей трехъ, увидѣвъ звѣзду, возсталъ отъ ложа и, пошелъ въ путь дальній, взявъ дары. Царь московскій — братину и ковшъ, царь черногорскій — кадило, смирну и ладанъ, а персидскій царь башмаки изъ золота.

Идутъ три царя путями разными, одинъ надъ рѣкой Днѣпромъ, и Чернаго моря берегомъ, подъ горой Эльбрусомъ въ розовой шапкѣ, другой по горамъ балканскимъ на ослѣ поспѣшаетъ, третій песками иранскими караваномъ идетъ, и надъ каждымъ идетъ звѣзда его, путь къ Іерусалиму показуетъ: первому царю голубой — цвѣтъ Днѣпра рѣки, розовый второму — цвѣтъ балканскихъ горъ и третьему — пустыни цвѣтъ золотой.

И сошлись они вмѣстѣ въ Багдадѣ, городѣ бѣломъ, гдѣ сидѣлъ царь турецкій, надъ османами падишахъ. И три звѣзды путешествующихъ соединились надъ дворцомъ падишаха того, голубая, розовая и желтая въ одну, заиграла она, засверкала какъ камень діамантъ.

Выходитъ падишахъ на крыльцо:

— Здравствуйте, цари. Куда путь держите?

— А держимъ мы путь, отвѣчаютъ цари, въ землю ту, гдѣ народился Царь Жизни, намъ земнымъ царямъ — Царь. На поклонъ идемъ и дары несемъ.

— Да пошлетъ вамъ Аллахъ путь добрый, и зной пустыни да не опалитъ вашей головы. Къ царствамъ своимъ будете возвращаться — извѣстите меня о новомъ Царѣ. Пойду я къ нему поклониться.

И въ ту же ночь явился царямъ ангелъ и приказалъ имъ на разсвѣтѣ въ путь выйти и къ падишаху назадъ не возвращаться. Ибо замыслилъ

падишахъ умертвитъ младенца, чтобъ не было на землѣ иной вѣры, и поклонялись люди единому Богу и Пророку суроваго закона Его.

Собрались цари потихоньку и вышли. А звѣзда уже стоитъ, какъ парусъ на вѣтру. Стронулась и повела по пескамъ халдейскимъ, черезъ Синай гору — пупъ земной, по славной рѣкѣ Іордану, что течетъ голубой водой, всѣ моря пополняетъ. И пришли они къ ночи въ Виѳлеемъ, и видятъ у шинка одного народъ собрался, пляшетъ и пѣсни поетъ. Дѣвки хороводъ водятъ, грудями трясутъ въ танцѣ хмельномъ. И встала вдругъ звѣзда надъ шинкомъ, на шагъ впередъ не подается.

Удивились цари:

— Веселье и блудъ на мѣстѣ семъ, сказалъ черногорскій царь.

— Обманула звѣзда возвѣстившая, сказалъ персидскій царь.

А московскій царь не сказалъ ни слова, видитъ — въ ясляхъ, гдѣ погонщики муловъ и ословъ на ночь ставили, ворота бревномъ подперты, а въ щели исходитъ свѣтъ — голубой, розовый и желтый, какъ отъ трехъ звѣздъ на дорогѣ свѣтившихъ. Вошелъ тихонько въ ясли, поклонился женщинѣ — сидѣла женщина на сѣнѣ и дитя на рукахъ держала: маленькое, сосало оно материнскую грудь, ухватясь за нее пальцами. И не подняла женщина головы, не оправила одежды, обнажившей тѣло, только повела перстомъ, будто сказать хотѣла: «Тише». И все понялъ царь, упалъ на колѣни и край одежды ея, омоченный кровью материнской, поцѣловалъ и вышелъ изъ ясель къ народу, скакавшему въ танцѣ и пѣвшему, и сказалъ громко:

— Придите, поклонитесь Цареви Богу нашему.

И тотчасъ взялись за руки дѣвки, подошли къ яслямъ, сняли вѣнки съ себя, упали на колѣни передъ дверью и отдали женщинѣ цвѣты. А цари принесли свой даръ: царь московскій — братину и ковшъ, царь черногорскій — кадило, смирну и ладанъ и персидскій царь — башмаки изъ золота. И стало такъ тихо — будто въ лѣсу, и ни одинъ человѣкъ не смѣлъ поднять голову отъ земли и вымолвить слово. И возстала тогда женщина съ копны сѣна, и, младенца своего поднявъ надъ первыми вѣрующими, чуть слышнымъ голосомъ сказала:

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

И повелось отъ той поры — сталъ царь московскій защитникомъ вѣры православной на землѣ. Ибо пришелъ онъ первый къ яслямъ Виѳлеема и первый поклониться Царю Жизни призвалъ.

Чудо въ оазисѣ.

Второй день шли пустыней мужчина, женщина и ребенокъ и выбились изъ силъ. Ноги женщины были изранены о кусты дикой смоковницы и терніи ползучихъ травъ, что плетутъ узоры отъ камня къ камню въ золотыхъ пескахъ, спавшій на рукахъ ребенокъ оттянулъ руки — едва удерживаясь на ногахъ отъ зноя, женщина сказала:

— Іосифъ, я не могу итти дальше.

Но мужчина былъ твердъ. Онъ поднялъ къ устамъ женщины баклагу изъ свѣжей тыквы, — еще съ утра баклага была пустой, и ни капли воды не имѣли путники.

— Марія, сказалъ онъ, пуста баклага, но дыхни свѣжестью нутра ея, и это вернетъ тебѣ силы. Вѣришь ты, какъ вѣрю я, что недологъ уже путь нашъ, и еще до ночи ты утолишь жажду.

И женщина припала послушно къ пустому сосуду и пила изъ него бодрость и силу. И опять продолжали путь бѣглецы — въ тьму пустыни Халдейской, и падало уже солнце въ волны взметеннаго песка, и кровь его обозначалась красными морщинами на закатѣ, когда достигли они оазиса финиковыхъ пальмъ и увидѣли шалашъ изъ вѣтвей, поваленныхъ надъ гулкимъ ручьемъ, и у шалаша очагъ со вскипавшей водой и двухъ женщинъ, смуглыя лица наклонившихъ надъ ребенкомъ. Онъ былъ маленькій — и сучилъ, поднявъ, кривыя болѣзненныя ножки, и громко плакалъ, солью своихъ слезъ разъѣдая струпья проказы, проколовшей лицо. И знали обѣ женщины, мать родившая калѣку и старая — матери несчастливой мать, что бьется крикъ ребенка послѣдній, чтобъ скрипнуть еще разъ — одинъ разъ умоляюще и жутко, и замолкнуть.

И когда подошла женщина съ ребенкомъ, уставшая въ пути, а съ ними старецъ, опоясанный шкурой верблюжьей, подняли обѣ женщины глаза, тугіе отъ слезъ, и спросили тихо:

— Что нужно вамъ въ домѣ, если къ нему приближается смерть?

И не знали, что отвѣтить подошедшіе. Только женщина обронила тихо:

— Велика воля Господа Моего, и по волѣ Его да будетъ. Дологъ нашъ путь, выбились мы изъ силъ и ищемъ отдыха и воды. Дай чашу воды во имя Господне, ибо жаждетъ мой сынъ, и я жажду, и нѣтъ отъ жажды молока въ моихъ грудяхъ.

Тогда встала несчастная мать отъ костра и подала ей чашу.

— Испей воды, странница, и да утолится твоя жажда.

И поднялись потомъ обѣ женщины, взяли лохань, наполнили ее теплой водой и раздѣли ребенка, изъязвленнаго проказой. Онъ кричалъ отъ воды, проникавшей въ раны, и пѣна билась у маленькихъ его, еще не разрѣзанныхъ жизнью губъ.

— Дай и мнѣ теплой воды, сказала странница, и я искупаю своего ребенка, нечистаго съ пути.

— Вотъ вода. Я не имѣю больше, отвѣтила мать, купая калѣку въ лохани — плавали въ водѣ струпья проказы и гноя.

— Марія, чистая ли вода эта? сказалъ путникъ въ верблюжьей шерсти, подойдя къ купели, — гной и проказа въ ней...

Но странница опустила своего ребенка въ воду и сказала:

— Чистая, во имя Господне.

И стала вода чистой, какъ вода въ горномъ ключѣ — и звѣзды, висѣвшіе надъ пустыней, отразились въ ней золотыми жуками. И два мальчика обнялись въ водѣ — больной и здоровый, и сталъ больной здоровымъ. И плескались оба, брызгая другъ другу въ лицо и играючи... И говорили оба на своемъ дѣтскомъ языкѣ, котораго не понимали матери, смѣялись въ лохани одной, наполненной чистой водой горнаго ключа.

И, видя это, двѣ женщины, мать родившая калѣку и старая — матери несчастливой мать, упали на колѣни передъ третьей, коснулись губами края ея пыльныхъ одеждъ и вскричали:

— Осанна! Осанна тебѣ, Мать.

И вынули потомъ мальчиковъ изъ лохани, два розовыхъ — силы и здоровья налитыхъ тѣльца, умастили волосы ихъ масломъ благовоннымъ, уложили на кровати одной — ибо другой не было въ шалашѣ у оазиса, и такъ уснули два мальчика, обнявшись, прикрытые чистымъ полотенцемъ.

А въ утро вышли въ путь мужчина, женщина и ребенокъ, ибо боялись погони. И дологъ еще былъ ихъ путь земной, и потеряла въ немъ женщина Сына своего во искупленіе человѣческихъ грѣховъ, а Сынъ, тяжкій волоча крестъ, пришелъ на Голгофу...

И когда три креста встали надъ горой, и три тѣла, пробитыхъ копьями на нихъ повисли, воины, объ одеждахъ метавшіе жребій, отвлеклись, — обернулъ Христосъ лицо свое къ правому и узналъ его.

И разбойникъ узналъ, и, вспомнивъ чудо въ оазисѣ, сказалъ чуть слышно:

— Боже мой, будь милостивъ ко мнѣ грѣшному...

И также чуть слышно отвѣтилъ ему Христосъ, дальнему дѣтству своему улыбнувшись:

— Истинно говорю тебѣ — сегодня же будешь со Мною въ раю.

Служанка Св. Дѣвы.

Когда жила Праведная Дѣва на землѣ — была у нея служанка именемъ Марія, красоты необъяснимой и умомъ быстрая. Цѣлые дни стучали въ домѣ деревянныя подошвы ея сандалій — всѣмъ хозяйствомъ и полемъ и виноградниками управляла она умѣло. И часто глядя на ея быстрыя руки, слыша голосъ ея, пѣвшій въ виноградныхъ лозахъ, видя доброту ея къ животнымъ, когда приходили съ луговъ овцы и козы, думала Пресвятая Дѣва, тайно предчувствуя свою долю:

— Вотъ обликъ женщины. Да останется онъ живымъ и будетъ людямъ примѣромъ, близкимъ моему сердцу.

И сказала однажды служанкѣ своей:

— Марія, принеси воды изъ колодца. Томитъ меня жажда.

— Я принесу сейчасъ.

— Но не смѣй коснуться воды пальцемъ, когда пойдешь отъ колодца. Нечаянно дотронуться.

— Я не дотронусь.

Подняла кувшинъ, поставила на плечо и пошла къ колодцу. И взяло ее по дорогѣ раздумье: почему Госпожа ея приказала пальца въ водѣ не замочить, и что случится, если нечаянно — только мизинцемъ къ водѣ притронуться? Развѣ кто примѣтитъ? Зачерпнула полный кувшинъ и притронулась. И сталъ палецъ ея золотой, а вмѣсто ногтя жемчужина. Испугалась Марія, обмотала палецъ зеленымъ листкомъ, идетъ къ шатрамъ домой.

— Что у тебя съ пальцемъ? спросила Госпожа.

— Ничего, отвѣчаетъ.

И три раза спросила Госпожа служанку, и три раза служанка отвѣтила.

— Ничего.

Тогда сказала Пресвятая Дѣва строго:

— Не забытъ тобой грѣхъ Евы, матери твоей — и первая ты въ терній Сына моего терній вплетешь и къ мукамъ его крестнымъ прибавишь муку. Иди прочь!

И пошла Марія отъ Госпожи своей, не понимая Ея гнѣва. Развѣ Марія плохая дѣвушка и не служила ей честно? И не любила Госпожу свою отъ чистаго сердца? Шла полемъ, васильки обрывала и плакала. И встрѣтила

въ полѣ царевича, сына царя той страны — шелъ онъ задумчивый и волосы закрывали глаза его, пораженные думой. И такъ тяжка и печальна была дума его, что прошелъ онъ мимо дѣвушки и не замѣтилъ ея. Тогда она вернулась и подала ему цвѣты.

— Кто ты? спросилъ онъ.

— Я дѣвушка. Меня зовутъ Марія.

Тогда подошелъ онъ ближе. И взялъ рукой за воротъ одежды и, потянувъ, разорвалъ до края. И когда палъ послѣдній лоскутъ съ плечъ, ея — увидѣлъ царевичъ женщину нагую, красоты необъяснимой. Два плода зрѣлыхъ до зноя — двѣ груди ея, и двѣ звѣзды — два соска на грудяхъ. Два ствола, какъ двѣ мачты — ноги ея, и волосъ упалъ межъ нихъ золотомъ, и двѣ руки — змѣи дрогнули и прикрыли наготу. Ибо нагота дѣвушки пуглива, какъ птица.

— Марія, вскричалъ царевичъ, быть можетъ я нашелъ то, чего такъ страстно ищетъ духъ мой.

И палъ на колѣни и чистотѣ ея, какъ высшей истинѣ, поклонился. А потомъ взялъ ее за руку, какъ невѣсту, и какъ невѣсту, ввелъ въ домъ свой.

Прошелъ годъ и родила она сына — розоваго мальчика въ золотыхъ кудряхъ. И еще годъ — и еще сына, а на третій годъ — дочь. И двое уже ползали и хватались за края ея одежды, а дѣвочку — съ глазами голубыми, какъ небо страны, кормила она грудью — когда ночью во снѣ предстала ей Пресвятая Дѣва и спросила:

— Счастлива ли ты, Марія?

— Не знаю, Госпожа моя, отвѣтила она.

И Госпожа подошла и поцѣловала ее въ голову — и отъ поцѣлуя проснулась Марія и, мальчика, во снѣ подложившаго крохотныя ручки къ лицу ея, обняла и улыбнулась ему счастливой, прозрѣвшей улыбкой.

Врата безсмертія.

Была на селѣ баба — красавица-радость утренняя: на головѣ коса — въ два снопа, очи — два крыла голубиныхъ, брови — двѣ дуги тугихъ. Въ хороводъ пойдетъ — лебедь бѣлая плыветъ, платочкомъ подманиваетъ. Пѣсню запоетъ — до сердца достанетъ. А въ жнивахъ-золотомъ морѣ — первая, какъ парусъ, впередъ выбивается. И собой хороша, и къ работѣ горяча — утѣха крестьянской доли.

А. Андреевъ *Безмолвіе*

И понесла баба отъ мужа законный плодъ. Стала къ работѣ тяжка, въ хороводѣ тяжка, груди какъ два полотенца обвисли, а прежняго голоса пѣвучаго не стало. Затосковала баба отъ материнской горечи. Уткнется ночью въ овчинный тулупъ и плачетъ:

— Мнѣ ль, лебедушкѣ, ребенка понести? Мнѣ ль, красавицѣ, самой себя мало? Тяжела ты, доля женская, доля женская горька. Расцвѣла я рано поутру — въ полденный ли зной отцвѣтать? Какъ жизнь другому дамъ — самой жить хочется, подъ чужой пѣсней склонюсь — самой поется? Матерь Божія, освободи!

Встала съ лавки, видитъ: животъ убрался, груди подъ рубахой какъ копья поднялись, стала легкой опять, легкой, какъ тростинка. Вышла на дворъ, солнце по утру лучами словно платками красными машетъ, рѣка холодной студью звенитъ . . . Упала на землю, заплакала отъ радости — будто изъ мертвыхъ воскресла къ живой жизни . . .

Но засохло съ той поры бабье чрево, и годъ прошелъ, и два — нѣтъ у бабы дѣтей. Сорокъ лѣтъ подошло бабѣ, пять лѣтъ оставалось до женскаго сроку, а дѣтей нѣтъ. А померъ мужъ и совсѣмъ стало страшно: трудна маета крестьянская, а кто поможетъ; въ могилу сходить — кто очи закроетъ? Вѣкъ прожила — никого по себѣ не оставила

Затужила баба и пришла къ попу разсказать о своемъ горѣ.

— Неплодно чрево мое и грудь, не знавшая материнской радости, суха. Тяжела ты доля женская, доля женская — горька. Отцвѣло вишенье бѣлое, а не дало плодъ, налились колосья силою, а нѣтъ въ нихъ зерна. Какъ принесу Господу Богу колосъ безплодный? Матерь Божія, помоги!

Старъ былъ попъ и къ горю человѣческому чутокъ. Взялъ женщину за руку и повелъ въ церковь.

— Грѣхъ твой, женщина, неискупимъ, ибо истоки жизни ты закрыла въ себѣ. Жизнь, какъ волны на рѣкѣ: одна другую гонитъ, какъ дни идутъ люди по правилу Божью. И кто смѣетъ остановить день, подошедшій на смѣну дню, кто волну отбросить, когда бѣжить она, волну нагоняя. Молись, грѣшница, у купели нерожденнаго.

Отворилъ церковь, поставилъ посередь крещенскую купель, наполнилъ ее водой, а по бокамъ возжегъ двѣ свѣчи — двумя стрѣлами метнулось пламя, и еще свѣчу у лика Богородицы въ правомъ придѣлѣ. Ставилъ свѣчу, отвелъ полотенце, упавшее на свѣтлый ликъ, отвелъ полотенце за ризу и прошепталъ ласково:

— Прости.

Заперъ бабу въ церкви и вышелъ.

До ночи сидѣла баба на каменномъ полу, не смѣя подняться, и тихо было въ церкви, какъ въ могилѣ. Чуть потрескивали свѣчи, плача воско-

вой слезой, пѣла муха подъ куполомъ, кружась въ паутинѣ. А когда потемнѣли окна, и стало лицо Богоматери невидимо, осилила женщина стыдъ, связавшій глаза и тѣло, и подошла къ иконѣ. Головой припала къ рукѣ и сказала, смущаясь:

— Мать-отроковица, дѣвствомъ похвальная, простри ко мнѣ руки, которыми носила Бога, открой груди, вскормившія Его и чрево, зачавшее свѣтъ. Не знаютъ руки мои сладчайшей ноши — ребенка, и грудь суха и чрево, какъ пустыня въ пескахъ, неплодно. Не лиши меня, просяшую радости, напиться у воды жизни.

Просьбу свою повторивъ еще разъ, — опустилась на полъ женщина — спала ли въ жуткой дремѣ, видѣніе ль осѣнило ее, но видитъ: съ иконостасовъ позлащенныхъ открылось поле, и маки въ немъ пролились каплями крови, и васильки за колосья зацѣпились; и будто подулъ вѣтеръ, и на двѣ стороны поклонились колосья, а изъ нихъ вышла Женщина въ бѣлой ризѣ, съ вѣнкомъ цвѣтовъ полевыхъ на головѣ, склоненной долу; и, за платье ея держась, бѣжали нагія дѣти — бились крылья за спинами ихъ, и лучики золотыхъ волосъ плескались на ихъ головкахъ.

Подошла Женщина ближе къ упавшей ницъ, коснулась ея лица и указала перстомъ на двухъ дѣтей — мальчика и дѣвочку — отдѣлившихся, а сама удалилась безмолвно.

И тогда подался впередъ мальчикъ и сказалъ:

— Я сынъ твой, заглохшій въ утробѣ. Тяжекъ старческой рукѣ серпъ — я бы помогъ. Смертную чашу подать некому — я бы подалъ. И мною пришла бы ты къ вѣчности, мать, и мною была бы безсмертна. Родъ человѣческій — лѣстница, восходящая къ Богу, но вырвала ты ступень. Какъ поднимешься теперь, когда вострубятъ архангелы?

И дѣвочка подошла ближе:

— Я — нерожденная твоя дочь. Я ль бы не пѣла пѣсенъ, пѣла бъ какъ ты, и каждый сказалъ бы: вотъ дочь матери своей. И молодость твоя стала бы вѣчной — во мнѣ, и въ дочери моей, и въ дочери моей дочери... И донесли бы онѣ Богу твое лицо несмятымъ и молодымъ — красотѣ ихъ и молодости онъ улыбнулся бы.

Шатаясь поднялась женщина съ пола и пошла прочь изъ церкви. И не вернулась въ домъ свой: ничего не осталось въ немъ сердцу ея. По дорогамъ — глиной и супесью, по тропамъ нехоженнымъ понесла послухъ свой, но стало лицо странницы спокойно, и въ старческихъ ея глазахъ взыгралъ миръ свѣтомъ осіяннымъ, ибо во снѣ ли, на яву, но коснулась ея тайна безсмертія.

Божья невѣста.

Случилось въ селѣ нашемъ чудо, но не знаютъ о немъ люди: много чудесъ сотворили руки человѣческія, и не видно за ними чудесъ Божіихъ. А было такъ: жила на селѣ старая баба Антипиха — и теперь цѣла ея хата подъ горой у Тясьменя, и былъ у нея мужъ — бѣдовали по крестьянски, однако были сыты. И подъ самую старость, когда старику помирать подошла пора, родилась у Антипихи дочь — все село этому дѣлу дивилось.

А померъ старикъ — остались старая и малая сиротами, пошли подъ окнами стучать, побираться. И день идутъ, и два идутъ — подаютъ люди мало, зазорно тоже подъ старость ребенка родить, ребенка родить, коль самой въ гробъ чередъ собираться. Ходитъ старуха съ дочерью малолѣтней — вѣтеръ по полямъ скрипитъ, колосъ гнетъ, по овсамъ волны гонитъ — гонитъ по овсамъ волны.

— Ой, дитятко мое горемычное! Одинокой старости грѣхъ! Старости грѣхъ или радость!

И пришла въ церковь.

Встала въ темномъ притворѣ, злая — ребенкомъ ли, живой душой наказывать человѣка подъ старость?

— Мамочка, дай хлѣба.

Со зла отвѣтила дочери:

— Проси вонъ у той барыни! Дастъ — дастъ, не дастъ — не обезсудь.

Къ самой иконѣ, къ лику Богоматери дитя свое поднесла. И дитя, вытянувъ рученки къ одеждамъ ея серебрянымъ, пролепетало чуть слышнымъ голосомъ:

— Барыня дорогая, дай хлѣба.

И тогда рука, въ серебро закованная, протянулась съ иконы и кусокъ хлѣба ей подала. Но лицо Ея было сурово, тонкія губы сжались еще крѣпче, только рѣсницы, какъ два крыла порхнули, и вновь разжались каменныя, въ серебрѣ. И взглянувъ въ глаза Ея — поняла старая баба, какой даръ чудесный приняла она подъ старость, и пала отъ страха мертвой.

Такъ и нашли ее подъ утро, когда отворяли церковь — лежала ницъ подъ иконой Пречистой, и маленькій ребенокъ сидѣлъ у трупа, а въ крохотныхъ его пальцахъ былъ мягкій, розовый хлѣбъ. И порѣшили люди оставить сироту при церкви — рушники вышивать, стекла цвѣтныя водой мыть, оправлять лампады, чистоту наблюдать въ храмѣ Божьемъ; прозвали ее за то божьей невѣстой. И прожила она восемнадцать весенъ, а въ во-

семнадцатую стала коса ея туга и грудь ея стала туга, и въ голосъ ея пѣвшій о небесномъ пробилось земное: — какъ паръ дышетъ набухшими майскими полями, какъ лѣсъ звенитъ, когда парни въ рубахахъ красныхъ, а дѣвки въ вѣнкахъ васильковыхъ разсыплются въ немъ играючи и на рѣку, за плотину, отдается посвистомъ молодая пѣсня.

Одна знала дѣвка тайну чуда и не уберегла ее. Въ погожую ночь на Ивана Купала, когда пламеннымъ пожаромъ зацвѣтаетъ папоротникъ, а деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и говорятъ между собой шелестомъ листьевъ, когда — страшная, милая и невѣдомая рѣшается судьба дѣвушки, и черезъ высокіе костры скачутъ онѣ, раздувая искры, а по рѣкѣ плывутъ вѣнки съ зажжеными свѣчами — сплела вѣнокъ изъ травъ тонкихъ — подорожника и полыни, и бросила его въ воду. И попылъ вѣнокъ быстрѣе другихъ со свѣчей отъ лампады Богородицы, и вдругъ на серединѣ рѣки утонулъ. Горько вскрикнула божья невѣста, какъ лань подстрѣленная побѣжала отъ рѣки прочь.

А на утро нашли ее въ церкви — мертвая, холоднымъ лбомъ упала на каменный полъ передъ ликомъ Пречистой. Незрячи и тусклы были глаза ея, сурово и строго лицо Св. Дѣвы, и всѣ лампады, — десять ихъ было, начадивъ угаромъ, затухли. Кто знаетъ въ чемъ каялась грѣшница?

И вотъ, когда хоронили ее, и какъ невѣста лежала она въ бѣлой паневѣ и въ цвѣтахъ голубыхъ, подошла вдругъ къ гробу Женщина съ лицомъ яснымъ и строгимъ — и никто не зналъ, откуда она — подошла ближе и поцѣловала покойницу въ лобъ. И всѣ въ хатѣ не смѣли вымолвить ни слова — застыли словно пораженные громомъ, а Женщина вышла изъ хаты, мелькнула еще платкомъ чернымъ за клунями и пропала въ полѣ.

Василекъ — цвѣтъ голубой.

Говорилъ про то Власъ, пѣвунъ стиховъ монастырскихъ, отчего на Воздвиженье, когда крестъ страданій Господнихъ воздвигаютъ, у подножья его васильки кладутъ. Въ давнюю пору была на Руси царица Олена — божья зажженная свѣча, взалкавшая истины. И предсталъ ей во снѣ Іисусъ — въ сіяньи ризъ бѣлоснѣжныхъ, жертвенной его кровью опаленныхъ:

— Царица земли Русской, избранной для пришествія Моего второго, гдѣ крестъ моихъ страданій за грѣхи человѣческіе? Не могу найти креста моего, о печали людской — памяти вѣчной. Иди въ землю Іудейскую, на гору Голгофой зовомую и крестъ мой воздвигни на очи — забыли люди о мукѣ моей.

Возстала царица Олена отъ сна, снаряжаетъ корабли въ дальній путь. Сто двадцать гребцовъ на переднемъ кораблѣ, двѣнадцать пушекъ и пятьсотъ колоколовъ отъ Лавры Кіевской. Пятьдесятъ поповъ и два архіепископа. А съ ними дружина царская — въ золотыхъ шлемахъ, и мечи тяжелѣе колоколовъ печерскихъ. Вотъ пришли корабли въ землю Іудейскую, свернули паруса у самой горы Голгофской — а кто знаетъ, гдѣ кресты закопаны? Одинъ камень вокругъ голый, вѣтеръ песокъ мететъ, да орлы-стервятники надъ кустами висятъ... Заплакала царица съ горя: невозможно завѣтъ Божій исполнить. И подошелъ тутъ къ ней архіепископъ Антоній печерскій, молитвенникъ строгій, взялъ ее за руку и говоритъ тихо:

— Не плачь царица земли избранной. Богъ, пославшій тебя въ путь, — указуетъ тебѣ путь праведный. Вотъ — въ расщелинахъ трехъ камней нашелъ я цвѣтъ голубой — василекъ. Голубые цвѣты на землѣ всѣ отъ слезъ Матери Божьей — незабудка, отъ печали Ея дѣвичьей, свѣтлой какъ небо майское; василекъ отъ муки ея материнской, утерю познавшей, темный какъ небо въ грозу. Прикажи, царица, здѣсь копать дружинѣ.

Пришла царица на то мѣсто, что архіепископъ указалъ, и приказала воинамъ землю копать. Ударили лопаты, и въ разъ три креста обнаружилось, и всѣ три нетлѣнны: на одномъ Христосъ былъ распятъ, а на двухъ другихъ разбойники. Призвала она всѣхъ поповъ, пятьдесятъ ихъ пришло и двухъ архіепископовъ:

— Служители престола Божьяго, вотъ три креста передъ Вами. На какомъ былъ распятъ Сынъ Божій?

Стали попы рядить и разсматривать. Нѣтъ — не могутъ угадать. Одинаковы кресты, всѣ три изъ кипариса, всѣхъ трехъ не коснулось тлѣніе, въ высоту, и въ ширину равны — осьмиконечные.

Тогда приказываетъ царица Олена:

— Принесите люди воина, котораго утромъ змѣя ужалила. Живъ ли онъ еще?

— Живъ еще, царица. Только сейчасъ кончится.

Принесли воина, съ лица синій, а лобъ бѣлѣть началъ и глаза не здѣшніе — смертью прихвачены: вотъ вотъ кончится. Положили его на песокъ, приказываетъ царица:

— Накладывайте на него кресты.

Наложили одинъ — открылъ воинъ глаза:

— Ой, тяжело, говоритъ, смерть моя приблизилась.

Наложили другой — разбойника раскаявшагося.

— Простите, шепчетъ и глаза завелъ.

Наложили третій — возсталъ вдругъ воинъ отъ земли, поднялъ копье и пошелъ на свое мѣсто въ дружинѣ.

А крестъ тотъ Божій взяла царица, съ великими почестями привезли его въ Кіевъ и поставили въ лаврѣ Кіево-Печерской, во престольномъ храмѣ, и стоялъ онъ тамъ, и видѣли его православные пятьдесятъ лѣтъ и пять лѣтъ, а когда умерла царица, взяли ангелы крестъ на небо, и увидятъ его люди, когда на страшный судъ пойдутъ на томъ самомъ мѣстѣ въ храмѣ Кіево-Печерскомъ.

Отъ той поры и повелись на Руси православной: въ Крестовоздвиженье Честного Древа Господня — хочешь ты, чтобъ не забыла Богородица, слезы твои материнскія — сплети вѣнокъ изъ васильковъ полевыхъ, положи къ ногамъ Ея сына. Василекъ — отъ слезъ и муки ея, Матери, въ горѣ сердца и въ темной печали возросшій. Ближе онъ къ сердцу Ея всѣхъ другихъ цвѣтовъ земныхъ.

Послухъ скита Покровскаго.

Договорились 12 братьевъ построить новую церковь въ Кіевской Лаврѣ, возлѣ Покровскаго скиту, въ купавѣ березъ бѣлоствольныхъ. А нанимала ихъ барыня подъ густой черной вуалью; изъ Покровской слободы на драндулетѣ трясучемъ пріѣхала.

— Должно жена монашеская, посмѣялись между собой братья, грѣхъ замаливаетъ. И запросили съ нея столько, что можно было на тѣ деньги новую воздвигнуть Лавру.

А барыня и не торговалась.

— Ладно, говоритъ, мастера кіевскіе. Стройте, чтобъ была колокольня благолѣпная, чтобъ уносилась къ небу, какъ мечта дѣвичья, а сколько она будетъ стоить, столько и будетъ. Выдамъ я вамъ все сполна, что, нехристи вы, съ меня просите.

Поплевали мастера на лопаты, лбы покрестили по православному— взялись за работу. Строютъ цѣлый день безъ отдыха, мало-мало самый куполъ не возведутъ — а за ночь вся церква въ землю проваливается. Одинъ ободокъ на поверхности. Что за чудеса такія въ наши времена? Три раза принимались мастера — три дня трудъ положили каторжный, и три ночи уходила церква въ землю по самый куполъ.

— Бѣжимъ, братцы, сказалъ старшій братъ, запаскудили монахи землю православную. По грѣхамъ ихъ страждемъ. Молитва и та — неугодна Господу!

Забрали свой струментъ, бѣгутъ безъ оглядки. За день мало-мало до самыхъ Черкассъ не дошли. Уморились, прилегли отдохнуть во ржи, а на утро просыпаются — глядь, на томъ же самомъ мѣстѣ у Покровскаго скиту лежатъ въ березняку, и изъ подъ земли церковь торчитъ — только куполъ и обозначается. Что за чудеса такія, непутевыя?! Три дня пробовали они бѣжать, три ночи засыпали въ поляхъ черкасскихъ, — и три утра просыпались въ березнякахъ у Покровскаго скиту, словно никуда и не уходили.

На третью ночь приснился старшему брату сонъ:

Подъѣзжаетъ, будто, барыня на извозчикѣ, идетъ къ нему походкой легкою — тонкими ножками земли не касается, подняла вуаль свою черную — обомлѣлъ мастеръ: Божья Мать, Богородица Пресвятая улыбнулась ему какъ съ иконы въ Благовѣщенье, а въ глазахъ Ея небо синей глубиной переливается, а въ устахъ Ея — яркихъ какъ пречистая кровь, улыбка звѣздой горитъ. Говоритъ ему тихо, говоритъ ему чуть слышно, будто вѣтеръ въ весеннюю ночь цвѣты въ густомъ вишенникѣ обронилъ:

— «Совершайте верхи! Верхи возводите, мастера трудолюбивые. И крестъ страданій человѣческихъ стрѣлой подымите къ Господу.»

Проснулись на утро мастера, ни слова другъ другу не сказали — можетъ всѣмъ одинъ сонъ привидѣлся. Взялись они за работу — приспѣла церква къ вечеру, и крестъ на ней вздѣтъ подъ самое небо, кумачемъ горитъ въ солнцѣ закатномъ. Подъѣзжаетъ барыня на извозчикѣ, даетъ мастерамъ мѣшокъ денегъ.

— Вотъ, говоритъ, ваша награда.

— Нѣтъ, отвѣчаютъ одиннадцать старшихъ братьевъ, не надо намъ денегъ. Спасъ насъ Богъ и открылъ намъ глаза, и знаемъ мы, что угодно Ему раскаяніе хоть позднее, и что есть въ грѣхѣ человѣческомъ путь къ спасенію. Какъ въ снопу золотомъ тонкій стебель василька полевого.

А двѣнадцатый и говоритъ:

— Давай, барыня, мои деньги, горбомъ моимъ затруженныя. Много труда я положилъ, поту съ меня три рѣки слилось — эвона, какое зданіе отмахивали. И мзду законную желаю по трудамъ моимъ получить полностью.

Подаетъ ему барыня мѣшокъ.

— На, говоритъ, это больше, чѣмъ ты заслужилъ. Строило васъ двѣнадцать, получай одинъ — двѣнадцатый ты и самый малый.

Сказала и съ тѣмъ отошла. Словно пташка въ бѣломъ цвѣту вишенъ исчезла. Стало тогда тихо на землѣ — самые полдни наступили.

Полегли мастера отдохнуть — потрудились не мало. Вотъ одиннадцать старшихъ и померло во снѣ, всѣ разомъ. Въ одинъ вздохъ отлетѣли ихъ души, мчатся къ верху по звѣзднымъ тропамъ, по дорогамъ голубымъ, а у рая встрѣчаетъ ихъ Богородица, стоитъ въ синемъ платкѣ, на землю поглядываетъ.

— Ой, кричитъ радостно и въ ладоши захлопала, Господи Боже, — мои мастера идутъ. Отвори ворота шире, — безкорыстные строители, плотники чистаго сердца, — церковь въ немъ воздвигшіе.

А младшій братъ, двѣнадцатый, ходилъ по землѣ съ сумой полной денегъ. Три года, четыре года — ходилъ неприкаянный. Тяжела сума, — ибо тяжелѣе возмездіе, нежели жертва. И въ рѣку бросалъ его, и въ лѣсу подъ мхомъ, подъ гнилью листовъ прошлогоднихъ зарывалъ, и жертвовалъ людямъ бѣднымъ — все къ нему идетъ, все назадъ возвращается, стопудовой змѣей плечи гложетъ.

Упалъ онъ на колѣни:

— Каюсь я, Мать Пресвятая. Есть въ грѣхѣ человѣческомъ путь къ искупленію — какъ въ снопу пшеницы есть полевого василька стебель тонкій. Позднее раскаяніе мое возьмешь ли?

Услышала его Богородица, приказала одиннадцати братьямъ раздвинуться — дать мѣсто двѣнадцатому. Испустилъ онъ душу, а одна колѣнка въ гробу и не умѣстилась, голымъ горбомъ торчитъ.

Такъ и стоитъ теперь лысымъ камнемъ возлѣ новой церкви въ Покровскомъ скиту, что въ Лаврѣ Кіево-Печерской, молитвенницѣ за землю Русскую, надъ самымъ Днѣпромъ въ густомъ березнякѣ отъ глазъ человѣческихъ, — пронырливыхъ, — какъ дѣвушка, прячется и послухъ несетъ смиренно, тонкимъ жалобнымъ звономъ взваниваясь въ покаянный гудъ колоколовъ печерскихъ.

Глѣбъ Алексѣевъ.

Берлинъ 1922 года.

ИВ. БУНИНЪ.

Темиръ-Аксакъ-Ханъ.

Темиръ-Аксакъ-Ханъ.

— А-а-а, Темиръ-Аксакъ-Ханъ! — дико вопитъ переливчатый, страстно и безнадежно тоскливый голосъ въ маленькой деревенской кофейнѣ.

Весенняя ночь темна и сыра, черная стѣна горныхъ обрывовъ едва различима. Возлѣ кофейни, прилѣпившейся къ скалѣ, стоитъ на шоссейной дорогѣ, на бѣлой грязи, открытый автомобиль, и отъ его страшныхъ, ослѣпительныхъ глазъ тянутся впередъ, въ темноту, два длинныхъ столпа свѣтлаго дыма. Издалека, снизу, доносится шумъ невидимаго моря, со всѣхъ сторонъ вѣетъ изъ темноты влажный безпокойный вѣтеръ.

Въ кофейнѣ густо накурено, она тускло озарена жестяной лампочкой, привѣшенной къ потолку, и нагрѣта грудой раскаленнаго жара, рдѣющаго на очагѣ въ углу. Нищій, сразу начавшій пѣсню о Темиръ-Аксакъ-Ханѣ пронзительно-гнусавой жалобой, мучительнымъ крикомъ, сидитъ на глиняномъ полу. Это столѣтняя обезьяна въ овчинной курткѣ и лохматомъ курпеѣ, рыжемъ отъ дождей, отъ солнца, отъ времени. На колѣняхъ у нищаго нѣчто вродѣ деревянной грубой лиры. Онъ согнулся — слушателямъ не видно его лица, видны только коричневыя уши, торчащія изъ-подъ курпея. Изрѣдка вырывая изъ струнъ рѣзкіе звуки, онъ вопитъ съ нестерпимой, отчаянной скорбью.

Возлѣ очага, на табуретѣ, женственно-полный, миловидный татаринъ, содержатель кофейни. Онъ сперва разсѣянно грызъ сѣмечки и улыбался не то снисходительно и насмѣшливо, не то ласково и чуть-чуть грустно. Потомъ такъ и застылъ — съ поднятыми бровями и съ улыбкой, перешедшей въ страдальческую и недоумѣнную.

На лавкѣ подъ окошечкомъ курилъ хаджи, высокій, съ худыми лопатками, сѣробородый, въ черномъ халатѣ и бѣлой чалмѣ, чудесно подчеркивающей смуглость его рябого строгаго лица. Теперь онъ забылъ о чубукѣ, закинулъ голову къ стѣнѣ, закрылъ глаза. Одна нога, въ полосатомъ шерстяномъ чулкѣ, согнута въ колѣнѣ, поставлена на лавку, другая, въ туфлѣ, виситъ.

А за столикомъ, возлѣ хаджи, тѣ проѣзжіе, которымъ пришло на умъ остановить автомобиль и выпить въ деревенской кофейнѣ по чашечкѣ дряннаго кофе: крупный господинъ въ котелкѣ, въ непромокаемомъ англійскомъ пальто и красивая молодая дама, блѣдная отъ волненія и вниманія. У нея цвѣтъ лица нѣжный, какъ цвѣтъ яблони, но она южанка, она понимаетъ по татарски, понимаетъ слова пѣсни... А-а-а, Темиръ-Аксакъ-Ханъ!

Не было во вселенной могущественнѣй и славнѣе Хана, чѣмъ Темиръ-Аксакъ-Ханъ. Весь подлунный міръ трепеталъ передъ нимъ, и прекраснѣйшія въ мірѣ женщины и дѣвушки готовы были умереть за счастье хоть на мгновеніе быть рабой его. Но передъ кончиною сидѣлъ Темиръ-Аксакъ-Ханъ въ пыли на камняхъ базара и цѣловалъ лохмотья проходящихъ калѣкъ и нищихъ, говоря имъ:

— Выньте душу мою, калѣки и нищіе, ибо нѣтъ въ ней болѣе даже желанія желать!

И когда Господь сжалился наконецъ надъ нимъ и освободилъ его отъ суетной земной славы и суетныхъ земныхъ утѣхъ, скоро распались всѣ царства его, въ запустѣніе пришли города и дворцы, и прахъ песковъ замелъ развалины ихъ подъ вѣчно синимъ, какъ драгоцѣнная глазурь, небомъ и вѣчно пылающимъ, какъ адскій огнь, солнцемъ... А-а-а, Темиръ-Аксакъ-Ханъ! Гдѣ дѣла и дни твои? Гдѣ битвы и побѣды? Гдѣ тѣ юныя, нѣжныя, ревнивыя, что любили тебя, гдѣ глаза, сіявшія, точно черныя солнца, на ложѣ твоемъ?

Всѣ молчатъ, всѣ покорены пѣсней. Но странно — та отчаянная скорбь, та горькая укоризна кому-то, которой такъ надрывается она, слаще самой высокой, самой страстной радости.

Проѣзжій господинъ пристально смотритъ въ столъ и жарко раскуриваетъ сигару. Его дама широко раскрыла глаза, по щекамъ ея бѣгутъ слезы.

Черезъ нѣсколько минутъ оба они выходятъ на порогъ кофейни. Нищій кончилъ пѣсню и сталъ жевать, отрывать отъ тугой лепешки, которую подалъ ему хозяинъ. Но кажется, что пѣсня все еще звучитъ, все еще длится, длится, что ей нѣтъ и не будетъ конца.

Дама, уходя, сунула нищему цѣлый золотой, но тревожно думаетъ, что мало, ей хочется вернуться и дать еще червонецъ — нѣтъ, два, три, или-же при всѣхъ поцѣловать его жесткую, скрюченную руку. Глаза ея еще горятъ отъ слезъ, но у нея такое чувство, что никогда въ жизни не была она счастливѣе, чѣмъ въ эту минуту, послѣ пѣсни о томъ, что все суета и скорбь подъ солнцемъ, въ эту темную и влажную ночь съ отдаленнымъ шумомъ невидимаго моря, съ запахомъ весенняго дождя и мокрой древесной коры, съ безпокойнымъ, до самой глубины души проникающимъ вѣтромъ.

Шоферъ, полулежавшій въ экипажѣ, поспѣшно выскакиваетъ изъ него, наклоняется въ свѣтъ отъ фонарей, что-то дѣлаетъ, похожій на звѣря въ своей точно вывернутой наизнанку шубѣ, и машина вдругъ оживаетъ, загудѣвъ, задрожавъ отъ нетерпѣнія. Господинъ помогаетъ дамѣ войти, садится рядомъ, покрывая ея колѣни пледомъ, она разсѣянно благодаритъ... Автомобиль несется по раскату шоссе внизъ, взмываетъ на подъемъ, упираясь свѣтлыми столпами въ какой-то кустарникъ на обрывахъ, и опять смахиваетъ свой свѣтъ въ сторону, роняетъ въ темноту новаго спуска... Въ вышинѣ, надъ очертаніями чуть видныхъ горъ, кажущихся исполинскими, мелькаютъ въ жидкихъ облакахъ звѣзды, далеко впередъ чуть бѣлѣетъ прибоемъ излучина залива, вѣтеръ мягко и сильно бьетъ въ лицо...

О, Темиръ-Аксакъ-Ханъ, говорила пѣсня, не было въ подлунной отважнѣй, счастливѣй и славнѣй тебя, смуглоликій, огнеглазый, — свѣтлый и благостный, какъ Гавріилъ, мудрый и пышный, какъ царь Сулейманъ! Ярче и зеленѣй райской листвы былъ шелкъ твоего тюрбана, и семицвѣтнымъ звѣзднымъ огнемъ дрожало и переливалось его алмазное перо, и за счастье прикоснуться кончикомъ устъ къ темной и узкой рукѣ твоей, осыпанной индійскими перстнями, готовы были умереть прекраснѣйшія въ мірѣ царевны и рабыни. Но до дна испивъ чашу земныхъ утѣхъ, въ пыли, на базарѣ сидѣлъ ты, Темиръ-Аксакъ-Ханъ, и ловилъ, цѣловалъ рубище проходящихъ калѣкъ, умоляя ихъ:

— Выньте мою страждущую душу, калѣки!

И вѣка пронеслись надъ твоею забвенной могилой, и пески замели развалины дворцовъ твоихъ подъ вѣчно синимъ небомъ и безжалостно радостнымъ солнцемъ, и дикій шиповникъ проросъ сквозь останки лазурныхъ фаянсовъ твоей гробницы, чтобы, съ каждою новой весной, снова и снова томились на немъ, разрывались отъ мучительно сладостныхъ пѣсенъ, отъ тоски несказаннаго счастья сердца соловьевъ... А-а-а, Темиръ-Аксакъ-Ханъ! Гдѣ она, горькая мудрость твоя? Гдѣ всѣ муки души твоей, слезами и желчью извергнувшей вонъ медъ земныхъ обольщеній?

Горы ушли, отступили, мимо широкой дороги мчится уже море, съ шумомъ и запахомъ водяной свѣжести набѣгающее пѣной на хрящъ берега, похожій на безконечные бугры костей. Далеко впереди, въ темной низменности, разсыпаны красные и бѣлые огни, стоитъ розовое зарево города, и ночь надъ нимъ и надъ моремъ черна и мягка, какъ сажа.

Ив. Бунинъ.

Парижъ, январь 1922 г.

ВЛ. ПIОТРОВСКIЙ

Полынь — Городъ.

Стихи.

ПОЛЫНЬ—ГОРОДЪ

Черезъ степи, отъ моря до моря,
Межъ метелокъ сухихъ ковыля,
Разметалась, хмельная отъ горя,
Святорусская тая земля.

А надъ нею, до солнца, зарницы,
Окликая поля и лѣса,
Полыхаютъ, какъ вѣщія птицы,
Зазываютъ зарю въ небеса.

Есть бревенчатый городъ, гдѣ княжитъ
Вѣкъ за вѣкомъ Червонный Пѣтухъ;
Тамъ куренья кадильныя вяжетъ
Горь-полынный занозистый духъ.

Городскія замшѣлыя вѣжи
Опрокинулись въ рѣчку Горынь;
А ведутъ къ нему тропы медвѣжьи,
А зовется тотъ городъ — Полынь.

Лишь замѣситъ къ заутрени солнце
Золотистое тѣсто въ дежѣ,
Лишь опара созрѣетъ на донцѣ, —
Красный Пѣвень встаетъ на межѣ.

Забирается выше и круче,
Бьетъ въ зарю звонкогудымъ крыломъ,
Гаситъ кровью сполошныя тучи,
Высылаетъ окрестъ буреломъ.

И взлетаютъ тесовыя крыши
Прокаленныхъ до тла теремовъ,
И взмываетъ все круче и выше
Пѣтушиный заливчатый зовъ.

Выбѣгаетъ Звонарь на звоницу,
Бьетъ въ набухшій отъ мѣди набатъ:
«Кто тамъ ловитъ Червонную Птицу
По верхамъ свѣченосныхъ палатъ?

Кто тамъ рветъ переметныя звенья
На моихъ жаровыхъ куполахъ? —
Отъ того пѣтушинаго пѣнья
Разлегается по небу шляхъ.

Отъ того пѣтушинаго крика,
Мимо солнечной зыбкой дежи,
Добѣгутъ до Господняго Лика
Перевитыя дымомъ межи.

Говорю вамъ: не даромъ такъ долго
Я пускалъ Пѣтуха на зарю, —
Я изъ пламени новую Волгу
Въ надзакатныхъ поляхъ сотворю.

Изъ пожарнаго звонкаго злата
Отолью парома-корабли,
Чтобъ на нихъ вы еще до заката
Къ Святодуху причалить могли.

Не гасите же стона и гуда, —
Говорю тебѣ: до-чиста сгинь
И воскресни глашатаемъ чуда,
Мною избранный городъ Полынь!»

Закрутилась тутъ въ пляскѣ великой
Ненасыть сѣдокосая — гарь,
И спустился, сошелъ огнеликій
Со звоницы на землю Звонарь.

На Полынь-городъ молнія пала,
Запалила съ востока врата, —
И сбѣжались, отъ стара до мала,
Горожане на голосъ Христа.

Красный Пѣвень играетъ и скачетъ,
Призываетъ къ небеснымъ тропамъ,
А Полынь-городъ стелется — плачетъ,
Припадаетъ къ Христовымъ стопамъ:

«Ты не жги наши бѣлыя вѣжи,
Золоты купола не круши, —
Не замрежить въ червонныя мрежи
Опоенной полынью души.

Опояшетъ ли звѣзды тугая
Опояска изъ рѣчки Горынь?
Да и есть ли такая другая?
Пожалѣй, Іисусе, остынь!

Скинь прохлады студеныя ризы
На того своего Пѣтуха,
Что срывается, пламенно-сизый,
Острымъ клювомъ кровавить верха.

Мы и тутъ твои вѣрныя дѣти, —
Сколько храмовъ тебѣ возвели!
Не губи же палаты и клѣти
Святорусской убогой земли» . . .

И выходитъ Звонарь на звоницу,
Простираетъ въ просторы ладонь;
Призываетъ Червонную Птицу
Заклевать красноперый огонь.

И опали крылатыя цѣпи,
Пѣвень облакомъ сгинулъ рудымъ;
Заревыя ковыльныя степи
Перевилъ, словно ладаномъ, дымъ.

Заблистали сквозь дымъ златоглавы;
Выгналъ звѣздное стадо пастухъ . . .
Возлюбившимъ страданія — слава,
Возлюбившимъ любовь — Святодухъ.

Вл. Піотровскій.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ.

На родинѣ.

НА РОДИНѢ

Незабываемое

На дворѣ у дѣда камни были большіе, круглые, лбастые — словно на мостовой. И подлинно былъ это большой, дѣловой дворъ для подводъ и телѣгъ. Мужики пріѣзжали за желѣзомъ и грохотали дробно и гулко по лбастымъ камнямъ. А межъ камней росла трава. Мелкими, острыми кусками, — зеленою, упрямою порослью. Бѣжала травка, обтекала камни, змѣилась межъ нихъ, а гдѣ больше простору — тамъ росла цѣлымъ кустикомъ, — вдругъ словно для шалости выпуская сверху желтый тюльпанъ. Понятно, это былъ не тюльпанъ, а просто желтый дворовой цвѣтокъ. «Дворняга». Но намъ онъ былъ дороже комнатныхъ, «витіеватыхъ» цвѣтовъ, узнанныхъ впослѣдствіи. Милѣе оранжерейныхъ настурцій съ фокусными лопастями и чашечками. Простой, дворовый, желтый цвѣтокъ. Мы его звали «двоюроднымъ братомъ» одуванчика, ибо, если сорвать и надавить, изъ него также выступалъ сокъ, молочный и острый, щипавшій глаза. Такъ.

А ближе къ забору трава уже не стѣснялась и дѣлалась выше и выше. Мѣшалась съ крапивой. Появлялась лопушиные листья, огромные, такіе огромные, и плоскіе, что у нихъ не хватало силъ расти и они изгибались мудреными вырѣзами.

Тамъ у забора, подъ лопухами, лежали сардинныя коробки и бутылка шампанскаго съ золотою головкой еще съ тети Валиной свадьбы и желѣзный крюкъ грабли. Все у самаго забора. Никто не зналъ, а мы знали. Муравьи тоже знали и нанесли цѣлые откосы хрупкой и сыпкой земли.

Подъ деревянный балконъ трава убѣгала и дѣлала видъ, что растетъ кустиками и что она даже не трава, а кустарникъ или Богъ знаетъ что. Выпускала какіе-то усики и колосья, похожіе на рожь. И, дѣй-

ствительно, трава была необыкновенная, острая, твердая съ пупырышками вродѣ зеренъ. А иногда съ тонкими, острыми — (береги глаза!) — усиками. Дѣйствительно, точно рожь или ячмень. Кто тамъ разберетъ. Но мы ее уже не трогали.

Пробовалъ Кузьмичъ, — дѣдовъ приказчикъ, — дворъ полоть и чистить. Особой скребкой и ковырялкой вырывалъ траву. И мы цѣлый день помогали. Даже землянику не пошли ѣсть. Хоть бабушка съ балкона звала, прикрывъ глаза ладонью, а другую руку держа, распластавши пальцы, на передникѣ. Точно она что-то къ ногѣ прижимала. Но мы не пошли. Миша мошенничалъ и не такъ выковыривалъ, какъ надо: — только срѣзалъ до земли, а пучокъ корней съ бахромкой, ниточками и земляными катышками оставлялъ внутри. А я вырывалъ полностью рукою, цѣлый пучокъ, чуть раскачавъ кустикъ, а маленькія травки выковыривалъ ножомъ, стащеннымъ на кухнѣ. Безъ черенка, такъ что «бамбусь» не ругалась.

Стояла она на балконѣ, сощуривъ глаза, ибо вечернее солнце падало тогда со стороны Кузьмичевскаго флигеля и звала насъ. Пять ступенекъ вело внизъ ко двору и баловная трава проступала и межъ нихъ, среди щелей, а одинъ лопухъ просто подлѣзъ сзади, просунулъ свой листъ и положилъ на ступеньку. Сперва былъ маленькій, незамѣтный, а потомъ ходить мѣшалъ. Кузьмичъ ему свернулъ голову, а мы жалѣли. Потекъ зеленый и острый, почти прозрачный сокъ, не похожій на молоко одуванчика.

Всю вырванную траву мы складывали въ кучки и тамъ, гдѣ мы работали, дворъ былъ какъ выбритый, чистый. Лысый квадратъ весь въ лбастыхъ, упрямыхъ, крутыхъ булыжникахъ — былъ словно вымытый и виденъ издали съ балкона. Сразу увядшая, убитая нами трава, лежала травянымъ, зеленымъ комомъ, могильною кучей пополамъ съ землей. Сразу поняла, что все уже кончено. И сразу начала умирать, гнить и распадаться. Должно быть, потому отъ нея шелъ запахъ теплаго удушья. Похоже было на запахъ раскопанныхъ грядокъ, взрытаго огорода или могилы для Лыски, которую хоронили мы осенью. Лыска передъ смертью почти не лаяла и только лизала шершавымъ, покорнымъ языкомъ сапогъ у «бамбуси». «Бамбусь» точно понимала, что Лыска скоро умретъ и смотрѣла на нее горестно. Тогда лицо «бамбуси» дѣлалось гладенькимъ и грустнымъ, точно вся кожа натягивалась и чего-то ожидала. И она прикусывала губу. Когда-же она не грустила и кормила насъ любимой брусникой съ яблоками и бутербродами или поила парнымъ молокомъ, отъ котораго пахло козой, мхомъ, навозомъ и чѣмъ-то еще, чуть тошнотнымъ, бабушка была не гладенькой, а въ лучикахъ и мор-

щинахъ. И лицо все было теплое и доброе. Если прижаться, то гораздо мягче лайковой перчатки. Такія складочки и мѣшечки ласковой кожи. Добрыя щеки.

И больше мы двора не чистили. Надоѣло. Такъ многое начинали мы и сразу бросали, лишь только работа хоть чуть надоѣдала. А обчищенный квадратъ скоро самъ заросъ. Сперва мелкой, неувѣренной травкой, какъ небритый подбородокъ. Травка не знала: «вырвутъ или нѣтъ». Вылѣзала игольчатыми остріями. Дѣлала такой видъ, что, молъ, въ случаѣ чего, она можетъ влѣзть обратно въ землю. А потомъ, видя, что никто не приходитъ и не трогаетъ, разрослась, распушилась, выросла большая и густая, пустила какія-то перья, колосья и усики и такъ раскурчавилась, точно ей наше вырываніе въ прокъ пошло. Даже цвѣточекъ голубой какой-то неожиданно выросъ на этомъ мѣстѣ. Вродѣ колокольчика полевого, но ниже и бархатистѣе. Мы три раза водили «бамбусь» смотрѣть на колокольчикъ и назвали его «Святой Настурціей», а весь, разросшійся и густо, — гуще прежняго, — зазеленѣвшій кусокъ двора — почему-то «полемъ Святого Антонія». Хотѣли даже огородить его колышками, но потомъ забыли.

И Кузьмичъ больше никогда травы не вырывалъ. И съ нами игралъ меньше. Можетъ быть потому, что у него случилось большое горе: умеръ маленькій, нѣжный, словно прозрачный, точно восковой ребенокъ, котораго Аксинья всегда держала на рукахъ. Это была первая смерть въ нашей жизни. Это былъ первый трупикъ, который я видѣлъ.

Произошло это внезапно. Ребенокъ похворалъ и умеръ: словно свѣчку задули церковную. Разъ и нѣту. Только восковой стерженекъ остался. Прислуги верещали и шушукались: оттуда мы и узнали. Аксинья сидѣла на деревянномъ крыльцѣ и голосила. Разставила худыя колѣни подъ линялымъ ситцевымъ платьемъ и голосила, безбровая и простоволосая. И лица ладонями не закрывала. Помню, въ тотъ день надъ всей слободой вставали тучи закаленныя, свинцовыя, — и небо надъ дворомъ было темное, грозовое, безпокойное. Густѣло что-то въ темныхъ тучахъ, черная середка, — а остальная часть неба позади насъ была еще свѣтлая. И было это, — неизвѣстно почему, — такъ страшно, такъ жутко. А тутъ еще въ низенькомъ флигелѣ лежалъ трупикъ. Насъ не пускали, но ближе къ вечеру мы все-же пошли. Спускались по деревяннымъ ступенямъ, кракнувшимъ подъ ногой и испугались. Шли по двору, всѣ взявшись за руки и боялись. Черная туча надвинулась какъ драконъ. А сзади было очень свѣтло и закатно. Что-то золотое и необыкновенное. Пропитанные свѣтомъ края тучъ. Совсѣмъ свѣтло. А впереди совсѣмъ темно. И не люблю и боюсь я, съ тѣхъ поръ, вотъ

такихъ грозовыхъ тучъ, когда двѣ части неба не поладятъ между собой и одна вѣритъ и золотится, а другая холодѣетъ и мертвитъ. И мертвенькій лежалъ тамъ за окошкомъ. Гробикъ былъ маленькій и, мы видѣли, оклеенъ розовой, глянцевой бумагой. Надъ нею шелъ бордюръ изъ бумажныхъ кружевъ, такихъ, какими полки на кухнѣ оклеиваютъ, но поуже и бѣлыхъ. У изголовья горѣли узкія и тонкія свѣчи... А на лицо я боялся смотрѣть. Потомъ, понятно, посмотрѣлъ: было оно восковое, точно подъ кожу напустили бродильнаго, свѣтлаго сахара. Жидкаго и прозрачнаго. А кожа стала чуть желтою. Мы сразу поняли, что такое смерть. Не опишешь. Но мы ясно видѣли, что это смерть. Смотрѣли черезъ окошки, поднявшись на цыпочки, и устали. А встать, взяться за подоконникъ, было страшно. Вообще до дома нельзя было дотрагиваться; нельзя: прилипнетъ. Старались даже на стекло не дышать, чтобы обратно не вдохнуть въ себя смерти. Потомъ, когда ушли, прежде чѣмъ ступить на пять деревянныхъ «бамбусиныхъ» ступеньки т. е. къ себѣ домой, я и Дима отряхали ноги. Миша не понималъ, но мы и его заставили. Это смерть прилипла къ подошвамъ бугорками и катышками, вообще землею. И мы терли подошву о подошву, быстро счищая словно скребкомъ и тряся ногой. А потомъ убѣжали по рѣзному, деревянному балкону, скорѣй, скорѣй туда, гдѣ дверь черной клеенкой по войлоку обита. Шмыгъ, и кончено. Пружина въ видѣ длиннаго и тонкаго желѣзнаго пальца, скользнула по ролику, отворила дверь а потомъ съ силою (чортовъ палецъ) ее захлопнула. Но я успѣлъ въ послѣдній разъ взглянуть. Низкій флигель потемнѣлъ, совсѣмъ слился съ заборомъ, но небо было чернѣе и безжалостнѣй. Черезъ три низкихъ и маленькихъ, точно слюдяныхъ, окошечка лился печальный и тоскующій свѣтъ. Флигель былъ свой, человѣческій и страдающій. А небо было слѣпое и безпощадное. Сверху шелъ холодъ и надвигалась куполомъ темь. Ясно было, что смерть оттуда сверху и что человѣческій флигелекъ нашъ безпомощенъ и не страшенъ. И трупикъ былъ нашъ, понятный и тоже обиженный. А оттуда, сверху добра не жди. Это я понялъ съ тѣхъ поръ навсегда. Нѣтъ до насъ дѣла никому и всѣ наши свѣчечки похоронныя и лики церковные и темныя иконы, предъ которыми стоимъ на колѣняхъ въ темныхъ придѣлахъ — все это братское, все человѣческое. И трупы наши посреди церкви для отпѣванія. Все это не страшно. Все это можно отплакать, отмолить, спрятать къ себѣ въ сердце, отогрѣть любовью. Дерномъ и цвѣтами. Весеннимъ воздухомъ. Любовью. А небо не умолишь. Драконовъ не отгонишь. И холода набѣгающихъ тучъ, вставшихъ надъ заборомъ, надъ красными крышами,

надъ кудрявыми дубами, — вставшихъ далекой, неумолимою, злобой, — не растопишь. Похоронная свѣчка не страшна. Небо страшно.

И мы скользнули, — шмыгъ, — за черную, подбитую войлокомъ и обтянутую клеенкою дверь. Чортовъ палецъ надавилъ и уже не раскроетъ, не предастъ. На бахромчатой скатерти: сахарница — синее съ золотомъ — и чашки, и темная баночка варенья. «Бамбусь» на кожаномъ диванѣ. Очки на лбу. И смотритъ строго и хочетъ побранить, спросить что-то, но не можетъ. Сама видитъ, что мы смерти испугались и смотримъ на нее и думаемъ. Потомъ побѣжали мыть скорѣй руки: отмыть. Всетаки чуть-чуть за подоконникъ держались и смерть сквозь пальцы вошла. Ночью всѣ трое перелѣзли на одну кровать и спали, уткнувшись. Кузьмичева мальчика воскового жалѣли, но не боялись. Боялись только узкихъ, нечеловѣческихъ свѣчей. И, главное, неба.

На утро Кузьмичъ запилъ. Кричалъ на дѣда, гремѣлъ ключами, не отворялъ воротъ и ушелъ куда-то быстро безъ шапки. Розовый гробикъ унесли безъ насъ. Аксинья смирилась, подчинилась и мыла крашеный полъ въ гостиной горячей водой, страшно разставивъ ноги, нагнувшись и не смотря на насъ. Мебель въ чехлахъ она сдвигала въ одинъ уголъ. Комната становилась просторной и чужой. Интересно было знать, что думаетъ Аксинья о смерти своего мальчика. Но нельзя было спросить. Съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, она точно что-то узнала, стала другою, особенной, не-прежнею. И мы изъ другой комнаты смотрѣли, какъ она наклонялась и отъ густой, горячей мочалы шелъ паръ. Но разговаривать такъ по просту съ нею боялись.

Кузьмичъ вернулся черезъ двѣ недѣли. Такъ всегда у него продолжалось. Запой кончился. Дѣдъ его не ругалъ, а какъ-то ласково улыбался, принялъ будто ничего не случилось и далъ ключи. Мы стояли тутъ-же и очень боялись, чтобы дѣдъ его не ударилъ или не обидѣлъ. Но ничего не случилось. Наоборотъ. Вечеръ былъ тихiй и пыль подымалась на шоссе. Это коровы шли обратно. Кузьмичъ стоялъ безъ шапки и только отъ ноздри къ глазу, наискосокъ чрезъ все лицо шелъ у него большой шрамъ и красная, незажившая полоса кожи была изодрана. Онъ не смотрѣлъ на дѣда и переминался съ ноги на ноги, босой. Мы поняли: значитъ и сапоги пропилъ. Дѣдъ сказалъ, какъ ни въ чемъ ни бывало: «завтра за мелкосортнымъ изъ Рубакина прiѣдутъ. Посмотришь, Кузьмичъ, есть-ли и отпустишь». Кузьмичъ взялъ ключи, хотѣлъ что-то сказать, но точно поперхнулся и пошелъ чрезъ калитку къ себѣ въ флигелекъ. Аксинья уже ждала и тоже ничего не сказала.

Вечеромъ, когда горѣла лампа, я игралъ бахромой скатерти, сидѣлъ на колѣняхъ у дѣда. Рука его была большая, жилистая съ рыжеватыми

волосами. Я взялъ и поцѣловалъ ее три раза. И еще три раза. Дѣдъ посмотрѣлъ на меня. А я сказалъ: «Кузьмича не обидѣли». И заплакалъ. Безъ всякой причины. Вспомнилась туча, обижающая и холодная. Темь встающая. Свѣчечки тонкія. И Кузьмичъ расцарапанный. Съ ноги на ногу переминавшійся. На холодныхъ дворовыхъ камняхъ. Вспомнилось, какъ мы дворъ вычищали, траву скребками вырывали. И пахла она тлѣніемъ, вялостью и удушьемъ. Вечернею мятою. Умираніемъ и землею.

— Нервный ты, чего-то, сказалъ дѣдъ, погладилъ мой лобъ шершавою, пухлой рукой со вздувшейся подушечками ладонью, и поцѣловалъ меня, защекотавъ мой лобъ мохнатыми усами.

Запахло уютомъ, табакомъ. Повѣяло домомъ и жизнью обижаемою. И лаской просимою. И любовью.

И заплакалъ я еще пуще.

Дѣдъ.

Полъ въ лавкѣ у дѣда былъ досчатый, выщербленный. Какой-то стершійся вдоль волоконъ, и только сучки выдѣлялись темными крѣпкими островками. И все-же былъ это дѣловой, хорошій и прочный полъ, и вся лавка была крѣпкая и бодрая. Можетъ быть, все такъ казалось изъза дѣда: самъ онъ былъ крѣпкій и властный, здоровый и сильный. Входя въ лавку, онъ словно заполнялъ ее всю, точно поддерживалъ ее плечами.

Сверху свисали хомуты, шлеи, и уздечки. У входа висѣли перевитою пачкой кнуты, туго обмотанные кожей на головкѣ кнутовища; рядомъ — свѣтлыя желѣзныя цѣпи. А на полкахъ были крючки и задвижки, болтики, винты и прочее; все въ синихъ и зеленыхъ аккуратныхъ пакетахъ, перетянутыхъ бичевкой; а лицомъ къ намъ, прохваченные этою-же бичевкою висѣли на пакетѣ образцы: крюка, винта или мѣднаго крана. Сзади стояли на ступенчатой подставкѣ самовары и еще дальше гвозди въ досчатыхъ, неструганныхъ ящикахъ, сало и мазь, нефть и смола въ бочкахъ, пакля въ мѣшкахъ, стекло въ широкихъ и тонкихъ ящикахъ. Подъ бочками были жестяные желобки для стока, темные, покрытые жировыми наростами съ маленькой лужицей масла или нефти на днѣ. Отдѣльные листы стекла были проложены соломой, и маленькій щуплый Викентій, вынимая ихъ, прикусывалъ отъ напряженія губу. Рѣзалъ онъ стекло таинственной бѣлою костяной штукой съ маленькимъ твердымъ камешкомъ на концѣ. Стекло жалобно звенѣло

въ отвѣтъ и ломалось — такъ вкусно, нежданно и хрупко — какъ разъ на линіи, которую провелъ Викентій. Онъ видѣлъ, что мы поражены и смѣялся узенькими щелками глазъ подъ большими мохнатыми бровями.

Но самымъ прекраснымъ, большимъ и значительнымъ былъ все-же дѣдъ. Безъ него не было-бы и этой хмурой, но крѣпкой и заполненной всякими мудрыми и нужными вещами лавки. Всѣ это понимали. Мужики и цыгане, заходя туда, держали себя не такъ, какъ въ другихъ лавкахъ, а иначе. Не покупали, а дѣло дѣлали, обдумывали, словно совѣтывались. Заходили не походя, невзначай, чтобъ прицѣниться, а по настоящему. Не для того, чтобы купить вещь, а чтобъ имѣть. Можетъ быть потому, что дѣдъ самъ не торговалъ, не отпускалъ, а просто высился надъ всѣмъ, надъ лавкой, надъ людьми, надъ жизнью. Викентій снималъ все, что нужно, раскладывалъ, говорилъ крайнюю цѣну и откидывалъ назадъ голову, словно любуясь вещью, что бы онъ не продавалъ: крючекъ, задвижку или самоваръ. Онъ отодвигалъ вещь подальше по прилавку, щурилъ глаза такъ, что они обращались въ совсѣмъ узенькія поперечныя щелки и дѣлалъ видъ, что ему совсѣмъ не интересно: купятъ вещь или нѣтъ. Мы-то видѣли, что это неправда и что онъ не любитъ упускать покупателя. Но мужики не понимали и говорили по псковскому: «цудной ты Викентьицъ ..... ницаво ... Подожди малость». А онъ уже дѣлалъ видъ, что кладетъ вещи обратно на полку. Кто дѣйствительно былъ спокоенъ, — это дѣдъ. Онъ возвышался надъ конторкой, какъ монументъ. Борода у него была не очень густая, но длинная и пряталась за высокую конторку. На острыхъ крючкахъ, висѣвшихъ на стѣнѣ, онъ натыкалъ письма; сперва читалъ ихъ, отставивъ далеко отъ себя поднявъ очки на лобъ. И были всегда письма подписаны: «Съ совершеннымъ почтеніемъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ». Откудабы не пришло письмо, всѣ почитали дѣда. И какъ-же иначе?

Я помню его предъ закатомъ, предъ часомъ закрытія лавки. Онъ выходилъ тогда на крыльцо и стоялъ. Стула ему не выносили: онъ этого не любилъ. И былъ онъ тутъ на улицѣ тоже большой и особенный. Или городокъ былъ маленькій и игрушечный. Или, чѣмъ дальше отходишь, тѣмъ больше хирѣетъ и сжимается все въ памяти. Но дѣдъ возвышался и надъ улицей. Точно ему тѣсно было. Такой онъ былъ огромный, плечистый, высокій и властный. Напротивъ шли гостинные ряды: и они казались предъ нимъ приземистыми, низкими, присѣвшими. Дѣдъ всегда смотрѣлъ въ сторону базара: тамъ былъ лѣсъ оглобель въ воздухѣ, и жеребята, трущіеся у невзрачныхъ и покорныхъ кобылъ, — и большая, липкая площадь, заполненная вѣчно-жидкой грязью, гдѣ ужъ не видно было ни колей, ни копытныхъ слѣдовъ, а все было измѣшано

и сравнено. Низкая деревянная ограда въ видѣ перекладинъ съ рѣдкими столбиками шла вдоль площади. И къ этимъ присѣвшимъ перекладинамъ мужики привязывали уздечки и возжи. Низкое все было и покорное. Все было: сегодня, какъ вчера и какъ завтра. Только дѣдъ былъ не такой, какъ всѣ. И церковь Спаса сейчасъ-же за базаромъ, ближе къ рѣчкѣ Великой и къ мосту, была не похожа на окружающее, была особенной, неспокойной и любимой. Ее мы также любили.

Вотъ въ вечерніе часы, когда дѣдъ выходилъ на улицу, надъ городомъ ложились вечернія полосы тучъ и таяли розовыя, какъ отъ пожара, пятна заката — церковь была особенной, не такой, какъ утромъ, не такою какъ ночью, не такою, какъ въ воскресенье передъ обѣдней. Въ вечерніе часы все: и гостинодворье, и городское присутствіе, — желтый присѣвшій домъ съ пролетами, похожими на гостинодворскіе, — и тротуаръ, и улица, уходившая отъ рѣки въ гору, и площадь — все это было поникшее, смутное, ненужное. Прошелъ день, такой-же случайный и быстрый, какъ минувшіе — и все было такъ ненужно, такъ безнадежно, и такъ безцѣльно. Особенно это было ясно въ часы предъ закатомъ, когда день усталъ, отгремѣлъ бубенчатой ложью пустыхъ, налгавшихъ часовъ, — а самаго вечера, теплой бархатной тьмы, которая скрыла-бы стыдъ за никчемность и ненужную жизнь — еще нѣту. Вотъ и стараются тогда уже и безъ того низкія, желтыя зданія войти и врости въ землю: спрятаться. Ибо небо еще совсѣмъ свѣтлое и просторное, и красныя пятна, отъ закатнаго пожара за Великой, горятъ надъ городомъ. Тогда воздухъ становился такимъ привольнымъ, свѣтлымъ, прозрачнымъ, и было въ этой прозрачности хорошо только двоимъ: дѣду и Спасу. Колокольни и купола стояли вольныя, точно вокругъ нихъ однихъ былъ, свободный отъ дневной лжи и суетнаго солнца, уже вечерній, прозрачный воздухъ.

Какую-то молитву зналъ Спасъ. Потому, должно быть и стоялъ такой свободный. И дѣдъ былъ одинъ спокойный и высокій. Смотрѣлъ туда на купола, потомъ поближе на улицу и ряды, и, казалось, что, когда переводитъ глаза, то смотритъ на жизнь и на городъ сверху внизъ. Сзади была желѣзная вывѣска; тамъ были нарисованы краны и дверныя петли, банки съ красками и кисти, но отъ времени рисунокъ стерся, какъ на очень старыхъ иконахъ. Были видны только пятна и надпись тоже славянскою древнею вязью: «Скобяная торговля». Надъ самою дверью была прибита множествомъ гвоздиковъ тонкая желѣзная дощечка: «Евсѣй Зиминъ». Такъ и помню дѣда: стоитъ, а сзади икона древняя стараго письма; повыше полыхаются вечернія тучи закатными пятнами, — еще выше — уже покой и мудрость вечера. Стылость и

прощеніе: — тихое небо. Налѣво бѣгутъ, точно кряхтя, все меньше и меньше, въ гору преземистые домики. Направо, присѣвшее со стыда гостинодворье, желтыя присутствія, оглобли и неразборчивыя пятна повозокъ, ибо внизу темнѣло скорѣе, чѣмъ сверху. А чуть выше надъ Великой, подымаясь упругою цѣлиной надъ землею, стоялъ въ воздухѣ прозрачный Спасъ. Одинъ церковный куполъ былъ синій съ золотыми звѣздами, другой червонный и блеклый, самъ точно изъ закатнаго золота. А колокольни узкія съ просвѣтами и вырѣзами на вечернее небо.

Мы шли домой съ дѣдомъ вмѣстѣ. Онъ шелъ большими шагами, всегда въ одномъ и томъ-же желтосѣромъ выцвѣтшемъ пальто. Шапки не любилъ надѣвать. Протягивалъ мнѣ руку, большую, пухлую и волосатую. Я бралъ ее снизу вверхъ, и была она для меня теплою жизнью, какимъ-то обѣщаніемъ, тайною связью моей съ прошлымъ необъятнымъ міромъ. Этимъ міромъ — былъ дѣдъ.

Можетъ быть, я безсознательно чувствовалъ какую-то непреложную правду жизни и преемственность своей связи съ нимъ. Я былъ на него похожъ, я это чувствовалъ. Мнѣ казалось, что мы одинаково беремъ въ руки разрѣзной ножъ и одинаково, однимъ пальцемъ, поправляемъ помочи: онъ — большія и старыя, я — совсѣмъ маленькія, витыя, веревочныя. Мнѣ казалось, что мы одинаково смотримъ на купола и оба понимаемъ одно и тоже. И я твердо зналъ, когда самъ стану дѣдомъ, то также буду заходить за прилавокъ, смотрѣть, понимать и прощать всѣхъ, быть выше всѣхъ, говорить одно и думать о другомъ.

И мнѣ уже не было странно, что, когда мы переходили мостъ, мы оба безъ сговору оборачивались и смотрѣли. Крѣпостныя зданія на островкѣ въ серединѣ Великой стояли молчаливо, словно что-то знали и не хотѣли разсказывать. А Спасъ стоялъ въ воздухѣ, чуть потемнѣвшій, легкій и увѣренный. Тамъ подъ городомъ пѣла вечерняя молитва.

А мы, спускаясь съ другой стороны, къ слободѣ, вступали въ теплое царство вечера. Изъ-за забора пахла усталая за день сирень. Взбилась изъ подъ каблуковъ и сейчасъ-же ложилась тонкая, темнѣвшая пыль. Ставни еще не были закрыты, и кой-гдѣ сквозь окна были видны желтыя, живыя точки — загоравшіяся лампы. Въ памяти такъ и живетъ бѣлая тюлевая гардина, срѣзавшая наискосокъ окно и чья-то спина, согнувшаяся надъ столомъ. Вечеръ.

Дѣдъ молчитъ и подбрасываетъ ногою острый булыжникъ, для мощенія. Кучи битаго камня лежатъ по краямъ, какъ пирамиды, и облиты струею известки. Булыжникъ подскакиваетъ. Мнѣ кажется, что, когда я буду дѣдомъ, я также буду подбрасывать камень. Именно такъ.

Темнѣетъ. Мы скоро подойдемъ къ зеленому домику. Дѣдъ смотритъ на меня, чуть скосивъ глазъ, и тихонько, незамѣтно пожимаетъ мнѣ руку. Я иду рядомъ съ дѣдомъ, не показывая вида, что у меня душа плачетъ. Отъ чего? Отъ любви къ нему, отъ того, что закатъ такой просторный и вечеръ такой ласковый, и сирень насъ такъ встрѣтила вечерней, пахучей волной. Я шагаю въ тактъ съ дѣдомъ и мучительно до слезъ люблю его: за то, что онъ другой, не такой, какъ всѣ; за то, что не суетится и знаетъ что-то, чего другіе не знаютъ; за то, что его зовутъ мужики «Евсѣй Евсѣичъ» и ему все равно купятъ или не купятъ; за то, что вечеромъ онъ одинъ только смотритъ на Спаса большой и свободной и за то, что у него большія руки, похожія на мои. Когда выросту, будутъ такія-же руки. А еще въ глубинѣ души я чувствую еще что-то, чего не скажешь, чувство сліянія съ дѣдомъ, точно я — это маленькій Ванька-Встанька или пасхальное яйцо, сидящее въ другомъ, какъ бываютъ Ваньки на Пасху — одинъ въ другомъ, — все меньше, такіе похожіе другъ на друга. И я знаю, что я такой-же, какъ дѣдъ, только сказать этого не могу.

И назвать этого не могу, этого чувства безсмертія и только крѣпко держусь за руку. Знаю, что и Спасъ, и воздухъ надъ нимъ, и вся моя прошлая, необъятная жизнь въ этомъ дѣдѣ и будущая во мнѣ самомъ — такъ странно слиты вмѣстѣ, такъ побѣдно, такъ торжествующе. Если-бы я понималъ, я бы, можетъ, сказалъ тогда, что смерти нѣтъ.

Но большую пѣвучую побѣду я чувствовалъ. И шелъ рядомъ съ дѣдомъ, какъ въ жизнь.

На секунду прижалъ его руку сильнѣе и думалъ:

«Милый, любимый дѣдушка Евсѣй Евсѣичъ, Господи помилуй». —

Такъ и дошли до нашего дома.

Бамбусь.

Малина въ саду у бабушки была удивительная. Кусты были низенькіе и густые, страшно близко росли другъ къ другу и между вѣточекъ было такъ уютно, спокойно и домовито, что тамъ набухала сѣрыми, шелковистыми нитками и лохмотьями особая мягкая паутина. Такой нигдѣ больше не было. Даже за образами паутина бывала темнѣе и гуще; пыльная, черная. И только здѣсь между вѣтокъ въ малинникѣ была она сѣрая, шелковая, свалявшаяся. Вообще все, что принадлежало «бамбусю» было такое мягенькое, ласковое, подпухшее. И сама она была,

словно катышекъ — теплая, уютная, добрая. И бурнусики ея, и платье какое-то особенное съ большими, пышными складками по бокамъ, какъ теперь дѣлаютъ для стильныхъ старинныхъ куколъ — было особенное, единственное. Была она, словно хранительница этихъ кустовъ, — старая, добрая фея. Можетъ быть такъ казалось, потому что была она очень маленькая, немного только выше самихъ кустовъ. Потому казалось, что она только что вышла оттуда изъ малинника и приглашаетъ всѣхъ подойти и полакомиться — дерну не мять, кустовъ съ силой не разрывать, вѣтокъ не отгибать. Малина сама покажется.

Дѣйствительно, когда мы подходили къ кустамъ, намъ сперва казалось, что ничего на нихъ нѣтъ. Такъ только порою, маленькіе твердые пупырышки твердые, зелено-желтые — будущая малина. Или черные, ссохшіеся катышки: старческая малина, бывшая, отмершая. И настоящихъ, вкусныхъ ягодъ съ мясистыми, сочными призмочками и съ хвостатымъ, бѣлымъ стерженькомъ въ серединѣ, который такъ радостно было вытаскивать изъ нутра — мы сперва и не видали. Развѣ случайно мелькнутъ двѣ-три малиновыхъ спинки, отвернувшихъ отъ насъ лицо. Странно, — словно всѣ прятались. Шли по низу вѣтки, подъ листьями.

Но «бамбусь» мягкимъ, ласковымъ, дружнымъ къ малиннику пальцемъ какъ-то особенно поворачивала вѣтку, — чуть нагибала, даже не надавливая, — и вѣтка поворачивалась, словно подставлялась и на ней, точно нарочно, было десять-двадцать большихъ и спѣлыхъ, налитыхъ, готовыхъ ягодокъ. На нѣкоторыхъ даже пухъ. Чуть видный, маленькій, — какъ дыханіе неощутимый. И на самой «бамбуси» тоже былъ этотъ пухъ. Была она вся, точно сердитый цыпленокъ, выкатившійся изъ гнѣзда, недоумѣвающій и косымъ ходомъ, задѣвая ногою за ногу, спѣшащій домой. Она тоже всегда такъ торопилась. Катилась пуховымъ шарикомъ.

Въ большіе праздники она надѣвала черное муаровое платье съ цѣлою горою лентъ, отрѣзковъ и волановъ. Это было большое сооруженіе. Шелкъ переливался отливами, какъ крылья чернаго павлина. А «бамбусь» внутри этой постройки была такая-же домашняя, сѣрая, уютная, знакомая намъ по повседневности и любимая. Внутри черныхъ, муаровыхъ кринолинныхъ фижмъ, катились они, также зацѣпляя за стулья, отдыхая у краешка столовъ. Только платье трещало, хрустѣло и верещало на ходу. Совсѣмъ это не подходило «бамбусю», — такой футляръ. Футляръ былъ самъ по себѣ, а «бамбусь» внутри такая-же заинька, какъ всегда. Но мы вспоминали, что для всѣхъ хорошихъ вещей всегда дѣлалась коробочка. Для рѣзного слоноваго вѣера, который брали всегда съ собой въ оперу — (одинъ углышекъ былъ испорченъ и болтался, а снизу висѣли двѣ очень узкія и очень длинныя, чахоточныя кисти изъ пожелтѣвшаго шелка, какъ бѣдныя род-

ственницы при вѣерѣ, чѣмъ то недовольныя) — для этого вѣера была длинная коробка, оклеенная зеленымъ плюшемъ. Петли коробки сорвались и она открывалась, тащила за собою всю свою бѣлую муаровую внутреннюю оклейку. Получалась гармоника. Но это только на мигъ. Зеленая крышка сидѣла крѣпко и оперный вѣеръ съ бѣдными, линялыми родственницами лежалъ тамъ плотно.

Для бинокля изъ перламутра тоже былъ футляръ — красный, плюшевый мѣшокъ. — Для бѣлыхъ, протертыхъ бензиномъ, узкихъ, анемичныхъ перчатокъ изъ тонкой и вялой лайки, похожихъ на безсильную, дряблую кожу и на маминой рукѣ вдругъ оживавшихъ, полнѣвшихъ, круглѣвшихъ, — для этихъ перчатокъ былъ большой узкій ящикъ, обтянутый краснымъ атласомъ съ пуфами по бокамъ. Внутри было длинное, узкое по формѣ коробки — хорошее зеркало. Давно, въ годовщину дня свадьбы ее привезъ съ конфетами отъ Berrin — Гутманъ или Карповъ. Конфеты были въ бумажныхъ футлярчикахъ (плиссе), а сверху лежало на бумажномъ фестонѣ два ломтика засахареннаго ананаса.

Рядомъ были щипчики и двузубая вилочка, чтобы хватать и колоть. А сверху бумажная салфеточка съ фирмой. Мы за одинъ день нащипали и накололи всѣ конфеты. Потомъ въ большомъ игрушечномъ ящикѣ, гдѣ мы собирали всякіе обломки и замысловатыя вещи — часовые колесики, фигурные камешки крупнаго гравія, найденные на побережьѣ, кнопки и сургучъ — хранили мы всѣ эти щипцы и двузубыя вилки. Накопилось ихъ десять или пятнадцать. Для носовыхъ батистовыхъ платковъ тоже былъ ящичекъ. Тоже съ зеркальцемъ, но только квадратнымъ. Его привезъ отъ Иванова — Каміонскій передъ самымъ своимъ концертомъ, — и въ немъ были одни только тянучки: хрупкія и ломкія «лже»-тянучки, похожія на нихъ по формѣ и настоящія тянучки, которыя можно было вытянуть, держа во рту на десять шаговъ. Однажды Колина тянучка вытянулась отъ балкона до гамака и не порвалась, однако скользнула къ песку и испачкалась. Можно было-бы собрать ее опять въ сладкій комъ, закатать и съѣсть даже съ песчинками, но мама увидѣла все это изъ окна будуара и тянучку пришлось бросить въ середину газона, а самимъ пойти мыть руки, что было самое непріятное. Потомъ, на другой день мы искали этотъ катышекъ, но по всей вѣроятности его затолкали къ себѣ муравьи въ устье своихъ жилищъ, какъ сладкій запасъ — или его слизнулъ маминъ Дюбикъ, одурѣло прыгавшій по газону. Для Дюбика это было во всякомъ случаѣ большой сюрпризъ.

Носовые батистовые платки съ большими, выпуклыми, шелковыми мотками лежали въ квадратномъ футлярѣ.

Нечего говорить о маминыхъ серьгахъ и большомъ браслетѣ и о брошкѣ въ видѣ стрѣлы — все это лежало въ разныхъ красныхъ и голубыхъ бархатныхъ или плюшевыхъ футлярахъ съ пружинками, которыя вкусно щелкали, при закрытіи. Все, что было драгоцѣнно, имѣло футляръ. Поэтому мы совсѣмъ не удивлялись черному, муаровому футляру «бамбуси» изъ лентъ, уголковъ и брыжжъ въ видѣ кринолина, какъ теперь дѣлаютъ старомоднымъ куклам. Внутри «бамбусь» была такая же мягкая, сѣрая, обычная, паутинная. И кусты малинника, привыкшіе къ ней, просто не обращали вниманія на шуршащую оболочку. Внутри, вѣдь, былъ такой же катышокъ сѣренькій, ласковый и знакомый.

Въ будни, въ бумазейномъ платьицѣ, — торопясь по дѣламъ за большими, мѣдными чанами для варенья, за сахаромъ или за селедкой для дѣда — (онъ любилъ рубленую или печеную съ лукомъ, густо до черноты подгорѣвшимъ), — «бамбусь» оставалась вдругъ на ходу неподвижной. Держалась за уголокъ стола или за спинку стула. Сперва мы думали, что это болитъ ея сердце, что она устаетъ. Потомъ увидѣли, что она просто застрѣваетъ на ходу, чтобы обдумать и вспомнить. Тогда она шевелила мягкими, небывало-мягкими губами, — кожа на щечкахъ — какъ розаны — натягивалась и становилась еще добрѣе и смѣшнѣе, (хотя и такъ это была самая добрая и смѣшная, т. е. любимая «бамбусь» на свѣтѣ) — и глаза смотрѣли лучисто. Глаза были изъ теплаго, живого и мягкаго стекла. Кошачьи. Сама «бамбусь» вся была похожа на кошку. Также вкрадчиво торопилась и потомъ вдругъ, не доходя до двери, останавливалась, застрѣвала и не знала, идти ли дальше или вернуться къ столу и постоять, облокотившисъ рукою на краешекъ, непремѣнно на уголъ. Чтобы додумать что-то забытое и неясное. Думала она, должно быть, просто, куда дѣвалась «шарлотка» для взбиванія сливокъ, бѣлый, маленькій, кухонный вѣничекъ, бьющій по тарелкамъ — или вспоминала, сколько яицъ принесли сегодня съ сѣновала, снеслась-ли «Квоука», старшая пеструшка. Но хотя и думала она о простыхъ и домашнихъ вещахъ, — такъ лучисто и ласково освѣщалось ея лицо, что сразу вся жизнь дѣлалась свѣтлой, прозрачной, угодною Богу. Другими дѣлались при «бамбуси» бѣлыя гардины. Иначе украшали комнату и сами дѣлались, — хоть и чуть подкрахмаленныя, мягкими, воскресными. И плюшевая мебель съ салфеточками на откидныхъ стульяхъ. И бархатный, синій альбомъ съ карточками ненужныхъ и постылыхъ родственниковъ. Какихъ то судейскихъ и директоровъ банка съ бакенбардами. Какой то Зоси и Зулуси, пошедшихъ вмѣстѣ въ артистки и тутъ же карточка Гарибальди. Должно быть въ старости, съ шапочкой и полосатымъ пледомъ. Веселѣлъ изъ за «бамбуси» и этотъ кладбищенскій альбомъ. Веселѣла лампа съ огромнымъ абажуромъ на отдѣльной серебристой

подставкѣ. Лампа по желанію выдвигалась выше или спускалась: — тогда дѣлалось уютнѣе и вкуснѣе. Впрочемъ, зажигали ее рѣдко. Рояль былъ покрытъ чехломъ, какъ слонъ, — и «бамбусь» играла очень рѣдко одинъ и тотъ-же мотивъ, похожій на польку-мазурку. Прежде чѣмъ начать, она долго разгонялась пальцами и наконецъ катилась по клавишамъ такимъ же сѣрымъ, родимымъ комкомъ, какъ всегда и повсюду. Мы любили этотъ мотивъ и всегда почему то становились спиной къ роялю, облокотившись руками на диванъ и шумно прыгали, такъ что крашеный полъ гудѣлъ, лампа шелестѣла абажуромъ, а дорогіе родственнички, должно быть, прыгали въ своемъ плюшевомъ альбомѣ.

«Бамбусь» закрывала осторожно крышку, натягивала большой, полосатый чехолъ, похожій на матрацную подкладку и снова не подходила три недѣли къ роялю. —

Бамбусь! Если смерти нѣтъ и ты меня слышишь, пойми, бамбусь, мою позднюю глупую любовь. Я тогда тебѣ не могъ этого сказать. Я самъ не понималъ. Но сердце мое уже тогда побаюкало тебя. А теперь я знаю, кто ты. Ты зябкая, пуховая птичка, выпавшая изъ гнѣзда и бѣгущая наискосокъ двора, заплетаясь и въ испугѣ. Ты сѣрый комочекъ тишины, спокойствія, уюта. Если души не покидаютъ насъ, то ты тамъ въ малинникѣ, какъ нибудь лежишь межъ вѣтвей — маленькой, сѣрой, безсмертной душой. Тамъ, гдѣ среди вѣтокъ мелкій шелковистый пухъ паутинокъ, свалявшійся въ рыхлые комочки — межъ ягодокъ, то недозрѣлыхъ, то старческихъ, — тамъ и ты, бамбусь.

Ты не умирала, бамбусь.

Смерти нѣтъ.

У себя надъ рѣкой.

Отъ воротъ къ городу вели двѣ дороги: одна внизу мягкая, земляная, вся въ колеяхъ. Другая, наверху вдоль первой, — твердая, шоссейная, обсаженная столбиками. И чѣмъ дальше, тѣмъ ниже спускалась земляная дорога къ рѣкѣ Великой и тѣмъ выше подходило къ желѣзному цѣпному мосту высокое, похожее на дамбу, шоссе. Такъ и получался въѣздъ на цѣпной мостъ надъ всей слободой. А чтобъ съ этой высокой каменной насыпи попасть къ домикамъ, — оставшимся гдѣ-то подъ нею внизу, близъ грязной, размытой, земляной дороги, — были построены узкіе мостки, высокіе и ажурные, вродѣ эстакадъ — сперва

прямые, а потомъ лѣсенкою внизъ прямо къ домикамъ. И получалось шоссе съ какими-то деревянными узкими крыльями, досчатыми балкончиками. Такого второго шоссе нѣтъ.

А внизу шла настоящая, хорошая дорога въ колеяхъ. И ее мы любили больше, чѣмъ каменную мостовую наверху. Подъ дождемъ она размякала и хлопала вкусно и сочно, колеи пропадали; но потомъ, чуть только подсыхало, и проѣзжали телѣги, — колеи означались ясныя, прессованныя, и отчетливыя, точно изъ торта или шоколаднаго тѣста. А когда совсѣмъ подсыхало, колеи дѣлались ломкими и сѣрыми, осыпались и пылились. Мы возвращались домой точно въ тонкой, сѣрой мукѣ. Въ рюхи можно было играть въ тѣ дни хорошо. Понятно, расчертить городъ было удобнѣе по влажной землѣ, но зато палки били легче по сухой и даже получался странный звонъ, точно земля дѣлалась упругой. Колеса проѣзжали, взбирались на бахрому колеи, давили ее, разсыпали въ катышки и въ пыль и подпрыгивали на сухомъ грунтѣ.

Весной, лишь сбѣгутъ и исчезнутъ снѣга, такъ чудесно было ходить по нижней дорогѣ, такія были у нея утрамбованныя пѣшеходныя тропинки по бокамъ. И по вечерамъ хорошо было тамъ ходить. Гораздо лучше, чѣмъ по шоссе. Изъ за рѣзныхъ низенькихъ заборовъ свѣшивались большія вѣтки сирени. Крылечки были привѣтливыя и всегда тамъ кто-нибудь сидѣлъ.

— Добрый вечеръ! — Добрый вечеръ! —

И дѣйствительно, вечера были всегда ласковые и нѣжные. Потомъ въ жизни такихъ не бывало. Сразу въ душу на всю жизнь надышали эти вечера раздумьемъ и свѣтлою тишью, закатнымъ, благословляющимъ небомъ и миромъ. Точно въ церкви.

По нижней дорогѣ гуляли, а по верхнему шоссе шла служебная и городская жизнь. Ломовики ѣхали тамъ, наверху, чтобы сразу въѣзжать на цѣпной мостъ.

Проѣзжалъ становой съ пристяжною, косившей на насъ налитой кровью глазъ. Проходилъ крестный ходъ. Почему-то онъ всегда торопился, точно надо было пройти поскорѣе. Впереди, поддерживая съ трудомъ большую, тяжелую икону или на полотенцахъ или просто руками, шли безъ шапокъ, обливаясь потомъ, два мѣщанина или посадскихъ. Это не было браннымъ словомъ: такъ мы звали всѣхъ, жившихъ въ пригородѣ. Посадскіе, всегда почти лысые и пожилые, смѣшно и мелко переставляли ноги: мелкими шажками. Руки у нихъ были свисши, оттянуты внизъ тяжелой иконой, и они сѣменили, но честь нести ее уступали неохотно. Отойдя, шли сзади, чтобы скорѣй вступить опять въ тягло. И не любили показывать, что устали. Пота не вытирали и

только ноги разминали большими шагами. А батюшки всегда почему-то очень торопились. Шли быстро и размашисто, точно крестный ходъ былъ между прочимъ, а главное было еще впереди. Собирались и изъ Крестовоздвиженской, и изъ Вознесенской, изъ Архіерейской и отъ Спаса. Всѣ шли гурьбой. Отъ быстрой ходьбы эпитрахиль относило въ сторону и были видны высокіе, мужицкіе сапоги съ голенищами. И это какъ-то роднило священниковъ съ нами. Такіе-же свои, — только, какъ полагается, надѣли облаченіе. Вѣтеръ относилъ волосы прозрачными прядями. На большомъ лбу, на лысинѣ, помню, игралъ какой-то глянецъ. И былъ весь крестный ходъ такой хлопотливый, дѣловой. Отмолиться, отходить положенные куски отъ церкви до церкви и все. У насъ внизу по нашей земляной дорогѣ такъ не ходили-бы. За то похороны шли не тамъ а у насъ, по колеямъ, по грустной и ласковой землѣ. Если не было засухи или жары, то была дорога мягкою и податливой. Несли человѣка въ землю по такой-же черной, точно унавоженной землѣ. И былъ этотъ путь ближе намъ, яснѣе и понятливѣе, чѣмъ громыхавшее шоссе.

Наверху часто ѣхали возчики съ длинными полосами желѣза. Хвосты полосъ свѣшивались внизъ и дребезжали, подпрыгивая и скрежеща по булыжнику. А упрямыя колеса кромѣ того громыхали, били въ лобъ по мостовой. И почему-то больше всего ѣхали раннимъ утромъ въ пять, въ шесть часовъ.

Въ спальнѣ было тепло и уютно. Не ушли еще сны и витали гдѣ-то тутъ-же съ большими, перепончатыми сѣрыми крыльями, какъ у летучей мыши. Сквозь полоски ставень еще не пробился утренній свѣтъ, и ночь была еще неоконченной. Сны были недосмотрѣны. Большіе образа были въ тѣни и отъ лампадки, — если прищуриться, пріоткрыть еще заспанныя, еще спутанныя рѣсницы, — шли наискосокъ и впередъ желтые лучики. Сливаясь и пересѣкаясь, они превращались въ сѣточку, темнѣли и исчезали. Это просто закрывались глаза. Досыпать. И вотъ всегда въ эту пору проѣзжали какія-то утреннія телѣги — такія, какихъ въ другіе часы не увидишь и не услышишь. Съ долгимъ дребезжащимъ стукомъ подъ самымъ окномъ, съ верещаньемъ и грохотомъ желѣзныхъ полосъ и колесныхъ ободьевъ о мостовую. Помните? Всегда въ этотъ часъ лучше спалось. Услышишь, почуешь этотъ добрый, долгій — непрекращающійся грохотъ — точно сто телѣгъ проѣхало, и еще сто, и опять сто—и поймешь, что встать не надо, что надо досыпать, что проѣдутъ еще много телѣгъ и что, можетъ быть, это всего одна только телѣга. И отъ мига прищуреннаго пробужденія до мига сладкаго паденія обратно въ бездну—сто-ли проѣхало, одна-ли — не все-ли равно. Много, долго, громко, рѣзко — кто-то ѣдетъ и тѣмъ

теплѣе спать, тѣмъ тѣснѣе уютъ. И весь воздухъ еще не доспалъ. И одѣяла не проснулись. И сны не свернули крыльевъ. Спитъ еще комната. Кресла спятъ, стулья. И кретоновые чехольчики на сидѣньяхъ тоже блеклые, еще не расцвѣченные. Все спитъ.

И вотъ тогда, въ тотъ-же утренній часъ сладкаго и повторнаго смыканья рѣсницъ — приходилъ извнѣ еще одинъ звукъ. Онъ рождался плавно тутъ-же у стѣны, у подоконника близъ ставенъ и только потомъ, когда онъ долгимъ протяжнымъ утреннимъ штопоромъ пронизывалъ воздухъ, полутьму спальни и сознаніе, — дѣлалось ясно, что это далеко-далеко гудѣлъ фабричный гудокъ. Жалобно и остро, настойчиво и безконечно. Жаловался, что холодно, что уже надо вставать, что никто не хочетъ слушать и что еще очень рано. Жаловался, что утра еще нѣтъ, что разсвѣтъ еще высоко на тучахъ, на деревьяхъ, что кой-гдѣ за ставнями виденъ желтый свѣтъ лампы и отъ этого еще больше хочется спать. Зналъ, что отъ его печальной, предразсвѣтной жалобы, люди еще глубже кутаются и уходятъ въ сонъ и потому гудѣлъ еще упрямѣй и вилъ тонкую спираль къ небу. Должно быть, чтобы поторопить разсвѣтъ. И когда умолкалъ, то ниспадалъ болѣе толстой звуковою волной, точно надувалъ щеки паромъ, давился и умолкалъ. И только въ воздухѣ чуялся слѣдъ звуковой спирали: это звенѣло въ ушахъ. И въ этотъ-же часъ ласковой дремы — помните? — всегда перекликались протяжными свистками паровозы. И чуялось, что фонари вдоль путей, вдоль скрещенныхъ и развѣтвленныхъ рельсъ, еще горятъ. И отсвѣты дрожатъ на мокромъ отъ росы желѣзѣ. Отъ этого еще крѣпче хотѣлось спать, и въ сознаніи, опять затихавшемъ, все слабѣе, все нѣжнѣе, все нездѣшнѣе перекликалось тихое эхо паровозныхъ свистковъ. Пока не умирало.

Сонъ. Сонъ. Сонъ.

Сергѣй Горный.

АЛЕКСАНДРЪ ДРОЗДОВЪ.

Ковалевъ, Королевъ и Аркадій Петровичъ.

Ковалевъ, Королевъ и Аркадій Петровичъ.

Гр. А. Н. Толстому.

I

На старостиной крышѣ пѣтухъ-флюгеръ повернулся подъ рывкомъ вѣтра и уставился клювомъ на востокъ — вѣтеръ потянулъ западный, банный; разбобѣвшія, раздобрѣвшія — что баба послѣ сна — облака поползли ниже къ землѣ, надумалъ было накрапывать дождикъ,но пересталъ, пыль отъ капель его, упавшихъ нехотя, стала рябая, оспенная. Собирался вечеръ. Въ пруду, обсаженномъ ветлами, раздувая бѣловатые склизкіе бока, пропѣла лягушка о мокротѣ и сырости.

И вотъ лопнулъ снарядъ, будто семинарскій басъ рявкнулъ коротко: «аминь!»

Подходили бѣлые.

Аркадій Петровичъ, ѣхавшій въ тарантасѣ, чтобы перекинуться къ бѣлымъ, вобралъ голову въ плечи, перекрестился мелкимъ крестомъ и ладонью тронулъ мужика, сидящаго на козлахъ, сказавъ напуганно: «погоняй, голубчикъ». Оглянувшись, увидѣлъ онъ, какъ по правую сторону проселка, тамъ, гдѣ зеленая рожь клиномъ вдавалась въ лѣсъ, поскакали всадники, низко пригнувшись къ сѣдламъ — то ли красные, то ли бѣлые. Солнце, катящееся на покой, загородилось тучами, ото ржи тянуло запахомъ кротовыхъ норъ. Снова пропѣлъ снарядъ, ахнулъ гдѣ-то за мысомъ, проаухавъ по раздолью. Екая селезенкой, лошадь мирно бѣжала проселкомъ, шлея хлестала ее по бокамъ, мужикъ на козлахъ позѣвывалъ. «Только-бы доѣхать до деревни, — подумалъ Аркадій Петровичъ, — а тамъ какъ-нибудь вывернусь».

— Палятъ, — сказалъ онъ мужику.

— Канешна.

— Наши, что-ль?

Улыбнулся, какъ привыкъ улыбаться съ тѣхъ поръ, какъ бѣжалъ, чтобы перекинуться къ бѣлымъ: искательно.

— Разбери ихъ, которы наши, которы ваши. За эту за самую стрѣльбу придецца прибавить вамъ, баринъ.

— Гони, гони, — сказалъ Аркадій Петровичъ, — прибавлю.

За поворотомъ открылось село: лежало оно въ котловинѣ, загородясь полями, убѣгающими на скаты, схоронилось въ яблонныхъ и вишневыхъ садахъ, поднявшихся вровень соломеннымъ крышамъ, розовая колокольня, изстеганная дождями и вѣтрами, сторожила ихъ, какъ ставленникъ Божій недремлющій. Засыпающее солнце не могло дотянуть сюда отяжелѣвшаго взгляда своего — рожь на верху скатовъ багрянилась еще, а село было въ тѣни, въ вечерѣющей сини близкаго вечера. У околицы на землѣ сидѣли спѣшенные красноармейцы, привязанныя къ городьбѣ лошади лѣниво нюхали траву, шевеля ушами. Мужикъ натянулъ вожжи, сказалъ:

— Тпру, милой!

Поглядѣлъ на красноармейцевъ и спросилъ безразлично:

— Пропущаете, ай нѣтъ?

Отъ сидящихъ медленно приподнялся крѣпкоплечій парень, подтянулъ сапоги къ рейтузамъ и поправилъ козырекъ картуза; лицо у него было желтѣй мѣди, все въ веснушкахъ; будто всадили ему въ кожу множество мелкихъ булавокъ съ желтыми головками, глаза маленькіе и удалые. Подойдя къ лошади, онъ подтянулъ подпругу, похлопалъ лошадь ладонью по крупу и, мелькомъ глянувъ на Аркадія Петровича, спросилъ, какъ будто мимоходомъ:

— Кого и куда везешь, товарищъ?

Аркадій Петровичъ перегнулся съ тарантаса: держась за ручку чемодана своего, клѣтчатаго, съ пообитыми боками, старался отъ глянуть товарищу въ его бѣдовые мелкіе глаза.

— Я, товарищъ, ѣду по командировкѣ изъ Москвы. Въ Листовецъ ѣду, у меня мандатъ отъ товарища Кириллина, хотите взглянуть? У меня при себѣ мандатъ. Все въ порядкѣ, товарищъ, и печати и подписи, угодно-ли взглянуть?

— Кто-жъ это такой Кириллинъ то? — спросилъ товарищъ, взялъ въ горсть гриву лошади и сказалъ ласково: «да стой ты, чортъ!»

— Товарищъ Кириллинъ? Вы не знаете товарища Кириллина? Да онъ въ комиссаріатѣ внутреннихъ дѣлъ, въ той комнатѣ, что, знаете, какъ итти отъ подъѣзда, то третья. Безусый, у лѣваго глаза у него родимое пятно, похожее на черный пластырь, плѣшивъ онъ. Лѣтъ подъ сорокъ. Да вотъ, взгляните на мандатъ.

Засунувъ руку, онъ сталъ искать въ боковомъ карманѣ бумажникъ, думая: «авось, пронесетъ и здѣсь, Христа ради».

— Ладно тамъ. А почему попали на фронтъ?

— Да я жъ въ Листовецъ ѣду.

— А вѣдомо вамъ, что Листовецъ въ рукахъ бѣлыхъ?

— Въ рукахъ бѣлыхъ?

Товарищъ отошелъ отъ лошади, облокотился о козлы и, сложивъ на нихъ руки, изъ подъ козырька сталъ глядѣть Аркадію Петровичу въ переносицу, глаза его сузились еще больше, загорѣлыя на солнцѣ морщинки поднялись къ нимъ. Аркадій Петровичъ вынулъ руку изъ бокового кармана, поправилъ чемоданъ, чтобы не лѣзъ на ноги, колѣни его коломытно свело.

— Къ завтраму жъ отобьете, товарищъ...

«Не пронесетъ, не пронесетъ», — впивался ему въ мозгъ гвоздочекъ.

— Отобьемъ, не отобьемъ, а ѣздить здѣсь вамъ, товарищъ, не къ чему, здѣсь у насъ эва чѣмъ пахнетъ, слышите?

За скатами забрехалъ пулеметъ, прорыдалъ, затихъ, зарыдалъ гулче; красноармейцы, лежавшіе на животахъ, засмѣялись чему то весело, но похабно.

— Можетъ, мнѣ переждать здѣсь, у васъ? — спросилъ Аркадій Петровичъ, улыбаясь тою улыбкой, какую презиралъ въ себѣ, и вдругъ какъ-то со стороны увидѣлъ себя въ зеленомъ пыльникѣ, въ запыленномъ и выцвѣтшемъ шлюпикѣ, съ небритымъ, жалко сморщеннымъ лицомъ, душа въ немъ стала скулить по щенячьи.

— Переждать, товарищъ, придется. А ну ка, Пѣтуховъ, сведи ка товарища въ сарай, тому-то нашему плѣнному повеселѣй будетъ, стосковался, поди. Слѣзайте, товарищъ, пріѣхали.

— У меня-же мандатъ, — оробѣвъ, проговорилъ Аркадій Петровичъ, а самъ уже сталъ вылѣзать изъ тарантаса, задомъ, думая, что пропалъ, говоря:

— Я ѣду по инструкціи центральной власти, уполномочившей меня... и у меня чемоданъ, можете обыскать, ничего подозрительнаго.

— Чемоданъ мужикъ покуда къ себѣ свезетъ, чемодана вашего намъ не нужно. Иди, Пѣтуховъ, да мигомъ назадъ.

Пѣтуховъ былъ низокъ ростомъ, глуповатъ лицомъ, картузъ его былъ прострѣленъ, портки висѣли надъ рыжими сапогами, будто надутые, черезъ грудь шелъ ремень винтовки. Онъ подошелъ въ развалку, качаясь всѣмъ тѣломъ, и поглядѣлъ на слѣзшаго Аркадія Петровича, какъ на бездушное бревно. Потомъ онъ повернулся и пошелъ къ околицѣ, Аркадій Петровичъ безропотно пошелъ за нимъ, глядя на его пропотѣлую,

всю въ пятнахъ отъ денного, покрытаго пылью, пота гимнастерку, на винтовку съ обрѣзаннымъ дуломъ, чтобы легче вѣсила, и думалъ, что какъ же такъ, что вотъ такъ исторія, что надо же выяснить... Деревня была, какъ вымершая, только отъ пруда, поворачивая надменно головы съ черными мухами глазъ, шли гуси, бѣлые гагаки, неловко ставя на земь лапчатыя красныя ноги. Кой гдѣ на дорогѣ лежали кучки перегорѣвшаго на денномъ солнцѣ конскаго навоза, похожаго на искрошенную солому. У колодца съ высоко взметнувшимся недвижнымъ журавлемъ стояли три солдата, курили и сплевывали въ колодезь.

Пѣтуховъ подошелъ къ чистенькой избѣ, отворилъ калитку въ плетнѣ и сказалъ дѣвченкинымъ голосомъ:

— Здѣся.

Вслѣдъ за Пѣтуховымъ Аркадій Петровичъ пошелъ садомъ, кривоствольныя яблони, обмазанныя известкой, только что сронили цвѣтенье, завязывали плоды, подъ крыжовенными кустами уже укладывался на покой намаянный деревенскій день. Идя за Пѣтуховымъ, глядѣлъ Аркадій Петровичъ, какъ подъ сбитыми его каблуками хрустятъ загнившіе сучья, будто сухари на зубахъ. Вышли на гумно, къ ригѣ. У риги на землѣ, запорошенной соломенной трухой, сидѣлъ, опираясь спиной о затворенную дверь, солдатъ съ мѣдной рѣдкой бороденкой, молодой, съ плоскимъ носомъ и глазами, похожими на полотняныя пуговицы съ подштаниковъ, глядѣлъ онъ въ небо, положивъ винтовку на колѣни, на ближнія звѣзды, еще не зажегшіяся, но уже намѣченныя недальней ночью, на выставленныхъ кнаружи подошвахъ его сапогъ налипли земля и куриный пометъ.

— Чаво, чаво? — закричалъ онъ, завидя подходящихъ, — кого ведешь еще, кого пымалъ? Давай его сюда, сукина сына, покажу ему, какъ противъ трудящаго народу иттить!

Онъ всталъ, заломилъ фуражку на бекрень, заголивъ узкій лобъ, волосы цвѣта гнѣдой кобылы полѣзли ему на глаза, ротъ у него былъ веселый и недобрый. Приплясывая, онъ побѣжалъ къ Аркадію Петровичу, навстрѣчу остановился и затаращилъ безцвѣтные глаза.

— Буржуй? Давай сюда буржуевъ, мать ихъ Богородицѣ... Товарища Ленина врагъ, такъ и мой ты врагъ безпремѣнно, врагъ трудящаго народу.

Аркадій Петровичъ поглядѣлъ въ его лицо, русское-разрусское, на яркіе зубы подъ тонкими бѣлыми губами, на рыжую бороденку, и сказалъ однѣми губами, ничего не думая:

— Прошу васъ быть сдержаннѣе, я арестованъ по недоразумѣнію и скоро это выяснится.

— Покеда прояснится, пожалте въ ригу, товарищъ. Гдѣ пымали его, Пѣтуховъ?

— Нигдѣ не пымали, — сказалъ Пѣтуховъ безо всякаго участія, — самъ набегъ. Припри его въ ригѣ, тамъ ужъ какое распоряженіе выйдетъ.

— Поди въ ригу, што-ль! — закричалъ Ковалевъ, хватая Аркадія Петровича за рукавъ. Аркадій Петровичъ отстранился и поправилъ рукавъ. Пѣтуховъ свелъ лопатки, чтобы подкинуть на спинѣ винтовку, повернулся и пошелъ назадъ, гумномъ, Аркадій Петровичъ закричалъ ему вдогонку:

— Приглядите за моимъ чемоданомъ, товарищъ, я васъ поблагодарю!

Пѣтуховъ шелъ, не обернулся; проходя мимо крыжовника, поднялъ кустъ, увидѣлъ, что рано ягодѣ, и пошелъ дальше.

— Приглядимъ за чемоданомъ, имѣй такое спокойствіе на милость, — сказалъ Ковалевъ, толкнулъ Аркадія Петровича кулакомъ подъ лопатки и закричалъ, самъ тѣшась голосомъ, — иди, куды зовутъ, покеда голова на плечахъ держится!

Отстраняясь отъ Ковалева, Аркадій Петровичъ подошелъ къ ригѣ. Ковалевъ вынулъ застрѣху изъ петли, отдалъ щеколду и пріоткрылъ дверь, заохавшую на проржавленныхъ петляхъ, Аркадій Петровичъ торопливо скользнулъ въ щель, дверь за нимъ тотчасъ же закрылась, заохавъ, снова скребнула щеколда, забитая застрѣхою.

Въ ригѣ было темно, Аркадій Петровичъ въ первую минуту ничего не разобралъ; свѣтъ сочился изъ подъ стѣны, подъ самою крышей, скоро увидѣлъ Аркадій Петровичъ толстые бревна, соединявшіе стѣны, иструшенное прошлогоднее сѣно, пыльными копнами лежащее въ углахъ, дровни съ высоко взодранными оглоблями, хомуты, постромки, сваленные въ кучу колья. Потомъ онъ разсмотрѣлъ человѣка, сидящаго на передкѣ дровни. Человѣкъ былъ черенъ, густо бородатъ, очень раскидистъ въ плечахъ; сидѣлъ онъ, ссутулясь, положивъ длинныя руки на колѣни, пухлыя губы его были разсѣчены, неутертая кровь чернѣла на бородкѣ. Аркадій Петровичъ двинулся къ нему, переступилъ съ ноги на ногу и сказалъ нерѣшительно:

— Здравствуйте, товарищъ!

Человѣкъ ничего не отвѣтилъ, только перевелъ на Аркадія Петровича большіе свѣтлые глаза, взглядъ ихъ былъ, что взглядъ парнишки о восьми лѣтъ, лазоревый. Аркадію Петровичу стало тошно и не по себѣ. Отойдя, онъ присѣлъ въ сторонкѣ на срубъ, откинулъ полу пыльника, досталъ кожаный портсигаръ подъ крокодила. И явственно причудилось ему, что пропалъ, беззащитенъ; губы его поджались по старчески.

— Кто таковъ будешь? — спросилъ бородатый человѣкъ.

Поднявъ глаза, увидѣлъ Аркадій Петровичъ лицо туповато доброе, покорное, расческою продранные волосы; судорожно сведя пальцы, онъ переломилъ папиросу, поглядѣлъ на нее, бросилъ на землю и отвѣтилъ устало:

— Да вотъ, арестовали, совершенно неизвѣстно почему. Попалъ въ полосу военныхъ дѣйствій. Даже мандата не посмотрѣли, совершенно явный произволъ. Какъ вы думаете, вѣдь выпустятъ, если нѣтъ никакой вины?

Черный мужикъ усмѣхнулся, не сказалъ ничего.

Аркадій Петровичъ подумалъ: «свой или нѣтъ? Какъ-будто свой, если засудили, а, можетъ быть, провокаторъ». Здѣсь со стихійной тоской подумалось ему, какъ онъ неостороженъ, душевно неряшливъ: ахъ, въ голодной Москвѣ, надобно стоять въ очередяхъ, гдѣ пахнетъ поганымъ и дряннымъ сѣро-сизымъ супомъ изъ воблы, тамъ все же былъ покой и уютъ въ комнатѣ, загроможденной мебелью, какъ чуланъ... И опять онъ увидѣлъ, что пропалъ, и опять ему стало тошно, какъ въ морѣ, когда тянетъ къ борту.

— Я, товарищъ, тоже встрялъ, — сказалъ мужикъ съ усмѣшкой, смѣясь надъ тѣмъ, что вотъ, молъ, встрялъ, — кому, видать, какое расписаніе. Встрялъ да побитъ.

— Кто же это васъ?

— Да тотъ, сторожевой. Рыжій то тотъ.

— За что?

— А за то, что онъ сторожевой, а я забранный. Ты, гритъ, кадетскій шпіенъ, за выглядкой къ намъ залазилъ. Въ расходъ, гритъ, тебя, стерву, взять, и въ морду: разъ. Будешь, гритъ, помнить, какъ итти противу трудящаго народу, и въ морду: два. Губы разсѣкъ.

— Жаловаться надо.

— Кому жаловаться, когда энтакое дѣло? Шелъ я, сынокъ, съ села Ганькина на село Кузьминское, въ Кузьминскомъ-то, звона, баба въ больницѣ родитъ, труденъ у ей на сей разъ случай. Прошелъ горку, спушаюсь въ балку, все тебѣ ничего, а какъ завернулъ за межу, глянь, скачутъ ребята на коняхъ: ты, кричатъ, кто таковъ? А вотъ таковъ, говорю, что въ селѣ Ганькинѣ крестьянствую, крестьянинъ Иванъ Петровъ Королевъ. Крестьянствуешь, кричатъ, а про какой случай со стороны золотопогонниковъ прешь?

— Эй, не разговаривать тамъ! — раздался голосъ Ковалева за дверью — прикладомъ винтовки онъ застучалъ въ дверь.

В. Бѣлкинъ — *Матросъ*

— Куражится, — сказалъ Королевъ шопотомъ, мотнулъ головой и зашевелилъ пальцами на колѣняхъ, покрытыхъ залатанными портками: вотъ, дескать, какъ оно . . .

Помолчали. Становилось темнѣее да темнѣе, видно, близко былю болото, потянуло черезъ щели мокрымъ торфомъ, слизью болотною; шелохнулась въ сѣнной трухѣ мышь, пискнула, отъ земляного пола запахло червями.

Аркадій Петровичъ всталъ, ноги у него были тяжелыя, а тѣло слабое, въ вискахъ пострѣливало, какъ отъ угара. Онъ сдѣлалъ видъ, что равнодушенъ къ своей судьбѣ, ибо увѣренъ въ томъ, что все хорошо сладится, прошелся отъ стѣны къ стѣнѣ, поковырялъ пальцемъ ссохлый столбъ, подпиравшій крышу и, подойдя къ розвальнямъ, вдругъ нагнулся къ Королеву.

Спросилъ тихо:

— Какъ думаешь, почтеннѣйшій, а стѣнкой тутъ не пахнетъ?

— Какъ?

— Стѣнкой, спрашиваю, не пахнетъ? Разстрѣлять не могутъ?

— Какое выйдетъ кому расписаніе, — сказалъ Королевъ, — все можетъ быть.

Выслушавъ это, Аркадій Петровичъ еще разъ прошелся отъ стѣны къ стѣнѣ, остановился, поглядѣлъ на крышу: въ крышѣ кой-гдѣ провалилась солома, видно было небо, сонное и тихое.

Сказалъ:

— А у меня, братъ, сынъ есть. Пяти лѣтъ.

— Тэкъ-съ, — сказалъ Королевъ.

— Владимиръ, — сказалъ Аркадій Петровичъ.

За стѣною звенящимъ теноромъ напѣвалъ Ковалевъ пѣсню про Стеньки Разина челны, выходило это у него разливно и распѣвно, водное въ голосѣ его чуялось раздолье. Походивъ, Аркадій Петровичъ спросилъ:

— А какъ, братъ, думаешь, если золотой дать? У меня царскій золотой есть.

— Золотой дѣло сходное.

Загремѣла задвижка, застрѣха заелозила въ петлѣ, голосъ Ковалева закричалъ буйно:

— А, сволочи, помолчать не можете, коли приказываю! Такъ я васъ...

Въ щели двери, мутное въ густо-завечерѣвшемъ свѣтѣ неба, показалось тонкое тѣло его; онъ спокойно приставилъ винтовку къ стѣнкѣ, медленно засучилъ рукава и пошелъ на Королева, не открывая глазъ; когда подошелъ, Королевъ отступилъ шагъ назадъ, опустивъ руки, тоже не отрывая глазъ отъ глазъ Ковалева, Ковалевъ наступилъ впередъ, Королевъ

отступилъ назадъ. Здѣсь, поднявъ руку, Ковалевъ замахнулся — отъ удара ляскнули зубы Королева; какъ у волка голоднаго.

— За что бьешь? — спросилъ онъ, утираясь рукавомъ.

— А за то!

Размахнулся — и снова ляскнули зубы, какъ у волка голоднаго.

Королевъ утерся рукавомъ, на рукавѣ проступили капли крови, черныя. Опустивъ руки, глядѣлъ на Ковалева и ждалъ. Ковалевъ повелъ плечами, шеей, повернулся и пошелъ за винтовкой. Запиралъ за собой дверь, бранясь вполголоса, срамно, приплетая божественное. Аркадій Петровичъ сѣлъ на труху, въ душѣ его зыбилась вода какая-то, дрожливая.

Королевъ сказалъ:

— Звѣрь человѣкъ. Само первое — не за што.

И легъ ничкомъ въ дровни, слышно было, какъ сморкался кровью, подминалъ подъ себя солому. Сквозь прорѣхи въ крышѣ видны были теперь звѣзды, дрожащія голубымъ свѣтомъ, надъ ними летало дыханье Божье, міръ нездѣшній, міръ далекій — міръ радости и недоступнаго покоя. Скрипѣлъ коростель, думальщикъ вечерній, далеко окрестъ было слыхать гортанное пѣніе лягушекъ. Ковалевъ за дверью притомился умолкъ. Потянулось время, влача на подолѣ своемъ часы свѣта и темноты.

II

— Стрѣляютъ! — проговорилъ Аркадій Петровичъ, приподнявъ голову и насторожившись.

Въ потемкахъ не видать было Королева, только слышенъ его голосъ:

— Чего-жъ не стрѣлять?

Просторный воздухъ ночи волной своей, напоенной свѣжестью, донесъ со ржаныхъ скатовъ гулъ, который разгорался, какъ невидимый пожаръ, то пуще, то глуше; будто били по чугунной сваѣ на стройкѣ, тяжко занося молотъ за плечи, потомъ крикъ сотни глотокъ раздался, будто вспорхнула стая птицъ. И уже здѣсь, подъ самымъ селомъ, раздирая, разрывая воздухъ, четко гаркнулъ пулеметъ, залился припадочнымъ кашлемъ. Аркадій Петровичъ, плотно запахнувъ пыльникъ, поднялся съ койки, ноги едва держали его, словно подъ колѣни ему били доской, шибко застучало сердце — гулче, нежели пулеметъ. «Ав-ва-ва», — сказалъ онъ, потомъ справился и крикнулъ, брызжа слюной:

— Слышишь? слышишь?

Королевъ сѣлъ въ розвальняхъ, поглядѣлъ на дверь.

Закричали «ура». Здѣсь же, совсѣмъ близко, были слышны удары конскихъ копытъ по землѣ, нѣсколько разъ крикнули винтовки,

пулеметъ померъ — видно, задохнулся въ кашлѣ. Минутъ пять клокотали крики, трескъ, лошадиное ржанье — потомъ смыло шумъ, ушелъ онъ куда-то далече, за скаты, гдѣ подъ ласкою звѣздъ дремлютъ ржаные колосья. Звѣзды глядѣли въ прорѣху крыши, милыя да нездѣшнія.

— Кто такіе, стрѣлять буду, — сказалъ за стѣною Ковалевъ громко, но не охально.

Два голоса отвѣтили ему:

— А ты кто таковъ?

— Со звѣздой онъ.

— А, лѣшій! Ткни-ка его, Саша.

— Зачѣмъ ткни? За шиворотъ возьмемъ.

— Не стрѣляю! не стрѣляю! — крикнулъ Ковалевъ, раздался шумъ борьбы, не равной и не упорной. Аркадій Петровичъ бросился къ двери, застучалъ въ нее кулаками, занозивъ себѣ ребро ладони.

— Отоприте, я арестованъ большевиками! Господи, Господи, да что же это такое!

И, пока гремѣла щеколда, напиралъ на дверь руками и грудью, мѣшая отпереть; на гумнѣ, послѣ теми сарая, видать было хорошо, увидѣлъ Аркадій Петровичъ мальчика въ погонахъ на плечахъ, съ лицомъ возбужденнымъ и тонкимъ, щуря глаза, вглядывающагося въ него, троихъ солдатъ, закручивающихъ бьющемуся Ковалеву руки за спину; захотѣлось ему плакать, онъ двумя руками схватилъ руку мальчика, запыхавшись, заговорилъ отъ радости безтолково:

— Благодарю васъ, поручикъ, за освобожденіе, я изъ Москвы, я хотѣлъ перекинуться къ вамъ. Какъ мы ждемъ васъ тамъ, въ Москвѣ, какъ мы вѣримъ въ васъ, въ то, что вы спасете . . . родину . . . страдающую . . .

Офицеръ бережно высвободилъ руку, поглядѣвъ на Аркадія Петровича насмѣшливо.

— Съ кѣмъ имѣю честь?

— Я изъ Москвы. Можетъ быть, слышали, на Малой Лубянкѣ въ домѣ номеръ . . .

— Нѣтъ, не слышалъ. Сейчасъ васъ проведутъ въ штабъ.

— Да, да, благодарю васъ . . .

— А это еще что за чучело?

Выйдя изъ риги, Королевъ поклонился офицеру въ поясъ, отчего волосы его кинулись внизъ, на закровавленное лицо, а когда выпрямился, откинулись они у него назадъ, открывъ разсѣченныя губы и носъ, темный отъ крови. Только глаза его глядѣли свѣтло — ну, какъ у парнишки махонькаго.

— Ты откуда?

— Крестьянинъ села Ганькина, Иванъ Петровъ Ковалевъ. На предметъ того, какъ баба рожаетъ въ кузьминской больницѣ, у дохтура Карла Иваныча, шелъ, ваше благородіе, по безпокойству моему...

— А кто это тебя разрисовалъ такъ?

— Пострадалъ, ваше благородіе, безпричинно.

— Ладно, въ штабъ. Всѣ тутъ? Гаврильчукъ!

Гаврильчукъ, крутогрудый, могучій солдатъ съ Георгіемъ на груди, повелъ Ковалева и Аркадія Петровича въ штабъ. Село ожило: слышенъ былъ хохотъ солдатъ, ходившихъ по избамъ; нѣсколько человѣкъ, окруживъ молодую бабу, спрашивали, есть ли на селѣ дѣвки, которымъ любы офицеры. Баба присѣдала, пищала тонкимъ голосомъ: «ой, не трожьте, не замайте, соколики»; добровольцы щипали ее за грудь.

Штабъ помѣщался въ избѣ, стоявшей одиноко, посреди двухъ пролетовъ, къ ветлѣ были привязаны лошади, два солдата сидѣли на заваленкѣ, играючи со щенкомъ, лохматымъ и лопоухимъ. Онъ тыкался имъ сонной мордой въ сапоги, вертѣлъ хвостомъ.

— Плѣнные, што-ль?

— Коммунисты.

— Позвольте, — въ возмущеніи проговорилъ Аркадій Петровичъ, — какое право вы имѣете обвинять насъ въ коммунизмѣ? Я доложу объ этомъ господамъ офицерамъ. Коммунистовъ красные не стали бы запирать въ сарай и угрожать разстрѣломъ.

— Мы что, мы ничего, — разомъ, въ одинъ голосъ сказали солдаты и посторонились, давая пройти. Въ сѣняхъ, подъ скамьей, стояли горшки, прикрытые дощечками, слѣпая на одинъ глазъ кошка, вся въ репейникѣ, обнюхивала ихъ, пропустивъ хвостъ межъ заднихъ ногъ. Войдя въ избу, увидѣлъ Аркадій Петровичъ свѣчу на столѣ, бутылку водки и стаканъ, бумаги, закапанныя стеариномъ; за столомъ въ разстегнутомъ кителѣ сидѣлъ толстый полковникъ, лицо у него было оплывшее, усы нечесанные, облокотясь на столъ, глядѣлъ онъ на пламя свѣчи и сковыривалъ съ нея бугорочки стеарина. Подъ образами на скамейкѣ сидѣлъ адъютантъ съ рукой на бѣлой перевязкѣ, молодые живые глаза его были красны — быть можетъ отъ усталости, а можетъ быть отъ выпитой водки. На полу, на корточкахъ, сидѣлъ третій офицеръ, немолодой и плѣшивый, и набивалъ папиросы, гильзы у него ломались, онъ бросалъ ихъ съ сердцемъ подъ лавку и говорилъ: «а, мать твою!»

— Кого привелъ, Гаврильчукъ? — спросилъ полковникъ, не шевелясь, только поднявъ желтыя морщинистыя вѣки.

— Такъ что поручикъ Смирновъ прислали въ штабъ. Обнаружены въ ригѣ въ запертомъ состояніи, единъ хрестьянинъ и единъ почище.

Набивавшій папиросы офицеръ не обернулся, адъютантъ же посмотрѣлъ остро и любопытно.

Полковникъ передохнулъ, залѣзъ рукою за рубаху и, почесывая низъ живота, спросилъ:

— Фамилія?

— Моя фамилія Рыбаковъ, — бодро отвѣчалъ Аркадій Петровичъ, глядя на полковника веселыми глазами, — я выѣхалъ изъ Москвы съ намѣреніемъ передаться генералу Деникину. Представить себѣ не можете, что пришлось испытать и черезъ какія опасности перейти, но, слава Богу, все уже кончилось. Большевики засадили меня въ сарай, кажется, мнѣ грозилъ разстрѣлъ, вы знаете, какъ у нихъ на этотъ счетъ просто.

— А ты?

Королевъ поклонился въ поясъ, движеніемъ головы отбросилъ волосы назадъ и сказалъ:

— Я?

— Ты.

— Мы будемъ съ села Ганькина. Шелъ, ваше благородіе, по обѣду на Кузьминское, баба моя рожаетъ въ больницѣ, труденъ у нее этотъ случай, боязно, кабы Богъ не прибралъ. Субтильная у меня, ваше благородіе, баба.

— Ладно, братъ. Имя твое?

— Имя мое Иванъ Петровъ Королевъ, крестьянинъ села Ганькина, безпричинно, ваше благородіе, избитъ до полусмерти, и рубаха моя потеряла всякій цвѣтъ лица.

Адъютантъ безпокойно двинулся на скамейкѣ, сказавъ:

— Не мѣшаетъ, думаю, посмотрѣть документы. Помните вчерашній случай, господинъ полковникъ?

— Документы, это да. А ну-ка, попрошу документы.

Аркадій Петровичъ, засуетившись, полѣзъ въ карманъ, говоря торопливо и не переставая:

— Вотъ, сейчасъ, мой документъ... Конечно, документъ подложный, купленный мною для того, чтобы имѣть возможность добраться до линіи фронта, но фамилія настоящая: Рыбаковъ. Я везъ и царскій свой документъ, но выбросилъ его, простите, въ отхожее мѣсто въ Витебскѣ, когда въ гостинницѣ дѣлали обыскъ.

— Знаемъ мы эти пѣсни, слышали, — вставъ, недобро проговорилъ адъютантъ. Аркадій Петровичъ увидѣлъ его напряженное, усталое лицо, и улыбнулся противъ воли, какъ привыкъ, униженно. Адъютантъ взялъ мандатъ, посмотрѣлъ, придвинулъ свѣчу, потомъ бросилъ на столъ.

— Вотъ, извольте посмотрѣть, господинъ полковникъ: совѣтская печать, подпись партійнаго коммуниста, большевистская орфографія, все въ порядкѣ. Я бы такихъ молодчиковъ безъ всякаго допроса на первомъ суку вѣшалъ. Какой дуракъ добровольно полѣзетъ на выстрѣлы? Инсценировка замѣчательная: сарай, арестъ, а потомъ въ тылу такихъ надѣлаетъ художествъ, что заборы въ насъ станутъ стрѣлять.

— Да-а, — промычалъ полковникъ, налилъ себѣ водки и выпилъ, мотнувъ головой.

Офицеръ сложилъ набитыя папиросы въ кучку, закурилъ одну и спросилъ сонно:

— Ночь здѣсь простоимъ?

— Какъ въ штабѣ?

— Разрѣшите сказать, — заговорилъ Аркадій Петровичъ, омерзительно холодѣя, — здѣсь явное недоразумѣніе. Смѣшно во мнѣ предполагать большевика потому, что у меня фиктивный совѣтскій документъ.

— Вамъ, можетъ быть, смѣшно, а намъ не смѣшно подставлять вамъ наши спины. Не прикидывайтесь, научены.

— Даю вамъ слово, вы меня не поняли.

— Молчать! Ни слова! Молчать . . . твою мать!

— Брось, брось, Саша, — сказалъ полковникъ, утирая лобъ рукавомъ кителя, — можетъ онъ и впрямь, этого . . . Ты ужъ сейчасъ же, какъ порохъ: пыф, пыф! Скажи, чтобъ заперли покуда, гдѣ онъ тамъ сидѣлъ? Простоимъ здѣсь, видно, до утра, поспѣемъ.

— Я бы ихъ, сукиныхъ дѣтей, прямо на сукъ.

— Сукъ и къ утру не обломится, ну его къ собакамъ подъ хвостъ, вторую ночь, ей-Богу, не спалъ. Коли такъ пойдемъ, скоро въ Москвѣ будемъ. Слушай-ка, Гаврильчукъ, сведи ка ты его, откуда привелъ, да приставь посторожить. Саша, налей.

Адъютантъ взялъ бутылку, поглядѣлъ на свѣтъ и опрокинулъ въ стаканъ, вино оставалось только на донышкѣ. Полковникъ выпилъ, крякнулъ, разстегнулъ рубаху и штаны, поглядѣлъ оплывшими глазами на пойманныхъ, сдѣлалъ губами: фу-фу-фу-хъ.

— А мужика, Гаврильчукъ, отпусти на всѣ четыре стороны, жена тамъ у него, говоритъ, родитъ. Кого родитъ-то?

— Какъ?

— Бѣлаго, спрашиваю, родитъ, аль краснаго?

— Какъ?

— Какъ, какъ! Глядитъ на меня, какъ гусь на молнію. Коммуниста, спрашиваю, ждешь, аль русскаго?

— Што прикажете, ваше благородіе, то и сдѣлаемъ, — сказалъ Королевъ, кланяясь въ поясъ. — Можно мнѣ иттить?

— Иди, братъ, да морду утри, бабу напугаешь.

— Може, дозволите заночевать на селѣ? Время-то, ваше благородіе, неспокойное.

— Ладно, ночуй. Ну, веди ихъ, Гаврильчукъ.

Аркадій Петровичъ не пытался протестовать, былъ онъ скованъ страхомъ, растерянностью, былъ подавленъ и будто ужъ не живъ, машинально поклонился и пошелъ за солдатомъ вяло и послушно. Ночь была душная, томящая, воздухъ плотенъ, вѣтеръ стихъ. Солдаты подремывали на заваленкѣ.

Королевъ протянулъ Аркадію Петровичу большую свою руку.

— Прощевай, покеда, помоги тебѣ Богъ, чтобы благополучно. А я тутъ вотъ съ земляками перемогусь.

Аркадій Петровичъ пожалъ Королеву руку и побрелъ за Гаврильчукомъ, побитый и растерянный. На селѣ еще слышенъ былъ хохотъ, а избы стояли настороженныя, невеселыя, окошки свѣтились лишь кое-гдѣ. И опять прошли калиткою въ кособокомъ плетнѣ, опять пошли садомъ, тихимъ и соннымъ гумномъ. Въ яблоняхъ шуршала трава, возился кто-то.

— Да легче ты, чортъ, — сказалъ дурной голосъ, — вишь лежитъ, какъ мертвая.

— Ладно, на тебя хватитъ, — сказалъ другой прерывисто.

Гаврильчукъ повелъ головой:

— Ребята наши балуются. Что ни село, то дѣвокъ съ двадцать — въ расходъ.

На гумнѣ было свѣтлѣй, небо раскинуло голубоватый платъ свой, какъ безгрѣшная женщина покрывало: святая нагота Божья. Аркадій Петровичъ вошелъ въ ригу покорно, какъ домой. Запирая за нимъ щеколду, Гаврильчукъ сказалъ простымъ голосомъ, какъ родному:

— Ты посиди тутъ, господинъ, покеда сторожевого къ избѣ не пришлю. Всѣ ребята, гляди, поразбѣжались.

Въ ригѣ стояло тонкое чиликанье: точили стѣны сверчки.

III.

Аркадій Петровичъ привалился на землю, былое отупѣніе прошло, теперь качалъ его страхъ безудержный и не поддающійся волѣ, страхъ, трясущій все тѣло мышиной дрожью, рвущій мысли въ головѣ, страхъ, близкій къ тому, чтобы кататься по землѣ и рвать на себѣ волосы. Онъ

пробовалъ закурить, но папиросы валились изъ его рукъ. Тогда, согнувшись такъ, что голова его оказалась между колѣней, зажавъ руками затылокъ, сталъ онъ стонать монотонно и негромко, долгимъ и слабымъ крикомъ:

— А-а-а . . .

Не было ни риги, гдѣ невидимыми клубами парила духота, ни стѣнъ, ни прорѣхъ въ крышѣ съ клочками ночного неба, былъ только этотъ крикъ, стенающій и негромкій:

— А-а-а . . .

Будто тяжелая штора, не пропускающая свѣта, задернула отъ него все, что было живо и одушевленно; не то, что ему обнаженной, голой причудилась угроза, но не было ни угрозы, ни смертнаго страха, а вотъ этотъ только исходящій сердцемъ крикъ, полный тоски послѣдней и животной:

— А-а-а . . .

Онъ поднялъ голову — была въ его тѣлѣ слабость, и деревянными стали ноги, голова и руки. Привыкшими къ темнотѣ глазами, Аркадій Петровичъ осмотрѣлся.

На дровняхъ, гдѣ давеча Королевъ сморкался кровью и подминалъ подъ себя солому, сидѣлъ человѣкъ.

Рѣдкая, мшиными кустиками, бороденка, пытаясь выравнять дребезжащій свой голосъ.

Человѣкъ шелохнулся, а глазъ его въ темнотѣ не было видно.

Сказалъ по злобному, шипящимъ голосомъ:

— Кто ни кто, а душа христіанская.

— Васъ тоже . . . арестовали?

— Должно, что такъ. Мало-мало заарестовали, но и въ морду раза два, черти, барьи лакеи! Вотъ тебѣ и на, баушка Марья, не жисть, а малина-ягода. Ваше обличіе, баринъ, что-то мнѣ больно примѣтно, не васъ ли я тутъ ввечеру стерегъ?

Вглядѣвшись, Аркадій Петровичъ призналъ въ человѣкѣ, сидящемъ на дровняхъ, красноармейца Ковалева, того, что, поставивъ винтовку въ уголъ, билъ въ морду мужика Королева изъ Ганькина села. На немъ теперь не было фуражки, воротъ рубахи его, шитой красно-синими стежками, былъ изодранъ, шинель сползла съ его куриныхъ плечъ, волосы налипли на узкій, низкій лобъ. Былъ онъ золъ и прибитъ, чесалъ подбородокъ, пропуская межъ пальцевъ рыжую бороденку, часто сплевывалъ, ложился въ дровняхъ и тотчасъ же порывисто приподымался.

— Я солдатъ красной арміи россійской совѣтской республики, а вы-то, баринокъ, какъ сызнова встали? Ай и вы съ федеративной стороны? Дѣла, Господи, въ прежнее время кажнаго человѣка видать: тотъ бариномъ идетъ, цѣпочку по борту распускаетъ, индюкомъ зобъ топорщитъ,

тотъ рабочій человѣкъ, съ соткой въ карманѣ, а нонче все тормакомъ напередъ, разбери, который человѣкъ трудящій, который паразитъ. Э-эхъ!..

— А ты чего, — сказалъ Аркадій Петровичъ съ острой, жалящей злобой, — ты чего, мерзавецъ, зубы теперь скалишь? Довольно мы отъ васъ всякаго хамства перенесли, на суку васъ, сволочей, всѣхъ перевѣшать надо. И перевѣшаютъ, перевѣшаютъ, будь спокоенъ, голубчикъ! Я у тебя еще к скамейку изъ подъ ногъ выдерну, качайся себѣ на вѣтру, галкамъ на съѣденіе. Эхъ, ты, темнота народная! Жидамъ пошелъ служить, хомутъ себѣ на шею пейсатый надѣлъ. Вамъ палка нужна, всѣхъ отдубасить до смерти надо — ты думаешь что? Вѣдь это ты меня по міру пустилъ, изъ квартиры на морозъ выгналъ, а я горбомъ своимъ къ старости копейку берегъ. Я горбомъ, а ты: власть пролетаріата, чтобъ тебя вмѣстѣ со всѣмъ пролетаріатомъ твоимъ къ чорту на рога! Уви-дишь . . .

Злобиться, гнѣваться было легче, нежели молчать, Аркадій Петровичъ, всталъ съ копенки, разстегнулъ верхнія пуговицы пыльника, оттянулъ воротничекъ, злоба въ немъ шипѣла веселая, торжествующая:

— Эхъ, ты! Эк-ка, т-ты! Покажемъ мы вамъ, увидишь земной рай!

И прошелся отъ стѣны къ стѣнѣ, ступая твердо, нагнулся, поднялъ колъ и бросилъ его въ уголъ.

— Т-ты!

Ковалевъ спустилъ ноги съ дровней: онъ былъ теперь безъ сапогъ, въ однѣхъ запрѣвшихъ портянкахъ. Спустилъ ноги, потопоталъ ими по землѣ, сказалъ съ недужной жалобой въ голосѣ:

— Чего бунтуешь, чему радуисси? Смерти человѣческой, баринъ, радуисси?

И ничего не сказалъ больше, и Аркадій Петровичъ тоже ничего не сказалъ, промолчалъ. Гаркнулъ пѣтухъ въ почуявшей утро теми, вышло это у него съ хрипомъ, но задорно; стало свѣжѣть, острѣе запахло землею, травой и болотомъ — видно, поднялся надъ нимъ туманъ, заклубился, потянулся къ солнцу, которое не встало еще, а только собиралось встать. Аркадій Петровичъ остановился у стѣны, глядѣлъ на нее, бревенчатую, на прощелины, сучки, изъ прощелинъ тянуло молочнымъ свѣтомъ, блѣдносѣрымъ, какъ лица городскихъ проститутокъ, дремлющихъ стоя на углахъ.

И вдругъ сказалъ не сердито, по человѣчески:

— Можетъ, Ковалевъ, и образуется все.

— Стѣнкой образуется, — отвѣтилъ Ковалевъ, — пулею-жаной.

И еще разъ взъярился пѣтухъ, безъ хрипа теперь, почти не сонный.

Аркадій Петровичъ, поеживаясь отъ сырости, спросилъ, глядя въ свѣтающія прощелины:

— А чего же не попробуешь уйти? Вѣдь никто не сторожитъ.

— А вы чего?

— Я — кость бѣлая, мнѣ не къ чему.

— То-то бѣлая, что подъ замокъ попалъ.

— Я по недоразумѣнію.

— Какія нонче разумѣнія, одно разумѣніе: либо въ морду, либо въ небесную чеку. А уйтить не уйдешь — на щеколдѣ дверь-то. Я стѣны здѣсь облазилъ, не, не выскочишь. Подкопъ, може, стоило бы прорыть, да чѣмъ рыть будешь? Ужъ какъ оно есть, такъ и сбудется.

— Ну, что-жъ, покоримся, братъ. Въ Бога-то вѣришь по церковному, либо по Демьяну Бѣдному?

— По христьянски вѣрую, — сказалъ Ковалевъ просто, но съ тоской.

За стѣнами, надо думать, все явственнѣй свѣтлѣло небо, музыкальный шепотъ прошелъ по листьямъ яблонь, а во ржи, тамъ, гдѣ на зарѣ проселки бѣлы, будто мѣлъ, стали сладко расправлять разомлѣвшія свои тѣла полевыя русалки, тѣ, что любятъ съ вечера затащить въ рожь молодыхъ парнишекъ, да замучить, заласкать, защекотать ихъ до смерти. По гумну, къ ригѣ, шелъ человѣкъ, шагая медвѣжьи, шаги его было слыхать издалека. Аркадій Петровичъ насторожился, застегнулъ воротъ лимонно-рыжаго своего пыльника; шаги приближались, стали у двери, слышно было, какъ увѣренная рука выдернула изъ петли колышекъ и бросила на землю; дверь подалась, неторопливо вошелъ человѣкъ съ черной бородой, взялъ бороду въ горсть и, вглядываясь пристально, сказалъ хриплымъ со сна голосомъ:

— Здрасте, пріятель, тута еще?

Въ сѣромъ пеплѣ предразсвѣта узналъ Аркадій Петровичъ въ вошедшемъ Королева; Королевъ былъ умытъ, расчесанъ, на лицѣ не было видно слѣдовъ крови, только разсѣченная губа чернѣла закоробившеюся полоской.

— Ба, да и ты тута, другъ! — проговорилъ Королевъ добродушно, разглядѣвъ Ковалева, борода его черная раздалась подъ улыбкою, раздвинувшей губы; онъ поглядѣлъ на крышу; изъ гнѣзда, подъ стропилами, вышугнула касатка, чиркнула крыломъ и надъ головой Королева вырвалась на волю, не услѣдить было за ней. Королевъ проводилъ глазами касатку, потомъ пристально, мрачно поглядѣлъ на Ковалева, поджавшаго ноги, хилаго и малаго.

— Ну, и саданулъ же ты меня, другъ, — сказалъ онъ тяжело. — Самое первое: не за што.

Разгладилъ бороду, «тэ-эк-съ, та-къ-съ», сказалъ:

— Никто васъ, други, не стережетъ, шли бы на волю, кому куда.

Подтянулъ штаны.

— Покеда село спитъ.

— Ну, а посты? — спросилъ Аркадій Петровичъ, подавляя волненіе, — всюду же посты, мы не знаемъ, гдѣ проходитъ фронтъ. Это опасно, рискованно, какъ же можно такъ?

— Небось, здѣшній я, здѣшнихъ мѣстъ крестьянинъ, провожу. Не мѣшкайте, покуда солнце не встало.

Наружѣ дышалось терпко, свѣжо, какъ бываетъ передъ разсвѣтомъ, когда земля коченѣетъ на холодкѣ и ждетъ первыхъ поцѣлуевъ неторопливаго солнца лѣтняго. Шли молча, Королевъ впереди, крѣпкоплечій, чугуномъ налитой, Ковалевъ и Аркадій Петровичъ плечо-о-плечо. Прошли задами, перелѣзли черезъ плетень, вошли въ луга, всѣ въ дымкѣ росной, свѣжія и сочныя, полныя дурмана, духовитой сырости: Иванъ-да-Марья, мѣднолицый лютикъ, багровыя маковки кочетковъ, бѣло-стрѣльчатая ромашка мигали въ зелени, пробудясь, въ глазахъ ихъ стояли радостныя слезы.

Примятой стежкой шли трое. Ковалевъ сказалъ:

— Куда жъ, товарищи, податься таперя?

Остановились, поглядѣли на востокъ. Надъ полосою горизонта небо налилось карминомъ, зардѣлось, заиграло, и вдругъ вѣтеръ, низкій и холодный, прошелъ по землѣ; зашепталась трава, читая утренній псаломъ, псаломъ солнцу, псаломъ небу, псаломъ землѣ, кровью поливаемой, землѣ, и подъ топотомъ копытъ родящей нивы и травы. Эй, живи, кто землю *всякую* умѣетъ цаловать!

— Дойдемъ до лѣса, — молвилъ Королевъ, — будетъ за тѣмъ лѣскомъ тропка, пойдешь прямо, до шасы дойдешь, а на шасѣ красные стоятъ. А еще есть тропка, на Листовецъ идетъ — кадеты въ Листовцѣ стоятъ. Кому какая тропка по сердцу, тую тропку, други, выбирайте.

Поглядѣлъ въ небо, сказалъ, осклабясь:

— А баба-то, чую, нонче въ ночь родила.

Пошли дальше, проминая траву; на востокѣ сгрудились облака, длинныя, какъ полотенца — и залоснились, загорѣлись вдругъ, очервонились — выплыло царственное солнце. Ковалевъ сорвалъ кочетокъ, закусилъ зубами, спросилъ нерасторопно:

— Вотъ вы на обликъ образованный будете. Какое можете мнѣніе имѣть насчетъ происходящаго?

Аркадій Петровичъ хотѣлъ сказать мнѣніе, но ничего не было на умѣ, усмѣхнулся и сказалъ непонятно:

— Россія прежде всего.

— Знамо, Россія, вѣстимо, Россія, а вотъ насчетъ братоубійственной войны? Вотъ я ему морду кровянилъ — за што? А я знаю, за што? Не знаю. И мы ихнихъ бьемъ, и они нашихъ бьютъ, а по деревнямъ народъ съ голоду пухнетъ, и хозяйство въ разстройствѣ. По мнѣ, такъ на деревню податься, будя.

— Бога помни! — сказалъ Королевъ внушительно, остановился, поглядѣлъ на солнце, сказалъ, — а ввечеру быть дожжю.

Аркадій Петровичъ поглядѣлъ на Королева, Ковалевъ на Аркадія Петровича, переглянулись — и пошли на лѣсокъ, лицомъ къ восходу, рядкомъ, итти имъ было легко, будто скинули штаны и рубахи, шли себѣ, а ранніе стрижи шагу ихъ подсвистывали.

Александръ Дроздовъ.

Іюнь 1922 г.
Wünsdorf bei Zossen.

Г. РОСИМОВЪ.

Стихи.

1

Не могу безъ тебя, Россія!
Твержу о чемъ то, а самъ изнемогъ.
Дни мои — листья сухія,
Должно быть, ихъ проклялъ Богъ.

О, когда бы не зналъ и не пилъ
Твоей огневой воды!
Ночью мнѣ снятся такія степи
И въ цвѣту молодомъ такіе сады!

А сказать о томъ — не умѣю,
Только сонъ о тебѣ берегу —
Словомъ слѣпымъ коснѣя,
Какъ о тебѣ саму? —

Каждый день безотчетнѣй и строже
Налагаетъ молчанья печать,
Что же мнѣ дѣлать, что же —
Въ чужое небо кричать,

Стучать рукой омертвѣлой
Въ твое живое окно? —
Сохранилъ ненужное тѣло,
А духъ отлетѣлъ давно.

2.

Вернусь и впервые пройдусь по дому —
Быть можетъ, весна и пѣнье птицъ... —
Я скажу: — Ну, здравствуй, знакомый! —
А отвѣтитъ плачъ половицъ.

Разбита оконная рама,
За ней — торжествующій звонко садъ —
Здѣсь умерла моя мама,
Тамъ — погибъ мой упорный братъ.

Воробей — такой непроворный! —
Застынетъ, въ окно заскочивъ...
А мнѣ будетъ до краски позорно,
Что я вижу его и живъ.

3.

Счастье шальное мое! —
Давно мнѣ оно не снилось... —
Въ полѣ, что ли, поросшемъ быльемъ
Безъ дорогъ-путей заблудилось?

Кличетъ, взываетъ ко мнѣ,
Рукавомъ глаза утираетъ:

Въ какомъ непробудномъ снѣ
Хозяинъ-де мой гуляетъ?

А можетъ быть, какъ часто самъ,
Когда бываетъ не сладко,
По пьянымъ по кабакамъ
Пускается въ плясъ да въ присядку.

Рыжій дѣтина хмѣльной,
Осѣвъ отъ хохота, машетъ:
— Ай, смотри-ка, народъ честной!
Ай, счастье чужое пляшетъ! —

А можетъ, въ тайныхъ скитахъ,
Въ изодранной кацавейкѣ,
Выстаиваетъ на папертяхъ
Грошики да копейки.

Предъ молебномъ въ церковь войдетъ
И, глаза отъ страха зажмуря,
Псаломщику въ руки суетъ
Памятку съ именемъ: «Юрій» . . . —

Должно быть, оно и такъ . . .
Самъ я давно пропащій! —

Молись же хоть ты почаще
Обо мнѣ, заблудшій чудакъ.

4.

Тамъ, въ глубинѣ, душа моя
Еще хранитъ болѣзненно и свято,
Отъ всѣхъ дыханье затая,
Свой прошлый день мучительно-крылатый.

Надъ головой — сѣдыя небеса,
И всякій мигъ мой равенъ тлѣнью, —
Но все понятнѣй Воскресенье
И милыя, простыя чудеса.

Г. Росимовъ.

И. ЛУКАШЪ

Государь

ГОСУДАРЬ

Поэма

Березы сгибаются.

Гоняетъ вѣтеръ мокрыя гривы вѣтвей. Точно съ раздутыхъ кропилъ отряхаютъ березы длинными брызгами. Колыхаетъ надъ дорогой мутное небо. Черными торчками плывутъ въ муть дороги березы.

Шуршитъ и чавкаетъ дождь.

Черезъ ямы стылыхъ выбоинъ, по колдобинамъ, гдѣ рябитъ и дуетъ черную воду, за глинистыми змѣями канавъ, полегли поля. Полегли поля покатымъ рыхлымъ брюхомъ, — студенистыя и погашенныя въ дождяхъ.

Тропинки пали узкими стрѣлами. Черныя петли плетутъ дороги неѣзжанныя, размытыя какъ озера. Разостлались поля, обрываются надъ узкими колодцами овраговъ, шуршатъ мохнатыми рощами, утонувшими въ студенистомъ небѣ.

Изъ рыхлой земли вылезаютъ низкія и прямыя деревни. Избы подняли острые углы крышъ, смутно похожія на конскія морды. Избы прижались къ землѣ, какъ синіе табуны степныхъ коней, и вотъ — разожмутъ поджатыя крылья и вотъ прыснутъ въ смутное небо.

Черная земля плыветъ въ дождяхъ и небеса смыкаются и откусываютъ край земли своей громадной сѣрой губой. Оттого и чавкаютъ дожди, что сѣрыя губы неба поѣдаютъ съ края черную землю.

За городомъ, только перейти ржавыя рельсы, проросшія бурой ватой репья, за откосомъ, гдѣ гудетъ корявый и погнутый телеграфный столбъ, — открываетъ степь сразу свое безстыжее брюхо. За откосомъ сѣяли овсы. Изумрудовыя и тусклыя овсяныя полотенца тянулись, переваливаясь за холмы и шумѣли тонко. Когда колосились, пѣли легкій псаломъ.

Теперь овсовъ не сѣятъ и въ темной глинѣ за откосомъ студено свѣтятъ сѣдыя плѣшины инея.

Хрущевъ идетъ въ городъ.

Его отяжелѣлыя опорки облѣплены лохмами глины и уже не печатаютъ слѣдовъ, а скользятъ какъ глиняныя валенки.

Хрущевъ ходилъ въ деровню на могилу Павы. Его сѣрая казенная шинель намокла. Дождь теребитъ холодной щекоткой лицо и щиплетъ уши, а вѣтеръ ныряетъ межъ ногъ и поддаетъ холоду, надувая пузырями заглянцевѣвшіе мокрые штаны.

Хрущевъ тощъ и невеликъ ростомъ. Дорогой онъ выдохся. Его блѣдное лицо обтянулось и выдавились скулы, а горящіе глаза въ красной каймѣ. Глаза у него сѣрые, свѣтлые, и горятъ, какъ два горна. Если приложить холодныя ладони, — обожгутъ. Матовымъ бисеромъ унизали дождинки его круглую русую бородку.

Идетъ Хрущевъ въ городъ и думаетъ, какъ размыта Павина могила. Холмъ разлѣзся и крестъ уже кажетъ свой черный, обмазанный смолою низъ.

— Крестъ бы я тебѣ выправилъ, Пава, — думаетъ Хрущевъ. — Да ты то пойми, какія теперь времена. Достатку у меня для креста нѣтъ . . .

Забирая высоко ногами изъ засасывающей глины, ходилъ Хрущевъ по кладбищу, а березы закручивались надъ нимъ и яростно хлестались по воздуху, кропя холодныя брызги съ черныхъ кропилъ. Много народу мретъ. Кресты легкіе, кресты тонкіе, куда ни глянешь кресты и кресты, точно петли сѣтей.

Много народу мретъ. Великое множество. Такъ и думалъ на кладбищѣ Хрущевъ . . . Можетъ быть теперь не долбятъ уже въ деревнѣ узкихъ гробовъ изъ звонкихъ осинъ. При отцахъ долбили. Узкіе, точно сѣрые челны. Еще мокрые ворохи красныхъ стружекъ пахли тогда кисло и горько, соча горькій осиновый духъ. Въ долбленныхъ челнахъ уносили дѣдовъ и бабокъ, и отца, и Паву. Хрущевъ помнитъ, что былъ дѣдъ мохнатый и желтый. Пряталъ тощія, какъ палочки, ноги въ валенки, и все жмурилъ свой запеченый древними бороздами коричневый ликъ, и все усмѣхался. Помнилъ дѣдъ двѣнадцатый годъ и француза, а отецъ разсказывалъ, какъ пекъ гусиныя яйца въ огненномъ сѣромъ пескѣ подъ Ташкентомъ. Самъ Хрущевъ съ холодной и долгой лошадиной дрожью, что дергаетъ тѣло дикимъ содраганіемъ, — смутно поминаетъ обтертыя стѣнки прусскихъ окоповъ, вонявшихъ человѣческимъ навозомъ, запеклой кровью, мѣдью и перегорѣвшимъ тряпьемъ . . .

Хрущевъ шелъ и думалъ какъ дѣды, отцы, Пава уплыли куда-то въ мутное небо въ легкихъ сѣрыхъ челнахъ . . .

Уже въ городѣ померла Пава, когда февраль выдохнулъ первыя оттепели. Хрущевъ зажмурилъ горячіе глаза и вспоминаетъ все по порядку,

какъ было. Когда народъ повалилъ съ войны, дѣлили на фронтѣ цѣлымъ полкомъ денежный ящикъ, и досталась Хрущеву пачка кредитныхъ рублей, а всѣ кредитки были въ пачкѣ слежалыя, хрусткія, и пахли печатной краской. Онъ привезъ пачку за пазухой, обернувъ чистой тряпицей. Запылилась уже тряпица за образами, когда рѣшилъ Хрущевъ приторговать огороды и пустошь у городского помѣщика Кузовкова, старика крѣпкаго, вѣрнаго, и какъ будто молоканина. Когда приторговалъ, съѣхалъ въ городъ и жилъ съ Павой у Кузовкова на заднемъ дворѣ, надъ трактиромъ и торговыми лавками . . .

Еще въ прошломъ году торговые ряды пятили на невылазную улицу пробурѣлыя жестяныя вывѣски. Ночью вѣтеръ уныло гремѣлъ бурыми желѣзами, точно билъ въ турецкіе барабаны и гудѣлъ въ бубенъ. У лавокъ качались на вѣтрѣ развѣшанныя желтыми гроздями, сухія какъ камень, баранки, продернутыя на мочалку. На дрожащихъ ларяхъ заметало мокрымъ снѣгомъ шаршавые занозистые ящики, гдѣ мокъ и сочилъ коричневый сокъ на глянцевитую синюю бумагу свяленный черносливъ. Торговали тогда ряды изюмомъ, сельдями и дегтемъ . . .

Померъ Кузовковъ еще до Павы, а когда померла Пава, вышелъ законъ, что пустошь брать нельзя, потому что покупная земля противъ революціи. Когда померла Пава, — онъ бы и самъ пустошь не взялъ . . .

Революцію Хрущевъ помнилъ. Былъ такой годъ, когда небо опрокинулось на землю и всѣ стали ходить кверху ногами. Свернулось небо и пало. Высохлая земля, стала какъ сѣрое небо и стало небо, какъ черная земля, — въ лохмотьяхъ плещущаго кумача и въ пыльныхъ пожарахъ. Былъ такой годъ, когда скакали дни, какъ громадные и замыленные лошади, и пахло отъ всѣхъ горячимъ потомъ и теплой водкой, а въ глоткѣ саднило, клекотало и пекло. Былъ такой годъ, помнитъ Хрущевъ, когда на вечернемъ снѣгу у сѣрыхъ холупъ стояли темной стѣной солдаты, а передъ стѣной, у штаба, — плясали кучей. Выходили, и плясали долго и молча, выдыхая паръ. Плясали и гакали, словно тушу рубили. У штабной халупы били штыками въ скользкій и хлюпающій куль, что мокро чернѣлъ на снѣгу. Потому и плясали. И Хрущевъ билъ. Засаживалъ звонкій штыкъ, встряхивалъ и засаживалъ, гакая. А когда отошелъ, въ вечернемъ снѣгу, хрустнуло что-то тонко подъ каблукомъ. Онъ нагнулся и поднялъ золотые очки. Раздавленныя стеклушки горкой серебристой пыли лежали на ладони, а загнутые длинные ушки очковъ дрожали. Хрущевъ разжалъ тогда застывшія въ вязкихъ тискахъ скулы и осмотрѣлся —

— Никакъ генерала Павлова очки . . . Это мы, значитъ, его тутъ . . .

И отдернулъ руку. Очки запрыгали въ снѣгу, какъ живые, поднявъ дрожащія желтыя ушки . . .

О золотыхъ очкахъ Хрущевъ всегда помнилъ, но молчалъ.

Былъ Хрущевъ грамотенъ хорошо: четыре зимы ходилъ въ школу. Въ 1905 году проѣзжіе дачники занесли въ Выселки книжку Льва Толстого «Исповѣдь» и другую тонкую книжку «Чего хотятъ люди, которые ходятъ съ краснымъ флагомъ», бралъ онъ и до войны у лавочника на прочтеніе газету: «Биржевыя Вѣодомости, второе изданіе», а по воскресеньямъ читалъ въ старой дѣдовской Библіи смутныя и грозныя слова мужицкихъ пророковъ Исаіи и Ереміи. И потому, въ тотъ годъ могъ Хрущевъ заправлять на сходахъ не хуже другихъ.

Приходилъ домой со сходовъ потный, съ надутыми отъ крика, бьющими на лбу жилами. Отряхалъ ременныя онучи и садился на порогѣ, а Пава стояла за нимъ въ дверяхъ, высоко сложивъ руки подъ грудь. Стояла рослая и тихая, въ темныхъ ситцахъ, и усмѣхалась ровно. Оглядывался Хрущевъ и видалъ Павину бѣлую кику и круглое лицо съ мягко сжатымъ узоромъ губъ. И снова видѣлъ тогда вечерѣющее, зеленоватое, какъ тихій затонъ, небо, и трепетныя стрѣлы стрижей и кудри облоковъ — золотистыя, легкія, талыя . . .

Тихая была Пава, рослая и бѣлолицая, какъ покойница-мать, какъ бабки и прабабки, какъ всѣ бабы на выселкахъ . . .

* * *

Когда Пава лежала въ гробу, день былъ солнечный. Солнце съ утра ударило по снѣгамъ морознымъ звономъ. Облачная мгла поползла и обрушилась безшумно за край полей и глянуло небо громаднымъ голубымъ окомъ.

На низкихъ крышахъ стало подпекать мѣднымъ дымомъ бѣлые пироги нахлобученнаго снѣга. Телеграфные провода надъ городомъ запушились инеемъ и легко запылали морознымъ пламенемъ.

Въ головахъ Павы, на сѣрый гробъ, Хрущевъ прилѣпилъ коричневую тонкую свѣчу. Вила свѣча свое нѣжное лезвіе, потрескивала и трепетала.

Было до половины синимъ окно отъ прижатой стѣнки снѣга, а въ другую половину дымило солнце мѣднымъ дымомъ.

Гробъ Павы стоялъ на столѣ. Подъ столомъ, между четырехъ темныхъ ножекъ, на сѣрые половицы, легло отъ окна багряное пятно, точно свернулся и тихо уснулъ золотой звѣрь. Солнечные зрачки мерцали и на красномъ лакированномъ комодѣ, который Хрущевъ привезъ съ Выселокъ въ городъ. Надъ комодомъ зажглись отъ солнца легкіе золотинки въ бумажной желтой розѣ, а на стеклѣ фотографической карточки солнце

провело узкій свѣтлый треугольникъ, какъ Божье око на сѣромъ заглавномъ листѣ Библіи.

Сидѣлъ Хрущевъ на лавкѣ въ чистой сатиновой рубахѣ, умытый, съ мокрымъ проборомъ въ волосахъ. Точно праздничный, но очень блѣдный. А горящіе глаза были въ красной каймѣ. На карточку долго смотрѣлъ. Это его снимали, въ городѣ Санктъ-Петербургѣ, когда служилъ въ гвардіи Преображенскомъ полку. Сидитъ Хрущевъ у сѣрой колонки, а за спиной сѣрое курчавое дерево. Сидитъ и пальцы разставилъ на колѣняхъ. Тугой мундиръ подпираетъ шею, пала на грудь длиннымъ узоромъ серебряная цѣпочка, гдѣ серебряный знакъ: два скрещенныхъ ружья, «За стрѣльбу» ... Смотритъ Хрущевъ на золотого звѣря, что свернулся подъ столомъ, на золу подъ печью. За печь посмотрѣлъ, а тамъ косматыя прѣлыя овчины горятъ желтыми пятнами. Ночами тамъ пылала и бредила Пава, а теперь солнце убрало ея уголъ, развѣсивъ по коричневымъ бревнамъ косыя багряныя полотенца ...

Панихиду служилъ попъ Никодимъ, ветхій попъ отъ Маріи Матери Божьей Влахернской. Долго оттиралъ калоши у дверей, кашлялъ, чихалъ, сморкался, и напустилъ сизаго пару. Никодимъ такъ и служилъ, не снимая калошъ и чернаго пальто, похожаго на колоколъ, съ широкими бабьими рукавами. Желтоватые и точно прокуренные волосы попа спутанной гривой торчали надъ лисьимъ воротникомъ. И красной мѣдью дымило въ гривѣ солнце.

Дохнуло тепломъ угольевъ, зазвякало кадило. Хрущевъ поднялъ глаза на столъ и увидѣлъ потемнѣлыя Павины губы и замкнутые глаза подъ бѣлымъ вѣнцомъ и захотѣлось Хрущеву спросить Паву и узнать то настоящее и огромное, отъ чего стало бы тихо и свѣтло, какъ въ тотъ вечеръ, когда Пава въ бѣлой кикѣ стояла за нимъ на порогѣ и было небо, точно тихій затонъ, гдѣ плаваютъ золотистыя рыбешки — облака ...

Звякалъ кадиломъ попъ. Пѣлъ печально и тонко, по бабьи. Кадило летало и мѣдныя огни струились по звякающей цѣпи.

Хрущевъ смотрѣлъ попу въ спину и не слушалъ и не понималъ его тонкаго пѣнія. Со спины, съ прокуренной и вздыбленной гривой походилъ попъ Никодимъ на желтаго мохнатаго дѣда ...

Попъ поднялъ мѣдную крышку кадила, зацѣпилъ ногтемъ, и выкинулъ подъ печь тлѣющій красный уголекъ.

— Тихая у тебя баба была. Знаю ее. Въ мой приходъ ходила. Молитвенница была.

Посмотрѣлъ какъ гаснетъ уголекъ подъ печкой, постоялъ, точно думая о чемъ-то. Склонилъ по птичьи голову на бокъ, прижавъ запалую морщинистую щеку къ лисьему воротнику и вдругъ засуетился. —

— Ну, я, братъ, пойду. Я, братъ, — съ утра и до ночи. Мнѣ, братъ, отдыха нѣтъ. И все панихиды, все панихиды. Время такое... Ты бы мучки мнѣ принесъ.

Хрущевъ пристально смотрѣлъ на большіе потрескавшіеся поповы калоши, съ которыхъ не оттаяли еще бѣлыя бляхи снѣга.

— Принесу. Да.

— Вотъ и хорошо, вотъ и неси. Прощай, братъ...

Тогда Хрущевъ тихо тронулъ попа за холодный широкій рукавъ. Потрогалъ рукавъ, точно ощупывая. Вздохнулъ. —

— Постой ты, батя... Успокоеніе мнѣ дай. Дай ты мнѣ успокоеніе.

Попъ раскрылъ какъ бы съ усиліемъ запалые глаза. Дрогнула его борода, сваленная жгутомъ и дрогнули и разошлись морщины, побѣжавъ полукругами лучей внизъ къ губамъ, по коричневымъ щекамъ, пропеченнымъ ветхостью. Попово лицо разхмурилось и освѣтилось. Онъ провелъ пальцами по плечамъ Хрущева.

— Милый ты мой, какое тебѣ успокоеніе. Сказано одно: неси любовь въ сердце, вотъ и все. Сказано — Богъ есть любовь. Ты сынъ Божій и я сынъ Божій и всѣ мы сыны и братья на небѣ и на землѣ, и во всѣхъ она, Любовь, Богъ нашъ, Царь нашъ... Вотъ я тебѣ отъ любви, отъ сердца панихиду пѣлъ. Мое сердце старое, дребезжитъ, но Богъ слышитъ, что отъ сердца, и Пава вотъ слышитъ.

Попъ оставилъ плечи Хрущева и ступилъ къ изголовью гроба. Посмотрѣлъ на Павинъ бѣлый вѣнецъ, пытливо расширивъ красные мокрые глазъ. —

— Павуша, слышишь ли?

Послушалъ, тряся кудлатой головой, какъ нѣжно и ровно поетъ легкій языкъ огня, и отвѣтилъ самъ себѣ твердо:

— Слышитъ...

Ушелъ попъ суетливый, подторкнувъ желтую гриву подъ лисій воротникъ. Ушелъ, перекинувъ поникшее кадило черезъ черный рукавъ...

Торжественно свѣтили золотыя волосинки на сѣромъ пеплѣ подъ печью, и багряныя полотенца развѣшенныя солнцемъ надъ овчинами. Хрущевъ обмялъ пальцами горячія желтыя гроздинки воска на свѣчѣ. Медленно пригнулся и тронулъ Павины руки, положенныя крестомъ на грудь. Когда клали Паву въ челнъ, хотѣлъ онъ разжать руки, раскинуть, и лечь къ ней на грудь, чтобы летѣть вмѣстѣ, но не разжимались руки и были тяжелы каменной тяжестью. И темнымъ камнемъ налились ея сомкнутыя губы.

— Слышишь ли, Пава, слышишь-ли?...

Онъ напыжился отъ тугихъ слезъ. Навалился, и шаткій челнъ затрясся подъ его тѣломъ. Свѣча качнулась, оборвавъ языкъ огня. И слилась опять, и ровно запѣла.

Узкій треугольникъ Божьяго ока на сѣромъ стеклѣ фотографіи сталъ нѣжно, по-вечернему, краснѣть. Солнце вечернее струило мѣдный дымъ громадныхъ, и тихихъ кадильницъ . . .

* * *

На похороны Хрущевъ выпилъ.

Водки настоящей, хлѣбной, прозрачной и звонкой какъ стекло, достать было нельзя, а торговалъ одинъ человѣкъ, сторожъ желѣзо-прокатнаго завода машиннымъ спиртомъ, розоватымъ и тягучимъ. Надо было пройти размытую улицу, миновать ветхія строенія торговыхъ рядовъ, а тамъ переулкомъ — къ высокому кирпичному забору.

Заводскіе корпуса багровѣли сумрачно и безмолвно. Желѣзо-бетонныя крыши, гнутыя высокими полукругами, смотрѣли черной пустотой глазницъ въ сѣрое небо.

Сторожъ не пускалъ къ себѣ въ будку, а выдавалъ спиртъ въ квадратное окошко сторожки. Былъ сторожъ будто чахоточный, кашлялъ гулко и самъ спирта не пилъ. Его вихлястая длиннопалая и безкровная рука высовывалась въ окно, звякая бутылью о дощечку подоконника. —

— Бери, и мигомъ . . .

Когда у окошка переступали въ грязи четверо или пятеро фабричныхъ, или другого званія людей въ пальтошной рвани, дрожащіе, холодные, сѣрые, — сторожъ высовывалъ въ окошко выбритую, синюю голову. Обводилъ всѣхъ долго глазами и зло топорщилъ усы, кривя запалый темный ротъ. Сплевывалъ, выказавъ желтый клыкъ.

— Этакій вы ядъ хлещете, сукины вы дѣти, пропоицы . . . Не дамъ я болѣ.

Кто нибудь изъ пальтошной рвани отвѣчалъ безъ злобы, кротко. —

— Ты, дядя, не шарбаши. Ты, дядя, помалкивай — выдавай. Тебѣ одна спекуляція, а намъ оно удовольствіе.

Отъ спирта свѣтило все Хрущеву розоватымъ смутнымъ дымомъ. Звонкій гулъ ходилъ по тѣлу, качалъ, носилъ по улицамъ и все было легко, и все было смутно.

Бѣлый снѣгъ тогда чудесно сверкалъ, точно неисчислимые зрачки бѣлаго звѣря. И надо было думать — какой же это такой бѣлый звѣрь. Мигали на красныхъ вывѣскахъ длинныя бѣлыя буквы. Хрущевъ ловилъ

ихъ глазами, вчитывался въ слова и было ему скучно, что буквы посмѣиваются и убѣгаютъ, какъ горбатыя бѣлыя карлицы...

Вдоль заборовъ стояли квадратные холсты. Огромные синіе человѣки били синими молотками по наковальнѣ. Синіе человѣки были любы Хрущеву. Онъ гладилъ холсты: краска пахла хорошо, чѣмъ-то маслянистымъ и горькимъ, а холсты подъ ладонью были шаршавы и холодны...

На желтой стѣнѣ онъ увидѣлъ громадную кумачевую звѣзду.

Въ пять сторонъ раскинула звѣзда острые углы лучей, потемнѣлая, забурѣвшая на дождяхъ, погаслая, какъ бурая летучая мышь съ обвислыми крылами.

Хрущевъ помахалъ передъ лицомъ дрожащими пальцами, снялъ шапку бурой звѣздѣ, заулыбался и забормоталъ смутно:

— Поди, поди... Ишь какіе лопухи развѣсила. Паникадила какая, подумаешь.

Звѣзда вдругъ больно обидѣла Хрущева. Точно всѣми пятью острыми углами уткнулась ему въ сердце. Зажалъ онъ шапку въ кулакъ и побѣжалъ отъ звѣзды, забирая пьяными ногами. Наталкивался на встрѣчныхъ. Оглядывалъ ихъ глазами круглыми, невидящими, и все помахивалъ передъ лицомъ пальцами, и бормоталъ гнѣвно. —

— Нѣтъ такого закона, чтобы звѣзды развѣшивать. А я тебѣ говорю нѣтъ. А я доберусь, потому что какъ есть мы фронтовые, я доберусь...

Косо заплясали на красной вывѣскѣ бѣлыя буквы, посыпались. Хрущевъ твердо сталъ на каменныя ступени и гнѣвно вскинулъ на буквы глаза.

— Сыпь, сыпь... А вотъ я доберусь...

Его охватило густымъ и теплымъ паромъ какъ въ предбанникѣ. Видѣли смутно пьяные глаза, все зыбилось: темные узкіе столы, лица поднятыя навстрѣчу, бѣлыя окна.

Передъ грудью въ зыби мелькнуло узкое лицо, востроносое съ прыгающими блестящими пуговками глазъ. —

— Товарищъ, вамъ кого надо? Здѣсь районный совѣтъ... Кого надо, товарищъ? Нельзя сюда.

На прыгающія блестящія пуговки, Хрущеву стало противно, и онъ протянулъ руку въ зыбь, отстраняя кого-то отъ груди. —

— Не тебя надо. Пусти.

Въ свѣтлой комнатѣ тоже была сѣрая зыбь, какъ въ предбанникѣ. За столомъ сидѣлъ человѣкъ въ кожанной черной курткѣ. Отъ оконнаго свѣта его бритая голова свѣтилась синимъ оловомъ.

Хрущевъ оперъ руки на столъ. Качнулся. Синяя голова была какъ у заводскаго сторожа и Хрущевъ обрадовался, что все опять стало понятно:

— А, вотъ ты птица куда залатѣла... Ты по какому праву краденый спиртъ продаешь?

Человѣкъ въ кожаной курткѣ поднялъ лицо. И вовсе это не заводскій сторожъ. Лицо пухлое, сѣрое. Щеки спадаютъ къ сжатымъ губамъ мѣшками, какъ у кота, а въ зеленоватыхъ глазахъ рыжія лезвія зрачковъ. Знакомое лицо... Ну, да, — это тотъ самый на кого ему въ прошломъ году мѣщанинъ Кузовковъ жаловался. Тотъ самый: слесарь съ желѣзо-прокатнаго, что Кузовкову по заборной книжкѣ не заплатилъ. Хрущевъ откачнулся отъ стола. Все хотѣлъ вспомнить какъ зовутъ слесаря, не вспомнилъ, и выговорилъ смутно и привѣтливо:

— Ты чего же, котъ, по заборной книжкѣ не платишь?... Здорово, какъ поживаешь?

Въ прозрачныхъ глазахъ слесаря запрыгали злыя искры: Узналъ Хрущева. Надъ бритыми губами натужились сѣрые кошачьи мѣшки.

— Ты куда лѣзешь, — ты!

Хрущевъ стоялъ передъ нимъ, опирая руки на столъ. Покачивался. Все хотѣлъ вспомнить какъ зовутъ слесаря. Хотѣлъ разсказать ему по настоящему, ласково, всѣ обиды. И про то разсказать, какъ обидѣла звѣзда. —

— Видишь, конечно, я пьянъ, но только иду. Иду стороной, прохожимъ, какъ всѣ. А звѣзда мнѣ мигаетъ. Я ей ничего, а она мнѣ мигаетъ... Миг-миг, миг-миг...

И вдругъ набралъ воздуха Хрущевъ и крикнулъ, сжавъ кулаки. —

— Стерва проклятая, падаль, лопухъ чертовъ — какъ мигать смѣешь!

Слесарь ударилъ крѣпкой ладонью по столу. Чернильница подпрыгнула и разбросала на зеленое сукно черныя брызги. —

— Не орать здѣсь, — вонъ!

Хрущевъ сощурился на опрокинутую чернильницу, и усмѣхнулся. —

— Ты это меня-вонъ? Ты меня вонъ не смѣешь. Ты сначала по заборной книжкѣ отдай, котъ бритый, сволочь... Шушера ты фабричная.

Изъ-за синей, выбритой головы выглянуло вдругъ другое лицо: худое, блѣдное, съ красноватыми, какъ у зайца, глазами. Летали надъ бѣлымъ лбомъ рыжеватыя блестящія кольца кудрей. На закинутой, тощей, какъ куриная ножка, шеѣ увидѣлъ Хрущевъ выкаченный кадыкъ въ пупышахъ. По кадыку и узналъ: сынъ аптекаря. Мальчишкой къ нимъ на Выселки ѣздилъ, на дачу. Былъ тогда тихій школьникъ, худенькій и легкій, какъ вѣтеръ, и все бабурокъ ловилъ: желтыхъ капустницъ...

Блестящія рыжеватыя кольца тряхнулись:

— Какъ вы смѣете комиссара оскорблять. Арестовать надо...

Хрущевъ повернулъ голову и посмотрѣлъ насмѣшливо и равнодушно на выкаченный кадыкъ. —

— А ты чего лѣзешь, аптекарская морда?

Раздѣленные столомъ другъ отъ друга стояли двое: блѣдный, легко вскидывающій руки, Хрущевъ и крѣпкій, тяжелый и черный слесарь, съ прижатой, какъ у кота, бритой головой. Слесарь натужился, перегибаясь черезъ столъ, и ударилъ Хрущева кулакомъ въ лицо, наотмашь. Хлястнули скулы. Слесарь размахнулся и ударилъ Хрущева другой рукой, чуть застонавъ отъ натуги. Хрущевъ зашатался и завихлялъ руками. Устоялъ.

— Не бейте, не бейте — страстно вскрикнулъ рыжеватый — Надо схватить и въ че-ка.

Слесарь шумно втянулъ воздухъ и зло выпыхнулъ рыжеватому изъ сѣрыхъ мѣшковъ.

— Чего Вы лѣзете, когда не зовутъ... Зачѣмъ губить дурака. Онъ пьянъ. Я его знаю...

Каменнымъ кулакомъ билъ слесарь. Хрущева шатали его удары, но онъ стоялъ. Кровь залила лицо и стала падать на зеленое сукно стола густыми пряжками. Сочилась медленными лучами въ зеленомъ ворсѣ, и промокшій ворсъ облипалъ и темнѣлъ. Хрущевъ утеръ рукавомъ разбитыя губы. Встряхнулся и выплюнулъ на паркетъ красную кашу. Сѣрая зыбь откатила и не пылала уже гулкая голова. Бѣлое окно увидѣлъ и чугунную перекладину фонаря за окномъ. Посмотрѣлъ на круглыя, отблескивающія пуговицы на кожанной курткѣ слесаря и вспомнилъ вдругъ, что зовутъ слесаря Семеномъ. Опять утеръ лицо и сказалъ медленно:

— Семенъ, да за что жъ ты дерешься. Не надо, Семенъ...

Слесарь повернулъ его молча лицомъ отъ стола, закрутивъ ему руки за спину. Стиснулъ крѣпко плечи, и швырнулъ къ дверямъ.

* * *

Утирая лицо заблестѣвшимъ, пропитаннымъ кровью рукавомъ, стоялъ Хрущевъ на улицѣ, у желтой стѣны. Ему не было ни больно, ни злобно.

За бѣлыми сугробами шли отощалыя и громадныя извощичьи лошади, мѣрно покачивая головами вверхъ и внизъ. Запотѣлыя лошади дымили теплымъ паромъ. На дровняхъ везли бурыя полосы желѣза. Желѣзо дребезжало и смутно гудѣло. Хрущевъ посмотрѣлъ на конскія ноги въ косматыхъ сѣдовато-черныхъ бабкахъ и подумалъ:

— Вродѣ какъ битюги, а можетъ изъ поршероновъ . . .

Захлебнулся пронзительнымъ воплемъ автомобильный гудокъ. Лязгало ржавое желѣзо, смутно скребли по снѣгу шаги . . .

И услышалъ тогда Хрущевъ тихую музыку.

За желтой стѣной, за махающими головами отощалыхъ коней, въ лязганьѣ улицы, гдѣ-то подъ черной подвортней, вздыхала, посипывая, щемящая и робкая шарманка.

Тихая была музыка, но ровное гуденіе ея заглушило и сравняло уличный гулъ и все поставило на свой вздыхающій тихій ладъ. И стало Хрущеву хорошо, и грустно:

— Вотъ бы всегда такіе органчики. На всѣхъ улицахъ, по всѣмъ дорогамъ россейскимъ, чтобы играла тихая музыка. Тихой бы жизнь пошла, ласковой, степенной . . .

Хрущевъ прижался къ желтой стѣнѣ спиной. Поникъ, слушая. Шарманка обрывалась и кружила снова, вздыхала, пѣла. И вспомнилъ Хрущевъ, какъ лучилась и нѣжно пѣла свѣча надъ Павинымъ гробомъ. Повелъ медленно головой. —

— Пава, скучно мнѣ . . . . Такъ скучно мнѣ, Пава.

Тихо пошелъ онъ отъ желтой стѣны, а самъ все слушалъ, какъ расплываются въ уличномъ гулѣ тихіе вздохи дворовой музыки.

* * *

Дни смутно свѣтили розоватымъ дымомъ, качали.

Вынесъ онъ на базаръ прѣлыя овчины изъ квартиры. Перетаскалъ всѣ Павины платы и рубахи изъ сундука, а дни все качали. Вымѣнялъ у заводской сторожки, гдѣ бралъ спиртъ, на опорки хорошіе сапоги съ подрядомъ, — набойки недавно ставилъ . . .

А дни все качали и было тошно ходить ночевать на задній дворъ, надъ торговымъ трактиромъ.

Переночевалъ раза два на вокзалѣ, на каменномъ полу, обмахнувъ полой подсолнечную шелуху и плевки.

Вокзалъ былъ дыменъ, громаденъ и теменъ. Высокія двери, забранныя чугунными рѣшетками въ крутыхъ листьяхъ и черныхъ пикахъ, — сотрясались, и когда за побитыми матовыми стеклами скрежеталъ поѣздъ, каменный полъ гудѣлъ . . .

Просыпался Хрущевъ на разсвѣтѣ. Сидѣлъ на полу и чесалъ спину, завернувъ рубаху . . .

Въ холодной сѣрой мглѣ, повалясь на камень поджатыми смутными грудами, спали люди. Торчали подогнутыя закостенѣлыя колѣна, смутно

были видны полегшія, ощеренныя лица. Желтые пальцы, мертво согнутые сномъ, пялили изъ сѣрой рвани застылыя раскаряки. Надъ поваленными грудами тѣлъ носило волнами и стонами холоднаго вѣтра стиснутое дыханіе. Въ сѣрой мглѣ вокзалъ былъ какъ мертвецкая.

Хрущевъ обходилъ поваленныя тѣла, высоко подымая опорки. Путалъ въ холодной мглѣ, наровя проложить дорогу къ чугуннымъ пикамъ на матовыхъ стеклахъ дверей. Подъ опорками полъ хрустѣлъ: кишѣла неуспокоенная до свѣта вша.

Надъ холодными волнами дыханія, надъ скорченными колѣнками, надъ желтоватыми кистями рукъ, — огромно и смутно свѣтили обмятые столбы вокзальнаго кіота. Икона была вынута и квадратный провалъ чернѣлъ, точно узкая дверка, настежь распахнутая въ ночь.

— Вотъ бы органчикъ сюда, — думалъ Хрущевъ, кружа межъ поваленныхъ тѣлъ. — Чтобы тихая музыка заиграла, теплѣе чтобы стало душамъ человѣческимъ.

На вокзальномъ дворѣ онъ стоялъ подолгу, глотая холодный, синій воздухъ. Дымилась темной пустотой площадь. За острыми синими горами дальнихъ домовъ едва попыхивали и разжигались огнистыя копья зари . . .

Разъ стоялъ онъ на ступенькахъ, глотая воздухъ, точно прозрачныя холодныя льдинки, а снизу, съ дымной площади, неслышно прокрался песъ.

Мягко поставилъ переднія лапы на первую ступеньку, и поднялъ морду. Ждалъ. Хрущевъ свиснулъ слегка. Песъ неловкимъ прыжкомъ добрался до Хрущева и ткнулъ ему въ колѣни дрожащую узкую морду. Рыжая шерсть пса темно отблескивала на поджатыхъ бокахъ, точно намокшая. На узкомъ заду выпиралъ двумя буграми крестецъ. Хрущевъ зажалъ въ кулакъ влажную морду пса и подумалъ: «Ладный песъ. Изъ лягавыхъ. Поди господскій былъ, благородный». Провелъ пальцемъ по шерсти, и пальцы запрыгали по ребрамъ, какъ по частоколу. —

— Подыхаешь, ваше благородіе? Ништо, всѣ подыхаемъ.

Уткнулъ палецъ подъ запалую морду, точно подъ жабру, приподнялъ его голову и заглянулъ въ его темные выпуклые глаза. Песъ заскулилъ.

— Ты не скули, — довѣрчиво пригнулся Хрущевъ и опять зажалъ псу морду — Все единственно, скули — не скули, а наше дѣло отпѣтое. Разбираешь?

Песъ еще глубже посунулся головой въ его кулакъ. Рука отъ песьей морды намокла и пальцы стали слипаться. Посмотрѣлъ Хрущевъ на руку, а рука у него потемнѣла отъ крови и стала какъ въ черной ру-

кавицѣ. Хрущевъ гнѣвно отбросилъ тогда пса, двинувъ его колѣнкой подъ зыкнувшее брюхо.

— Падаль жрешь... Мертвыхъ роешь, гадина.

Отъ удара песъ глухо завылъ и покатился внизъ по каменнымъ ступенькамъ.

* *
*

Пошли облавы и съ вокзала стали сгонять.

На ночь Хрущевъ ходилъ теперь на постоялый дворъ за заставой.

Дворъ былъ деревянный, старинный, какъ только не погорѣлъ на многихъ городскихъ пожарахъ. Прокоптѣлыя балки низкаго потолка черно блистали, какъ каменный уголь. На постояломъ дворѣ топили еще огромную русскую печь, въ трепинкахъ и витыхъ волоскахъ трещинъ на пожелтѣлой, забухлой отъ жара известкѣ. Воздухъ у печи былъ трепетенъ и горячъ, а по черному уголью балокъ безшумно махалось дыханіе огня, точно ходили по потолку золотистыя опахала крылъ огненныхъ.

На полу спали вповалку. Воздухъ отъ печи низко плылъ надъ головами густой и теплой волной, а по полу, изъ щелины въ дверяхъ, струилъ всю ночь холодъ. Къ утру охладѣвала громада печи и было на постояломъ дворѣ влажно и холодно, какъ въ нетопленной банѣ.

На дверяхъ визжалъ и стукалъ блокъ: — кусокъ бураго кирпича, привязаннаго бичевкой. Ночевали на заставѣ подгородніе вощики и городской людъ, дрожащій, холодный, сѣрый, въ пальтошной рвани. Былъ среди ночлежниковъ одинъ старичишка, въ черной ватной кацевеѣ, малаго роста, всегда выпившій. Его припухлыя маленькія руки попрыгивали и метались, точно все искалъ онъ чего-то на кацевеѣ. Круглая, въ желтоватомъ пуху, голова торчала изъ шерстяной шали и тряслась, морщинистая и подслѣповатая, какъ у голаго котенка. Голосъ у старичишки былъ визгливъ и говорилъ онъ много и смутно, а ругался сладко, въ засосъ, облизывая слюнявыя губы...

Подгородніе вощики вваливались заинѣлой и дымной толпой. Застили всю избу обмерзлыми охабнями и косматыми тулупами. Топотались какъ суровые медвѣди. Неспѣшно разували отвислыя, рыжія голенища. Когда распахивали свое охоботье, шелъ отъ вощиковъ прѣлый, кислый и теплый духъ, какъ изъ звѣриныхъ берлогъ. Они молча лѣзли другъ за другомъ на печь, и за печью, на горячихъ палатяхъ, темно ворчали межъ собой, точно шуршали....

Старичишкѣ досаждала ихъ возня и медвѣжій топотъ. Ругалъ онъ вощиковъ гадко.

— Чего ты лаешь на вѣтеръ? — презрительно и равнодушно разъ сказалъ ему одинъ вощикъ костлявый, блѣдный, съ черной бородой въ клинъ. — Лаешь, лаешь какъ песъ. Неуспокоенная твоя душа.

— Неуспокоенная, неуспокоенная, — засуетился старичишка. Онъ укатывалъ на полу свою кацевейку и привсталъ даже. Засуетился зло и, облизывая слюнявыя губы, заругалъ вощика сладко и долго, точно заплевалъ его.

— Вотъ ты опять, — экая нелада, — равнодушно проворчалъ костлявый, забираясь на печь.

— Нелада, нелада, — злобно плевался старикъ. Онъ стоялъ на корточкахъ и дергалъ невѣрными руками шерстяную шаль съ шеи, будто задыхался. —

— А гдѣ твой ладъ, мужицкая твоя образина? Гдѣ твой ладъ, скотъ, тварь?

— Самъ тварь. Всѣ отъ Бога, — насмѣшливо проворчало изъ-за печи.

— Ты не тварь, а гнусъ — яростно расплевался старикъ. —Гнусы вы. Только гнусамъ съ вами и жить. Не вы ли учинили мерзостное царство, отхожее мѣсто, нужникъ поганый. Все опаганили въ нечистотахъ, гнусы . . .

За печью помолчали. И разсмѣялись вдругъ всѣ разомъ темно, крѣпко и коротко, точно проржали.

Старичишка обмякъ на колѣняхъ. Его пуховая голова тряслась какъ у слѣпого котенка. Онъ шумно заглоталъ слезы и все ловилъ что-то въ воздухѣ прыгающими пальцами:

— Смѣйся, мнѣ теперь все равно, смѣйся. Ты повелѣлъ и вотъ все опаскужено. Ты повелѣлъ . . . . А я тебя гнусъ еще въ 16-омъ году моимъ автомобилемъ въ Москвѣ давилъ. Тебя бы, погань вонючая, въ мои конторы за версту не пустили.

Старичишка плевался и бормоталъ. Пышный костеръ углей отблескивалъ въ его выпученныхъ, мутныхъ глазахъ каплями горячаго багрянца. И багряной каплей крови дрожала слеза на его сѣрой щекѣ. Онъ раскачивался на колѣняхъ и бормоталъ задумчиво, точно самъ съ собой:

— Москва . . . . Это тебѣ что, ежели у меня въ Москвѣ два транспортныхъ склада были и банкирскій домъ. Все отобрали, все — въ прахъ... Москва . . . А какія женщины были . . . Марьеттъ, Шварцъ Катенька . . . . Маша изъ Эрмитажа . . . Маша, да, Маша . . .

Половилъ что-то въ воздухѣ пальцами, всхлипнулъ.

— Машенька, Маша . . . Ау, Маша . . . И Коленька-ау . . . Но, ради Бога, зачѣмъ же Коленька? . . Что онъ гвардейскій офицеръ, такъ онъ же ничего, онъ политики ничуть и никогда. Онъ мнѣ грѣшному пьяному

бабнику отъ Бога былъ въ очищеніе посланъ. Онъ все больше насчетъ старыхъ художниковъ и древнихъ монетъ. Старинный театръ хотѣлъ въ Москвѣ ставить. «Папа, дашь денегъ, будетъ Москва средневѣковыя мистеріи играть» . . . Я, Коля, что-жъ, я дамъ, но имѣй въ виду война, — рубль падаетъ . . . Падаетъ.

Старичишка подернулъ узкими плечами. Прищурилъ глаза на тлѣющую багровую мглу углей.

— Падаетъ . . . Что падаетъ? . . А, я о театрѣ, о рублѣ . . . Вотъ тебѣ, Коленька, и средневѣковая мистерія . . . Опаганилъ гнусъ, ужалилъ. Теперь жри . . . Тля окаянная.

Громыхалъ глубокій и ровный храпъ за печью. А старичишка все возился и бормоталъ. То выходилъ на дворъ, то лежалъ тихо, поджавъ колѣнки и свернувшись въ кольцо, какъ котенокъ. Опять бормоталъ. Отплевывался . . .

На черныхъ, какъ уголь, балкахъ махало безшумно огненное крыло.

Разъ пришелъ Хрущевъ ночевать, а подъ устьемъ печи, въ сѣрой золѣ, сидитъ на корточкахъ новый ночлежникъ. Хрущевъ видѣлъ его въ первый разъ: человѣкъ легкій и молодой. Лицо узкое, блѣдное, безбородое, а глаза вѣютъ горячимъ свѣтомъ, какъ у тѣхъ, что недавно выписаны изъ больницы послѣ горячки. Сидѣлъ человѣкъ на корточкахъ, подложивъ подъ ноги страническую кожаную сумку. По одеждѣ былъ фабричный.

Въ багровомъ сумракѣ, огонь рушилъ уголья, гасъ, нѣжно игралъ за его спиной и острыя, худыя плечи легкаго парня лучились, а его пронизанный огнемъ русый волосъ горѣлъ какъ свѣтлая шапка. Высокимъ чистымъ голосомъ говорилъ легкій парень и руки его порхали у лица, какъ двѣ бѣлыя пугливыя птицы:

— И сказалъ Исусъ ученикамъ своимъ: Услышите о войнахъ, не ужасайтесь. Это еще не конецъ. Ибо возстанетъ народъ на народъ и царство на царство и будутъ глады, моры и землетрясенія . . . На мученіе будутъ предавать васъ и убивать. И будете вы ненавидимы за имя Мое. И тогда соблазнятся многіе и другъ друга будутъ предавать и возненавидятъ другъ друга. И многіе лжепророки возстанутъ и прельстятъ многихъ, а любовь охладѣетъ . . .

Легкій паренокъ обхватывалъ вдругъ голову, точно въ скорби. На тонкіе пальцы красноватымъ и нѣжнымъ сумракомъ палъ отсвѣтъ огня. Блѣдное лицо будто сразу уснуло, но вотъ проснулось, засвѣтивъ пугливую улыбку.

— Такъ все про насъ и прописано. У Матѳея Евангелиста, глава двадцать четвертая . . .

Вощики въ космтыхъ тулупахъ темнѣли на лавкахъ смутными громадами. Съ полу кто-то приподнялъ голову, пристально глянулъ на легкаго паренька и длиннымъ желтоватымъ огнемъ метнулъ зрачокъ. У печи сквозила легкимъ золотистымъ дымомъ пуховая голова старичишки. Тряслась. На лавкахъ кто-то икнулъ. Прошепталъ кто-то: «О, Господи». Завозились. Чья-то пятерня заскребла въ темнотѣ, шурша неспѣшно, долго и сладко, по тѣлу.

— А на счетъ конца прописано или нѣтъ? Хмуро спросилъ кто-то съ палачей.

Опять запорхали пугливыя бѣлыя птицы.

— Сказано у Матѳея Евангелиста — будетъ мерзость запустѣнія. Будетъ великая скорбь, какой не было отъ начала міра до нынѣ, но ради избранныхъ сократятся тѣ дни . . .

— Сказано только — въ полночь раздался крикъ: «вотъ Женихъ идетъ, выходите навстрѣчу Ему» . . . Се, стою у дверей и стучу: если кто услышитъ голосъ Мой, и отворитъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мной . . .

Заплескалъ чистый голосъ, какъ прозрачная вода о стекло. Легкій паренекъ откинулъ голову къ печи. Его золотой волосъ разметался по известкѣ. Онъ посмотрѣлъ пристально, какъ по чернымъ балкамъ ходитъ огненное крыло, и закрылъ вѣки. Его узкое лицо дрожало. Нѣжныя губы дрожали, и закрытыя вѣки, и крутыя ноздри тонкаго носа.

— Болѣзненый онъ. Не трожьте вы его, дайте спокой — передохнулъ тогда кто-то на лавкѣ.

Утихли. Разогрѣтые, скребли и чесали въ темнотѣ тѣло, какъ звѣри. Шуршали, укладываясь. Все тише махало на потолкѣ огненное крыло. Погасало и взмахивало снова безъ силъ, тусклое, дымное и багровое. Струило холодъ изъ щелины дверей.

Спали, вздыхая и ворочаясь тяжко. Кто зубами скрипѣлъ, будто водилъ тупой пилой: проведетъ, и зачмокаетъ. И опять проведетъ, застонавъ. Кто храпѣлъ. Точно рвалъ съ силою суровые, трескающіе холсты. Рванетъ, влажно зашлепаетъ губами, и снова рванетъ, да такъ сильно, что забормочетъ.

— О, фу . . . Прости, Господи, а — а — а . . .

Заворочается, сопя соннымъ медвѣдемъ, и начнетъ похрапывать мокрымъ, короткимъ и частымъ клекаткомъ. Заскулитъ. А потомъ снова рванетъ холсты . . .

Не спалъ Хрущевъ. Смотрѣлъ какъ гаснущее огненное крыло выпыхиваетъ послѣднія дымныя перья. И щемила Хрущева боль, легкая и глубокая. Какъ будто кто взялъ въ руку его сердце, коснулся легкими пальцами и трогаетъ и щекочетъ, и вотъ стиснетъ такъ, что захватитъ духъ. «Пава» — подумалъ Хрущевъ. Нѣтъ, не Пава. Подумалъ — «Парнишка». Да, новый ночлежникъ трогалъ сердце легкими пальцами . . .

Хрущевъ приподнялъ голову. Посмотрѣлъ, какъ сидитъ на корточкахъ у тлѣющаго красноватаго устья печи легкій парень, и поползъ къ огню, мягко огибая тѣломъ разбросанныя руки и сырыя подошвы сапогъ.

Парень будто спалъ, уткнувъ лицо въ подогнутыя колѣни. Хрущевъ подползъ и сѣлъ подлѣ на корточки. Заметалъ рѣсницами паренекъ и широко раскрылъ глаза, точно встрепенулся. Дохнулъ на Хрущева тихо —

— Вамъ чего?

Хрущевъ отодвинулся и осторожно протянулъ ноги, сначала одну, а потомъ другую, чтобы не задѣть кого на полу. Прижался крѣпко спиной къ еще теплой печи.

— Ничего . . . Я такъ . . . Погрѣться.

— А, да — и парень опять уткнулъ голову въ колѣни. Хрущеву стало тревожно, что парень заснетъ. Онъ шевельнулся къ нему и кашлянулъ робко —

— Спите вы, нѣтъ? . . Вы какой губерніи будете?

Не подымая лица, парень отвѣтилъ въ колѣни —

— Я не губерніи. Я — Московскій.

«Ты бы личико поднялъ, слышь» — подумалъ Хрущевъ и сказалъ, точно соскучившись —

— Мѣщанинъ будете или торговлю имѣли?

— Нѣтъ, я токарь . . . Токарь по металлу, заводской.

— Такъ. Безъ дѣловъ теперь?

— Н-ѣ-тъ — сонно отвѣтилъ парень, не поднимая лица. — Странствую . . .

— Т-а-къ — передохнулъ Хрущевъ. — А я въ крестьянствѣ состоялъ. По хозяйству . . . Д-а-а.

Хрущевъ сморкнулъ носомъ и вдругъ сказалъ рѣзко —

— Бабу я, слышь, недавно похоронилъ, да.

Встрепенулся легкій парень и свѣтло распахнулись его глаза на Хрущева, точно онъ и не спалъ —

— Слышу я.

— И болитъ у меня душа — придвинулся къ нему Хрущевъ. —

— Скажи ты мнѣ, отчего болитъ душа моя?

Тлѣлъ огненный сумракъ за ними. Тѣни двухъ головъ дрогнули и припали одна къ другой.

— Это хорошо, когда душа болитъ — зашепталъ парень. — Значитъ дороги ищетъ. А ежели ищетъ, — найдетъ.

— Ласковый ты. легкій — задышалъ часто Хрущевъ. — Успокой ты меня . . .

— Нѣтъ, братъ, успокоенія. Никому нѣтъ успокоенія. Въ такіе то дни . . . Я, братъ, спокойный былъ, холодный. Рабочій я, пролетаріатъ, какъ извѣстно. Въ комитеты избрали на Сименсъ и Шукертѣ. Думалъ вотъ она правда настоящая. И дѣлалъ я все и резолюціи выносилъ, а душа болитъ.

— Болитъ она, да, — отозвался Хрущевъ.

— А у насъ тогда дѣвочку одну на улицѣ убили. Пулей. Дѣвочка маленькая, играла себѣ, а ее пулей изъ озорства, патруль заводской . . . Знали кто и убилъ, Говорковъ Степанъ, тоже токарь, выпивши. Ожесточенный онъ былъ . . . А на утро бился Говорковъ и рыдалъ горько. Глаза красные, а самъ корчится въ рыданіяхъ: «Не я убилъ, не я . . . Онъ — убійца. Онъ, Онъ». Я подошелъ и за плечо его тронулъ: «Кто онъ, Степанъ?» А Говорковъ какъ залязгаетъ на меня зубами, точно волкъ бѣшеный, а самъ рыдаетъ и матюгается: «развѣ я знаю кто онъ, развѣ знаю я»... И сталъ я отъ той поры думать кто такой Онъ. Болѣла душа моя, какъ у тебя и искалъ я душѣ успокоенія въ Благовѣствованіи, и все думалъ я, и все думалъ кто Онъ . . . И увѣдѣлъ я тогда Его звѣзду пятикрылую.

Въ темнотѣ скользнуло что-то, будто мяукнуло жалобно. Можетъ быть крыса, облѣзлая, рыжая, голодная, пробираясь въ темнотѣ, сорвалась съ чёрной балки и, жалобно завизжавъ, покатилась мягкимъ кубаремъ . . .

Хрущевъ прижался къ плечу парня. Въ холодной тьмѣ рылось храпѣніе, и сжатые стоны, и возня спящихъ. Стало спинѣ Хрущева холодно, точно кто обдалъ ее морознымъ вѣтромъ. Онъ прижался къ парню. Нащупалъ его колѣни и нажалъ круглую колѣнную чашечку. Смутно и тягостно вспомнилъ онъ громадную звѣзду, погасшую на желтой стѣнѣ, казеннаго зданія, какъ бурая летучая мышь съ обвислыми крылами . . .

— Ты это про какую звѣзду . . . Ты это про ту?

— Про ту, про которую сказано въ Словѣ.

Токарь положилъ свою горячую, узкую ладонь на сжатые пальцы Хрущева, зашепталъ —

— Увидѣлъ я звѣзду, падшую съ неба на землю. Данъ ей ключъ отъ кладезя бездны. Царемъ надъ собой имѣетъ она Ангела Бездны, а имя Ему Губитель . . . Ты слышишь? Все это сказано въ Словѣ, — слышишь.

— Слышу — стиснулъ ему колѣнку Хрущевъ.

— Сказано будетъ година искушенія, которая придетъ на всю вселенную, чтобы испытать живущихъ на землѣ. И дана будетъ Звѣрю власть надъ четвертой частью земли — умерщвлять и мечемъ и голодомъ. Въ тѣ дни люди будутъ искать смерти и не найдутъ.

Токарь зажалъ голову руками. Затрепеталъ. Подъ прыгающими пальцами Хрущева билось частымъ трепетомъ его колѣнная чашечка. —

— Сказано — вотъ вылилъ Господь чашу гнѣва своего на престолъ Звѣря и сдѣлалось царство Его мрачно и люди кусали языки свои отъ страданія . . . Сказано — кто поклонится Звѣрю и образу Его и приметъ начертаніе на чело свое или на руку свою, тотъ будетъ пить вино ярости Божьей, вино цѣльное, приготовленное въ чашѣ гнѣва Его.

— Мочи нѣтъ. Тяжко — прошепталъ Хрущевъ — И надъ всѣми крылы звѣриныя?

— Надъ всѣми . . . Но слышь, погоди, — свѣтъ есть. Сказано, произошла на небѣ война и Михаилъ и ангелы его воевали противъ Звѣря. И схваченъ былъ Звѣрь и съ нимъ лжепророкъ. Оба живые брошены въ озеро огненное. Всѣхъ боязливыхъ и невѣрныхъ, всѣхъ преданныхъ мерзости и лжи, всѣхъ скверныхъ и убійцъ участь въ озерѣ, горящемъ огнемъ и сѣрою. Будетъ дымъ ихъ мученій восходить во вѣки вѣковъ . . .

— Будетъ, будетъ! — воскликнулъ кто-то изъ темноты. Дрогнули и Хрущевъ, и токарь.

Изъ темноты поднялся и шелъ на багряный сумракъ огня старичишка. Протянулъ передъ собою невѣрныя прыгающія руки —

— Всѣхъ скверныхъ, всѣхъ боязливыхъ, всѣхъ преданныхъ мерзости... И меня, и меня поганаго, меня окаяннаго — туда въ сѣру, въ дымъ, въ огни горящіе на вѣки вѣковъ.

Добрался до токаря и мягко палъ на колѣни. Трясся. Шарилъ пальцами по рванымъ штанамъ токаря, гладилъ ему руки, и всхлыпывалъ, и икалъ отъ слезъ.

— Святой ты мой мальчикъ, странникъ ты легкій, ангелъ бѣлый.

— Тише, дядя, да тише — пугливо и ласково зашепталъ токарь. Отстранился. Легко убралъ съ колѣнъ дрожащіе пальцы старика.

— Ты, слышь, сядь. Ты не плачь, слышь. Не икай, погоди — кротко сказалъ старичишкѣ Хрущевъ. — Дѣло узнать надо.

Хрущевъ повозился, крѣпко стиснулъ зубы и потеръ лобъ —

— Я думаю, все потому такъ, что царя убили. Потому и пропадаетъ подъ Звѣремъ государство Россійское.

— И потому. Тутъ все одно къ одному . . . Но ты въ то понятіе войди, что пропажи еще нѣтъ. Сказано, въ полночь грядетъ Женихъ, Агнецъ, Исусъ, когда и не ждетъ никто. Сказано — блажени званные на

брачную вечерю Агнца . . . Господи, Господи, а кто позванъ? Скажи, кого позовешь, Господи . . . Ты сказалъ — увидятъ люди новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали . . . Господи, Господи, далъ бы увидѣть . . . Далъ бы.

Токарь откинулъ голову, и опустилъ вѣки. Его горячіе пальцы стали слабѣть на сжатой рукѣ Хрущева. Разжимались тихо. Пугливо трепетали, точно пробуя сжаться, но снова разжимались — все слабѣе и все тише.

Поникли, разжатые.

— Уснулъ — прошепталъ Хрущевъ старичишкѣ.

Старикъ сидѣлъ на корточкахъ. Икалъ глухо отъ слезъ.

— Не икай ты, ради Христа — тихо и недовольно прошепталъ Хрущевъ. — И плакать бы тебѣ полно.

— Шш — шш — разбудишь — прошипѣлъ старикъ и опять икнулъ, зажавъ ротъ рукою.

Въ остылой тьмѣ прокатывалось храпѣніе, стоны и скрипъ зубовъ . . .

* * *

Хрущевъ много разъ вспоминалъ токаря и когда вспоминалъ, точно щекотали у сердца пугливые и легкіе пальцы. Увидѣть его Хрущеву не довелось. Вѣроятно ушелъ легкій токарь на странствованіе, въ путь . . .

На улицахъ роились люди, кишѣли и ползли низко у земли, какъ насѣкомыя. Налетали, шевеля усиками — руками, шуршали. А вверху надъ ними была пустота. Туда нельзя смотрѣть, но тамъ студеная мгла пустоты. Смутно думалъ объ этомъ Хрущевъ, не могъ бы сказать словами, но была отъ этихъ мыслей тоска и тянуло куда-то уйти.

— Или и мнѣ въ путь? — думалъ Хрущевъ. — На Соловки. А то есть еще обители Онежскія скрытыя. А то въ лавры Печерскія. По крайности— на тепло.

Эти мысли водили его по улицамъ, какъ повадыри слѣпого. Улицъ онъ не видѣлъ. Иногда уходилъ далеко за городъ по песчаному желѣзнодорожному откосу.

Желтоватымъ холмомъ, загибаясь вдалекѣ подъ сѣрую завѣсу неба, струился откосъ. Рельсы текли двумя узкими бурыми канатами. И, точно странники легкіе, шли, чуть пригибаясь, одинъ за другимъ, сѣрые телеграфные столбы. У курчавыхъ темныхъ облаковъ легкіе странники сливались въ одну тѣнь. Шли они и пѣли: тонко, печально, по бабьи.

Хрущевъ проваливалъ ногой въ размытыя выбоины между шпалъ, обходилъ кучи щебня и сваленные погнившіе щиты отъ заносовъ. Крѣпко хрустѣлъ подъ опорками перегорѣлый рыжій уголь.

Степи были видны съ откоса. Степи, дымясь, плыли темными морями въ обѣ стороны отъ желтоватой насыпи. Плыли, качая глухими туманами тихія, сильныя, подъ края навислаго со всѣхъ сторонъ неба. И тамъ далече, въ глухой мглѣ, притаились къ прѣющей землѣ и плывутъ съ нею къ небу черныя избы Выселокъ и Шильцева, Черевицъ, Вольной Середки, Барскаго Долу . . .

Разъ вспомнилъ Хрущевъ у насыпи, какъ водилъ его по полямъ отецъ. Давно было. Тогда еще носили домотканные портки и водили мужиковъ пороть въ волость, а у бабки Апполоніи въ берестяномъ погребцѣ хранились подъ мотками шерсти, пузырьковъ отъ Почаева, бархатками и алыми лентами, — золотые питирублевки съ бородатымъ, курносымъ царемъ, похожимъ на мужика.

Водилъ его отецъ по полямъ въ воскресное утро на легкой зарѣ. Отецъ напарился вчера въ банѣ. Расчесалъ тугой рыжій волосъ и полоскалась на вѣтрѣ его неподпоясанная красная рубаха изъ ксандрейки и сверкало солнце на бѣлыхъ похлопывающихъ порткахъ.

Небо тогда было, какъ голубой легкій куполъ. Синимъ и нѣжнымъ сосновымъ рощамъ на дальнихъ холмахъ заря одѣла розоватой мѣдью стройныя ноги. Плавалъ надъ бархатной и сѣрой отъ росистой пыли дорогой сладкій дымъ закурчавѣвшихъ хлѣбовъ, что уже пошли въ трубку. Межъ зеленыхъ волнъ спали голубоватыми серпами полевыя озерки. Волосъ отца свѣтился подъ солнцемъ рыжеватымъ сіяніемъ. Онъ то бубнилъ и напѣвалъ себѣ подъ носъ, то щурилъ всѣ крѣпкія мѣдныя морщины на зеленѣющіе утренніе долы. Направо и налѣво помахивалъ желтымъ отъ махорки расплющеннымъ пальцемъ, показывалъ полосенки:

— Это мое и это мое. И тамъ опять же мое, по озерамъ . . . Невидимками притаились и плывутъ по морямъ темныхъ холодныя деревни. Качаетъ влажные туманы у желѣзнодорожной насыпи. Сѣрые странники пригнулись и идутъ другъ за другомъ, съ пѣніемъ тонкимъ и жалобнымъ . . .

* * *

Въ районной продовольственной лавкѣ отпускали клюкву, листовой табакъ и мерзлый картофель.

Въ прежнее время здѣсь былъ винный погребъ и гастрономическій магазинъ. У дверей еще виснула отодраннымъ ржавымъ краемъ промятая темная вывѣска: «Икра. Балыки. Семга».

Окно завалили мерзлой картошкой. Окно отпотѣло на половину, потому что прокисшій картофель прѣлъ и сочилъ по стеклу жидкій темный кисель.

Въ дыму изморози становилась у продовольственной лавки черная очередь за вязкимъ и мокрымъ какъ глина, хлѣбнымъ пайкомъ. Стояли костлявыя бабы, оберченныя платками, въ размякшихъ валенкахъ. Стояли узкіе со спины, блѣдные озябшіе мальчишки. У мальчишекъ были обведены темными кругами глаза и говорили они между собой безъ смѣха съ похабными ругательствами. Стояли костистые сумрачные рабочіе люди въ черныхъ ватныхъ пиджакахъ до колѣнъ. Стояли городскіе въ легкихъ осеннихъ пальтишкахъ въ обвислыхъ и намокшихъ шляпахъ, кое кто раскрывалъ надъ головой глянцевитые черные купола зонтиковъ . . .

Стояли, и молча смотрѣли другъ на друга въ затылокъ, точно дремали. Когда толкотня поднималась въ очереди, потревоженные ворчали коротко и яростно. Голенастая баба въ валенкахъ, отгибая отъ лица желтымъ пальцемъ байковый платокъ, лаетъ глухо на блѣдную дѣвушку въ мужскомъ осеннемъ пальто съ облѣзлымъ бархатнымъ воротникомъ —

— Распялила зонтики, — барыня какая. Мало васъ учили, буржуевъ. Въ глаза тычетъ, стерва.

— Это ты стерва, а не я, — поджимаетъ сухія и сѣрыя губы дѣвушка. Вѣтеръ тихо покачиваетъ на ней широкое мужское пальто, точно на вѣшалкѣ. Она опускаетъ рѣсницы. Легко и печально трепещутъ рѣсницы, какъ въ дремотѣ.

Баба отвернулась, засунувъ острый желтый подбородокъ въ платокъ. Насупилась. Блѣдные мальчишки хихикаютъ, будто мяукаютъ. Вѣтеръ гоняетъ дымомъ холодную изморозь. Подхватилъ и помелъ вдоль очереди сѣрую бумажку, да такъ и оставилъ, на панели . . .

Хрущевъ проходилъ улицей съ похмѣлья, и захотѣлось ему кислаго. Сталъ онъ въ затылокъ за высокимъ худымъ человѣкомъ въ черномъ пальто и въ черной шляпѣ. На воротникѣ у человѣка таяли сѣроватыя снѣжинки, а вѣтеръ металъ и легко относилъ изъ подъ шляпы его влажную рыжеватую прядь.

Человѣкъ оглянулся. Увидалъ Хрущевъ худое блѣдное лицо, рыжеватую бородку клинушкомъ, пушистые усы, двѣ черныхъ и узкихъ складки, пролегшія къ губамъ отъ крыльевъ тонкаго носа. Былъ человѣкъ въ очкахъ. Его взглядъ сверкнулъ, облилъ свѣтомъ лицо Хрущева, проглотилъ.

— Ишь ты какой. Глазастый — безъ злобы подумалъ Хрущевъ и толкнулся ему въ спину, сдунувъ дыханіемъ сѣрыя снѣжинки съ чернаго воротника.

— А ты бы не тискалъ, дядя — опять оглянулся человѣкъ, сверкнувъ очками.

Хрущевъ посмотрѣлъ на тощую щетинистую шею, выпирающую изъ бѣлой грязной рубахи, застегнутой мѣдной запонкой. Увидѣлъ, что рубаха

темно позеленѣла кругомъ красной запонки. Медленно повелъ глазами на сверкающіе очки и смутно вспомнилъ вечерній темный снѣгъ, черную лужу крови... Тягостно стало Хрущеву.

— А ежели и тисну — сумрачно и вызывающе сказалъ онъ. — Ты мнѣ что сдѣлаешь?

Человѣкъ, выпятивъ нижнюю губу, сдунулъ съ кончика мокраго носа щекочущую снѣжинку —

— Да ничего. Отойду. Вижу я, что выпившій ты человѣкъ.

— Ну и выпивши — холодно отвѣтилъ Хрущевъ. — Не тобой поенный. Чего буркулами сверкаешь? ..

Человѣкъ напыжилъ вдругъ лицо, отчего щеки его надулись книзу сѣрой грушей, и зафукалъ въ пушистые усы «фух — фух» и защурился, заусмѣхался, показавъ осколки желтыхъ зубовъ —

— Теперь вижу я, что ты не человѣкъ, а дуракъ. Чего ты сердишься?

Оттого, что онъ такъ напыжился и зафукалъ въ пушистые усы, стало Хрущеву легко и весело смотрѣть на стекла его очковъ. Хрущевъ усмѣхнулся, поведя озябшимъ плечомъ.

— Да я ничего. Къ слову вышло.

— Вотъ я вижу, что къ слову: глаза у тебя хорошіе, человѣческіе, а ты лаешься.

Отъ лавки пошелъ Хрущевъ вмѣстѣ съ высокимъ человѣкомъ. Тотъ шагалъ быстро, ставилъ легко и прямо ноги и шелъ чуть нагнувъ тѣло впередъ. Точно летѣлъ высокій человѣкъ у самой земли, какъ тощая птица. Круглые очки сверкали.

Онъ такъ быстро летѣлъ, что его черное пальто обдавало Хрущева холодомъ. И приходилось Хрущеву поспѣшать за человѣкомъ вприпрыжку. Въ глубокомъ снѣгу Хрущевъ чуть опорокъ не потерялъ. Сталкивали его плечами съ панели, а онъ отряхивался, смотрѣлъ не понимая, и снова гналъ вприпрыжку за огромной птицей, летящей низко. Его что-то привлекло къ этому высокому человѣку. Можетъ быть улыбка, можетъ быть какой нибудь властный и знакомый человѣческій запахъ, что также привлекаетъ на улицѣ собакъ. И все казалось Хрущеву, что надо что-то сказать этому человѣку, а что сказать, Хрущевъ не зналъ...

Покуда шли людной улицей высокій человѣкъ все поплевывалъ. Толкнетъ ли его кто, задѣнетъ по рукаву пальто, — сѣрое лицо человѣка сожмется такъ, будто ему очень больно, и отвернетъ онъ голову, и плюнетъ. Когда шли, человѣкъ коротко выпыхивалъ сквозь рыжеватые усы:

— Ты фабричный, нѣтъ?

— Крестьянствовалъ. Отъ хозяйства отбился.

— Экій ты, братъ, Сафронъ... Почему отбился.

— Какъ — баба померла — все загудѣло. Такъ и гудитъ.

— Какъ бабу звали?

— Пава.

— Странное имя. Чудное.

— Паисія. У нашихъ бабъ все такъ: мать моя Агрипина, бабка — Апполонія. Были тетки Евпраксіи.

— Святыя имена, чудесныя и прекрасныя. А тебя какъ звать?

— Александръ. А съ дѣдовъ прозвище пошло Хрущевъ.

— Саша, значитъ. Дѣло хорошее.

— Выходитъ, что такъ . . . А вы кто такой будете.

— А я приватъ доцентъ Московскаго университета, по кафедрѣ экономическихъ наукъ. Понялъ?

— Нѣтъ.

Высокій человѣкъ зафукалъ въ усы, обливая Хрущеву лицо огнями сверкающихъ очковъ —

— Ну и дуракъ, если не понялъ. Ученый я . . . Книжникъ, но не фарисей.

Человѣкъ разомъ сталъ у темной подворотни, точно осадилъ самъ себя.

— Вотъ что, братъ, Хрущъ. Если хочешь — идемъ ко мнѣ клюкву жевать . . .

Домъ былъ многоэтажный, громадный. По сѣрой стѣнѣ сочилась зеленоватыми подтеками сырость. Черными ямами зіяли окна верхнихъ этажей. Пушечнымъ огнемъ хватило, вѣроятно, по крышѣ . . .

* * *

Перешли квадратный асфальтовый дворъ.

Двѣ дѣвочки въ красныхъ ватныхъ пальтишкахъ сидѣли, разставивъ ноги на мокрыхъ ступенькахъ двороваго подъѣзда. Обѣ тихія, обѣ бѣлобрысыя, съ желтыми лицами старушекъ. Высокій человѣкъ сдѣлалъ имъ пальцами козу —

— Уа — уа, коза идетъ рогатая.

Обѣ дѣвочки въ медленномъ усиліи подняли на него горящіе темные глаза. Глядѣли строго на его узловатые, въ рыжемъ пуху, пальцы. У одной легко дернулась у синеватыхъ сжатыхъ губъ гримаска, точно желтое личико собирало силы, чтобы улыбнуться, но силъ не было.

— Гуляете? А папа какъ, дома?

Обѣ дѣвочки, какъ нѣмыя, покачали мокрыми красными капорами и нельзя было понять, что хотятъ сказать онѣ — «да» или «нѣтъ». Вошли въ подъѣздъ, на черную лѣстницу.

— Доктора Сергѣева — сказалъ высокій человѣкъ. Еще сынишка былъ, гимназистъ, Жоржикомъ звали. Уже померъ. Скоро и эти... Голодъ, братъ.

— Да.

Стали подыматься. Въ темнотѣ Хрущевъ натыкался на мокрую спину человѣка, ощупывалъ и не попадалъ рукой на влажные и липкіе перила.

— А я васъ все спросить хотѣлъ, когда улицей шли—чего вы отплевывались?

— Какъ чего, вотъ дуракъ, хоть и примѣтливый... Тошно мнѣ или нѣтъ, когда слизни кругомъ.

— Не понимаю я опять.

Голосъ высокаго человѣка отвѣтилъ изъ темноты сверху и ласково и насмѣшливо —

— Знаю, что не понимаешь...

Дошли до площадки. Человѣкъ уже запыхался и прислонился къ периламъ. Протянулъ Хрущеву размягшій кулекъ съ клюквой.

— Пожуемъ, что ли... Немного.

Забирали крѣпкими горстями, давили, прыскающую водой ягоду. Жевали молча и быстро. Въ кулькѣ пальцы жадно сталкивались.

— Голодъ, я говорю — повторилъ высокій человѣкъ. Въ темнотѣ онъ пошарилъ по груди Хрущева и отыскалъ его пуговицу. Захватилъ ее двумя пальцами.

— Ты цынгой болѣлъ?

— Нѣтъ еще.

— Будешь болѣть. Болѣзнь занятная... Весь человѣкъ живъ, а ротъ уже гніетъ заживо, какъ на третій день погребенія. Я болѣлъ...

Снова пошли въ темноту. Человѣкъ подымался теперь медленнѣе, и Хрущевъ чаще наталкивался губами и носомъ на его влажную, костистую поясницу.

Сладковатый запахъ падали охватилъ тошно и густо на слѣдующей площадкѣ. Хрущевъ втянулъ гнилой воздухъ и во рту собралась слюна.

— Воздухъ тяжелый — сплюнулъ онъ.

Человѣкъ зафукалъ сверху изъ темноты.

— Тяжелый — говоришь. Въ сортирахъ трубы полопались. Мерзлыя нечистоты до перваго этажа доплыли... А можетъ трупнымъ чадитъ.

Высокій опять прислонился къ периламъ и перевалъ дыханіе.

— Три барышни на этомъ этажѣ жили. Одна музыканша. Другая уроки давала французскаго и нѣмецкаго языка, а третья на телеграфѣ. Три сестры Чеховскія, можно сказать. Третья то младшая, не знаю гдѣ. Гдѣ и всѣ, конечно: проститутка. А были эти обѣ старыя дѣвы, засохшіе тощіе одры, и голодали обѣ крѣпко. Говорили, пальцы у нихъ гнили отъ голода. И померли одна за другой ,не то отъ тифа, не то отъ цинги — не все ли равно. Убрать ихъ, конечно, некому. Долго лежали и долго тлѣли. Потому — и воздухъ . . .

Подымались. Черная лѣстница винтила медленными петлями и у обоихъ кружилась голова и оба дышали неровно и рѣзко, раздвигая съ хрипомъ грудь.

Хрущевъ глянулъ внизъ, въ сѣроватой и смутной колодецъ квадратнаго пролета. На нижнюю площадку падалъ со двора косымъ столбомъ мглистый свѣтъ.

И увидѣлъ Хрущевъ какъ тамъ внизу, на смутномъ водянистомъ днѣ, копошатся два красныхъ цвѣтка. Двѣ дѣвочки, пригибаясь, съ трудомъ перекладывали ножки со ступеньки на ступеньку и ползли тихо вверхъ, какъ двѣ маленькихъ красныхъ старушки.

— Смотри, какъ ребята стараются — ласково усмѣхнулся Хрущевъ.

Высокій чаловѣкъ посмотрѣлъ въ смутный пролетъ и усмѣхнулся также.

— Доберутся, дай Богъ . . .

Запушенное инеемъ чердачное окно свѣтило мутнымъ пятномъ. Отыскивая мѣдную ручку, человѣкъ пошарилъ по обитымъ войлокомъ дверямъ. Надавилъ мѣдную ручку и, вдругъ, повернулся къ Хрущеву, засверкавъ очками.

— А ты въ баню ходишь?

— Нѣтъ. Давно не былъ — отвѣтилъ Хрущевъ и вспомнилъ свое сѣрое узкое и немытое тѣло, съ широкими лапами реберъ надъ запалымъ животомъ.

— А я какъ банный день объявятъ, такъ и иду. Занятно. Наблюдать я хожу . . . Вотъ смотришь на скользкія тѣла, хилыя и противныя, и видишь явно, что слизни. Бѣлыя слизни съ четырьмя лапками. Въ мертвецкихъ еще занятно на трупы смотрѣть. Лежатъ какъ дохлые бѣлые муравьи, брюхомъ кверху.

— Вы про что, не пойму я? — тихо сказалъ Хрущевъ.

— А все про то . . . Про то, другъ, Хрущъ. Что такое человѣкъ на землѣ, какъ не слизень, какъ не гніющая земляная вша? Великій Гете, Вольфгангъ Гете, прекрасный и мудрый, первый открылъ, а наука потомъ подтвердила, что голова человѣческая только спинной позвонокъ, вылѣз-

шій наружу. И у Квазимодо, и у Венеры Медицейской напровѣрку — все равно выходитъ одинъ и тотъ же спинной позвонокъ слизня. Смердящая гниль — земной человѣкъ.

Отбросилъ звякнувшую мѣдную ручку дверей, и ступилъ къ Хрущеву. Печально понѣжнѣлъ и сталъ легкимъ голосъ высокаго.

— Братъ, на верхнемъ этажѣ я живу. Высоко. Надъ всѣмъ городомъ одинъ, и отъ одиночества своего заговорилъ я съ тобою... Каждый день я подымаюсь по черной лѣстницѣ со ступеньки на ступеньку. Каждый день смотрю на крыши домовъ человѣческихъ. Братъ, я понялъ: копошатся милліоны вшей и изгниваютъ, потому что отходитъ къ пыли пыль.

Положилъ руки на плечи Хрущева. Дохнулъ ему въ лицо длительнымъ вздохомъ.

— Братъ, не знаю кто ты, но глаза у тебя хорошіе. Слушай... Вотъ я, приватъ доцентъ Московскаго университета, Конрадъ Засидомскій, я понялъ: лгала наша новая Беконовская наука, лгали всѣ наши новыя Бекономъ рожденныя теоріи. Учили насъ, что вся вселенная смертная матерія. Учили насъ всю вселенную втискивать въ логику нашихъ трехъ координатъ, трехъ измѣреній вши. И вотъ дотискались.

Онъ нажалъ костлявыми пальцами плечи Хрущева. Засмѣялся вдругъ плачущимъ смѣхомъ.

— Дотискались. Понимаешь ты, они говорятъ, что все, что за землей, что внѣ трехъ измѣреній — все метафизика. Слышишь ты — метафизическое измышленіе, несвареніе желудка вѣрящихъ въ какого то Бога старухъ и вралей поповъ. Слышишь ты, а?

Хрущевъ легко тронулъ и снялъ съ плечъ его руки,

— Я слышу. Только не понимаю я.

— Да, я и забылъ, что ты не понимаешь. Конечно, не понимаешь... Эхъ, если бы поняли. Если бы поняли, Хрущъ. Дѣло простое: тысячи лѣтъ всѣ вопятъ — давайте строить человѣческое счастье, радость жизни, красоту и легкость земли. Какъ строить? А срубить десятки тысячъ головъ не то взорвать весь міръ, пожарами его смыть, перепотрошить ему кишки... Давайте только чужой крови, давайте чужихъ головъ, давайте падали мертвецкой — то-то будетъ счастье человѣческое... Вша яростная, откуда ты знаешь, что ты права? Какъ можешь ты кроить міръ, когда ты сама слѣпая?..

— Постой ты... О чемъ, не пойму я — хмуро потоптался Хрущевъ и почему-то вспомнилъ вокзалъ на разсвѣтѣ.

— Да это дитя, дитя малое пойметъ. Не во внѣ надо перестраивать міръ, а въ самомъ себѣ строить вселенную. Подумай ты, былъ ли кто радостнѣй и счастливѣе на землѣ, чѣмъ простые галилейскіе рыбаки, Хри-

стовы апостолы. Не былъ. А почему? Души свои они перестроили, съ самого себя начали, изнутри. Ты сперва душу свою создай, ты сначала утверди въ себѣ самомъ свѣтлый храмъ Божій, вытрави изъ себя слизня, подымись выше падали. Вѣдь рыбаки только одному и учили: послушай себя самого и подымешься надъ тлѣніемъ . . . Понялъ ли ты?

— Понялъ. Конечно.

Человѣкъ опять завозился у ручки дверей и передразнилъ Хрущева, ласково и насмѣшливо.

— Понялъ, конечно. Да я вижу ты, братъ Хрущъ, голова-парень, а я вотъ университетъ кончилъ до четвертаго десятка дожилъ и не понималъ . . . Я, братъ, самъ студентомъ соціалъ-демократъ былъ и въ слезахъ, и въ скрежетѣ жалкой и глупой души моей молился тогда революціи . . . Какъ это мы читали? А, — буревѣстникъ черной молніи подобный. Черной молніи подобный . . .

— Вотъ и пала на русскую землю черная молнія — сказалъ съ печальной тревогой высокій человѣкъ, открывая дверь. — И не услышалъ никто, что давно уже о ней сказано: молніей падетъ сатана на землю . . .

* * *

Комната шла сводомъ. За широкимъ квадратомъ окна были видны внизу равнины бѣлыхъ крышъ, какъ уснувшія колыханія бѣлаго моря.

У окна стоялъ продавленный книгами столъ, а въ углу, куда сходилъ потолокъ сводомъ — трехногая козетка, стройная и легкая, съ изодранной обивкой оранжеваго бархата. Хрущевъ сѣлъ, и козетка затрепетала, зазвенѣвъ изнутри нестройно и жалобно. Человѣкъ бросилъ на козетку черную шляпу. На лету шляпа мазнула Хрущева по лицу. Человѣкъ стоялъ, опираясь на столъ. Онъ спросилъ, не оглядываясь:

— Ты вѣруешь, что есть Богъ?

Хрущевъ, подпирая колаками голову, думалъ о томъ смутномъ, что тяготило его, когда шелъ съ человѣкомъ по улицѣ и подымался по черной лѣстницѣ. Онъ медленно посмотрѣлъ, какъ тощее тѣло человѣка синѣетъ тѣнью на бѣломъ квадратѣ окна, и отвѣтилъ какъ будто нехотя.

— Не знаю.

Человѣкъ оглянулся на Хрущева и зафукалъ въ пушистые рыжеватые усы.

— Ну и дуракъ. Не безумецъ, а дуракъ.

Хрущевъ сидѣлъ, стиснувъ виски. Въ зажмуренныхъ глазахъ вдругъ огромно и смутно пронесся дрожащій желтый дѣдъ, мать . . . Ему годовъ пять, онъ трется русой, какъ ржавая копенка, головой, о ея теплыя круг-

лыя колѣни, а мать прядетъ шерсть. Уже вечерѣетъ, но отъ солнца шерстяная кудель, какъ золотой ворохъ сіяющихъ паутинъ. Мать сучитъ веретено и узкіе солнечные зайцы прыгаютъ съ ея коричневыхъ, пощелкивающихъ пальцевъ. Пронеслись синіе и тихіе глаза плѣшивыхъ апостоловъ и пророковъ, у которыхъ кудряшки бородъ, какъ серебряныя колечки... Пронеслась длинная травина. Надъ окопомъ, у шаршавыхъ проволочныхъ, кольевъ, качалась тихо, будто кланяясь, эта мокрая травина, и утромъ, и ночью, и въ бою, и въ затишьѣ, всегда кланялась тихо. Услышалъ онъ тихую музыку органчика въ подворотнѣ, вспомнилъ какъ солнце вечернее струило мѣдный дымъ кадильницъ надъ челномъ Павы...

Откинулъ съ висковъ кулаки и посмотрѣлъ твердо на острую бородку человѣка.

— Есть Богъ.

— Вотъ тутъ,братъ и начало. Отсюда и пойдетъ новая земля и новые люди. Есть Богъ... Ты только послушай.

Высокій человѣкъ вдругъ крѣпко хлопнулъ, какъ пѣтухъ, руками по бокамъ и сталъ рыться въ грудахъ книгъ на столѣ. Отъ пыли Хрущевъ зачихалъ.

— Ты эдакую книгу видѣлъ? — человѣкъ понесъ книгу, бережно прижимая къ груди.

Это былъ толстый томъ, переплетенный въ коричневую облѣзлую кожу. Обрѣзъ бумаги желтѣлъ какъ старинная слоновая кость, а страницы были шаршавы и синеваты. Человѣкъ перелистывалъ книгу, и широко и торжественно плыли по синеватымъ страницамъ старинныя, крѣпко выдавленныя и округлыя черныя буквы, пышные сѣрые вензеля, погасшіе факелы и урны и заголовки въ кудряхъ рококо...

— Называется книга Діоптра, что значитъ Заглавная буква — сказалъ человѣкъ, откидывая пальцемъ стукнувшій, какъ дерево, переплетъ, и прочелъ на первомъ листѣ, крѣпкомъ и желтомъ, точно пергаментъ.

— Діоптра или Зерцало Умозрительное, представляющее въ себѣ суету сего свѣта, съ наставленіемъ о презрѣніи оной. Вновь переведенная въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова, въ 1781 году... Это, братъ, книга мудрости старинной и мудрости вѣчной. Ты только послушай...

Человѣкъ кашлянулъ, и сталъ читать на распѣвъ, изрѣдка перелистывая легко падающія синеватыя крылья страницъ.

— Конецъ даетъ бытіе вещамъ. Мы созданы для конца. Сей видимый міръ не наша земля, а Вавилонская темница. Гдѣ нѣтъ жизни, тамъ долженъ ты воздыхать о смерти. Истинная есть премудрость — умерщвлять самого себя черезъ познаніе. Жизнь земная, какъ корабль бѣжитъ скоро, не

оставляя ни слѣда, ни знака. Дни человѣческіе оставляютъ послѣ себя только запахъ мнѣній людскихъ...

Человѣкъ опять кашлянулъ и его голосъ запѣлъ грустно и нѣжно.

— Тщися украшать душу , ибо только ея красота вѣчная. Отринь суетное попеченіе тлѣнныхъ вещей, ибо все земное — пустоты и дымъ. Счастье мірское подобно постоянству лунному — въ каждое мгновенье измѣняется. Жизнь твоя, какъ тѣнь и паутины, которыя отъ легкаго дыханія вѣтра прерываются...

— И что ты есть человѣкъ на землѣ — повысился поющій голосъ чтеца. — Ты — покрывало времянъ, немощь и слабость, игрушка счастья и непрестанно измѣняющійся образъ, червь, исполненный нечистотами и мерзостью, сосудъ тлѣнія, врагъ правды, другъ суеты, творецъ беззаконія, презритель Бога, тварь ко всякому злу склонная и удобная, наслѣдникъ Ада... Ничто ты иное человѣкъ на землѣ, какъ бѣдное совсѣмъ животное, въ совѣтахъ слѣпотствующее, въ путяхъ погибающее, въ дѣлахъ суетное и недостаточное, въ вожделѣніяхъ мерзостное, и во всемъ подлое, а только въ мечтаніи о себѣ великое.

Человѣкъ хлопнулъ переплетомъ и всталъ, толкнувъ Хрущева острыми локтями. Чтеніе слушалъ Хрущевъ, покачиваясь и зажмуря глаза. Темное и тягостное тихо плыло изнутри, къ груди. Жесткими лапами лазило, давило, и думалъ Хрущевъ, что же это давитъ его и не зналъ что...

Высокій человѣкъ заходилъ отъ окна къ двери, обдавая Хрущева вѣтромъ.

— И ты посмотри — горячо выкрикивалъ человѣкъ. — Какъ же намъ перестраивать всю вселенную, когда внутри мы мерзость и тлѣнь? И ты посмотри на строителей на тѣхъ, кто всѣмъ обѣщалъ счастье земное. Что можетъ построить тля? Только тлѣніе и мертвую персть. А кровищи человѣческой сколько выхлестали, всю Россію въ мясорубку втиснули... Ты посмотри на всѣхъ теперешнихъ лжепророковъ и лжеучителей... Будущее, будущее человѣчества... Вотъ оно, по ихнему: сначала выпотрошить кишки милліонамъ людей, а потомъ учинить соціалистическій рай. Лежатъ, видишь ли въ земномъ раю братья-демократы, плюютъ въ потолокъ и только кнопочки у машинъ надавливаютъ. Всѣ сыты, всѣ жратвой завалены, бабъ обнюхиваютъ, отъ скуки книжки въ раззеркальныхъ рабочихъ дворцахъ читаютъ, и всюду кнопочки, и всюду кнопочки. Все подъ рукой, плюй въ потолокъ, — человѣкъ-царь, человѣкъ-богъ... Вша, вша человѣческая, чья ступня раздавитъ тебя безслѣдно?

Человѣкъ бѣгалъ отъ окна къ двери, размахивая руками какъ общипанными крыльями. Выкрикивалъ мучительнымъ и тонкимъ голосомъ.

— Хлѣвина поганая — весь этотъ земной рай, загонъ свинячій!.. Вотъ къ чему гонятъ, вотъ за что кровь хлещутъ и по лицу всей земли мавзолеи изъ труповъ возводятъ... А почему, почему?.. Бога нѣтъ болѣе на землѣ. Бога подмѣнили. Бога опрыскали надушеной розовой водой. Одѣли на него кружевную юбочку бритаго подъ актера патера. Сказали, что онъ все позволяетъ, только полегоньку, тайкомъ: и украсть, и убить, и ребенка замучить... Сатана опаскудѣлъ человѣческіе храмы. На Божьи алтари усадили скота и улыбающагося убійцу. Не ликъ Богоматери въ храмахъ, а розовая харя откормленной мѣщанки, блудницы лукавой.

— Богъ, Богъ! — позвалъ вдругъ человѣкъ, подымая руки. — Есть Богъ и дыханіе Его слышатъ уже милліоны русскихъ людей. Богъ — огонь поѣдающій, мечъ пепелящій. Богъ — хлынувшая любовь, громада солнечная. Во всемъ Его трепетъ, Его свѣтъ, Его музыка. И вся вселенная съ милліардами планетъ кружитъ въ Немъ, какъ неисчислимые вихри пылинокъ въ солнечномъ столбѣ.

— Въ мерзости запустѣнія, въ гробѣ своей революціи услышали мы новую правду — тихо и задумчиво заговорилъ человѣкъ — Простую правду о томъ, какъ каждому въ самомъ себѣ надо отыскивать рыбака галилейскаго. И тогда на всю землю дохнетъ Богъ свѣтомъ Благовѣствованія... Милый ты мой, что намъ земля какъ не темница? Тѣло наше — нашъ слизень, задерживающій начало бытія, это нашъ корень, не дающій намъ летѣть... Но мы ли, сыны Божіи, не можемъ повелѣть скотской темницѣ, тѣлу, мѣшку съ костями?.. Можемъ мы, можемъ! Вотъ я раньше смѣялся, когда читалъ, что Серафимъ Саровскій заставлялъ свое тѣло на пять вершковъ отъ земли подыматься. А теперь уже и Беконовская наука сказала, что всѣ наши измѣренія относительны, что можно уходить изъ своего тѣла и возвращаться въ него... И говорю я тебѣ — будущее человѣчества не на землѣ, а внѣ земли. Будущее человѣчества въ томъ, чтобы преодолѣть землю и стать на высшую ступень существъ нами незримыхъ...

— Вся исторія человѣчества съ его цивилизаціей и культурой кончится не свинымъ царствомъ нажравшайся крови вши... Черезъ тысячи лѣтъ, когда человѣкъ познаетъ самого себя, онъ найдетъ дорогу, чтобы выйти изъ темницы, оторваться съ тюремнаго каторжнаго острова. Черезъ тысячи лѣтъ человѣкъ уйдетъ выше земли и земля опустѣетъ отъ человѣка. Останутся звѣри, животныя, растенія, его наслѣдники и младшіе братья. И вотъ, скажемъ, обезьяны начнутъ развиваться и дойдутъ до человѣка. И повторятъ всю нашу глупую и подлую обезьянью исторію. Можетъ быть и мы только повторяемъ и идемъ тѣмъ путемъ, которымъ уже другіе прошли до насъ. Я говорю — человѣчество уйдетъ съ земли, когда познаетъ

себя человѣкобогомъ . . . Ты посмотри — все рвется улетѣть съ каторжнаго острова . . . Во всѣхъ учебникахъ ботаники разсказываютъ, что даже деревья и цвѣты рвутся корнями и придумываютъ милліоны хитростей, чтобы побѣдить трагедію прикованности, каторжное ядро земли . . . Даже травы.

* * *

Высокій человѣкъ точно птица вцѣпился тощими лапами въ раму окна и смотрѣлъ внизъ, въ сумеречную мглу, на уснувшія колыханія бѣлаго моря. Отъ снѣга нѣжно свѣтилось его сѣроватое худое лицо.

Хрущевъ все покачивался. Онъ слушалъ смутно и бормотаніе и пѣніе и вскрики высокаго человѣка. Какъ тугія и смутныя слова пророка Исаіи и Ереміи. Онъ все думалъ о чемъ надо сказать человѣку и внезапно горячая волна ударила отъ ногъ и хлынула въ лицо, точно вбивъ накаленную иглу въ грудь. И стала рвать игла въ груди — «Очки, очки, очки» . . .

Его разжатыя руки упали на колѣни. Въ дымныхъ сумеркахъ все расплылось огромно и зыбко. Высокій человѣкъ виснулъ у смутнаго окна, какъ тѣнь птицы, раскинувшей крылья. Къ окну придвинулся Хрущевъ.

— Слышь, я тебѣ слово сказать хочу. Обернись . . .

Высокій оторвалъ руки отъ рамы. Тускло сверкнули выпуклыя стекла.

— Ну?

— Я человѣка убилъ.

— Не удивилъ. Теперь всѣ убійцы.

— Убійца я.

— Не удивилъ, говорю. Какъ же ты такъ?

— Въ потемнѣніи, на фронтѣ, когда началось это все выказываться, объявляться . . . Штыками его на снѣгу кололи. Можетъ онъ и мертвый былъ, а его штыками. И я. Генерала Павлова, слышали? . . И я. Какъ въ мѣшокъ мокрый, на снѣгу. А потомъ очки поднялъ. Положилъ на ладонь очки золотыя, а они дрожатъ, и по ладони — прыгъ-прыгъ . . .

Хрущевъ дрогнулъ, стукнувъ колѣнкой объ колѣнку. Поднялся. Шаткая козетка зазвенѣла нестройно и глухо.

— Какъ живыя, по ладони, — прыг-прыг . . .

Человѣкъ поймалъ его дрожащія руки, впилъ ему ногти. Тряхнулъ.

— Дрожишь, дрожишь, тварь . . .

— Пусти — пытался оттянуть руки Хрущевъ.

— Не пущу, дрожишь, тварь . . . Очки вспомнилъ, да . . . А можетъ онъ самъ здѣсь ходитъ, генералъ Павловъ. Можетъ стоитъ здѣсь и дышитъ, и холодной ладонью тебя по затылку гладитъ.

— Пусти — дрогнулъ Хрущевъ, озираясь. Сырая мгла клубила, качалась, и выросъ въ ней человѣкъ въ огромную тѣнь.

— Нѣтъ, погоди — глубже впилъ ему въ кожу ногти. — Стоитъ онъ здѣсь. Слышишь, онъ ходитъ, слышишь — дышитъ... Всѣ они ходятъ. Всѣ, и дѣвицы съ третьяго этажа, и Жоржикъ, и генералъ Павловъ, и которыхъ въ подвалахъ, какъ собакъ, въ глухую, въ ухо, приканчивали. Всѣ, ихъ милліоны... Конецъ даетъ бытіе вещамъ.

— Пусти ты меня, безумный — умоляюще прошепталъ Хрущевъ, вывертывая хрустящія руки изъ острыхъ ногтей. Человѣкъ повернулъ Хрущева лицомъ къ погаслому сумеречному свѣту. Приблизилъ дрожащіе тусклые круги очковъ.

— Ты, значитъ, солдатъ?

— Да.

— Какого полка?

— Гвардіи Преображенскаго.

— Невысокъ ты, а въ гвардіи служилъ.

— Да я шестнадцатой роты...

Человѣкъ вдругъ выпустилъ его руки и насмѣшливо и ласково зафукалъ въ усы.

— Не убійца ты, а дуракъ. Ты испугался меня, а ты не бойся... Лицо у тебя хорошее и взглядъ горячій. И знакомое у тебя лицо. Такое знакомое. Съ кѣмъ ты схожъ, Хрущъ, ты не знаешь?

— Всю вы мнѣ кожу ссадили... Не знаю я — огорченно отвѣтилъ Хрущевъ, потирая ноющія запястья.

— А я знаю. Съ государемъ ты схожъ.

Хрущевъ расширилъ глаза и опустилъ руки въ тревожномъ изумленіи.

— Съ убіеннымъ?

— Развѣ онъ убіенъ? — тихо отозвался человѣкъ. — Онъ живъ. Всѣ они живы. Жива каждая капелька крови замученныхъ. Только мясо смердитъ и изгниваетъ, а они живы. Всѣ. Они тысячами и милліонами толпятся по чрезвычайкамъ, лазаретамъ, на кладбищахъ, они ходятъ по нашимъ домамъ и нашимъ улицамъ... Вотъ палачъ, закусивъ губу отъ холодной тоски, сгоняетъ къ стѣнкѣ новыя стада человѣческія, а тысячи тысячъ невидимыхъ и свѣтлыхъ стоятъ у локтя палача, и тихо смотрятъ въ глаза приведенныхъ. И въ послѣдней пыткѣ, сквозь дымъ смертной муки, видятъ они невидимыхъ и свѣтлыхъ и идутъ къ нимъ на встрѣчу и сливаются съ ними. Живы всѣ... Они въ травѣ шелестятъ, плывутъ въ облакѣ, въ дождѣ падаютъ... Дождь крови падаетъ на землю.

Человѣкъ положилъ костлявыя руки на плечи Хрущева.

— И онъ живъ, государь убіенный. Можетъ быть это онъ и сквозитъ и свѣтитъ въ твоемъ простомъ лицѣ, другъ мой Хрущъ . . . Я живу высоко, наверху. Вижу я какъ изъ смертнаго тлѣнія подымается къ намъ жизнь новая. Слышу я легкую поступь Христа, что идетъ опрокинуть мерзость торгующихъ и Новый Іерусалимъ построить на русской землѣ. Вѣрую и исповѣдую пришествіе Твое. Ты, Господи — любовь огненная . . . Истинно говорю тебѣ вскорѣ падетъ Сатана и звѣзда его, мышь крылатая... Истинно говорю. Аминь.

— Аминь — глухо дохнулъ Хрущевъ. Его плечи заколебались подъ ладонями человѣка. Хрущевъ привалился къ его груди и заплакалъ шумно, сопя и вздыхая.

— Дурашка, чего же ты плачешь — зафукалъ человѣкъ — Фу, дура, чего ты? Веселиться надо, а не рыдать. Благовѣствованіе возвращается людямъ. Ты погоди, еще человѣкъ будетъ, предстоитъ еще Царствіе Божіе, настоящее, душевное. Погоди — идутъ времена, когда каждый захочетъ убрать свою душу, какъ храмъ. Огненые языки вновь сойдутъ на человѣковъ и будутъ новые пророки и новые пѣвцы и всѣ будутъ какъ дѣти. Легкой станетъ жизнь, веселой. Музыка будетъ играть въ нашихъ домахъ. Свадебное вино будемъ пить, и плясать, и пѣть, и бить въ кимвалы, какъ радостный и кроткій царь Давидъ . . . Ну, ну, дура, утрись-ка. Радость идетъ къ намъ въ дома . . . Псаломъ помнишь?

— Н-ѣ-тъ, — протянулъ Хрущевъ, утирая мокрое лицо рукавомъ.

— А поетъ псаломъ — горы принесутъ миръ людямъ и холмы правду. Сойдетъ Богъ, какъ дождь на скошенный лугъ, какъ капли, орошающія землю. Онъ избавитъ отъ насилія и коварства... Будетъ обиліе хлѣба, плоды будутъ волноваться какъ лѣсъ, и въ городахъ размножатся люди, какъ трава. Будетъ имя Господне во вѣкъ. И въ немъ благославятся всѣ племена. Благославенъ Господь Богъ, Богъ Израелевъ...

* * *

Отходила великая ектинья.

Клиросы тревожно и трепетно начали первый антифонъ. Молитва поднялась изъ за парчевыхъ хоругвей и поплыла въ синеватыхъ волнахъ дыма, сдержаннымъ сладостнымъ вздохомъ.

— Благослави душе моя, Господи...

Въ синеватомъ дыму колебались и качались мѣрно головы и спины. У плеча Хрущева простоволосая сѣдая баба съ желтоватымъ и сморщеннымъ лицомъ то скребла согнутымъ пальцемъ подъ сивой прядью на лбу, то утирала носъ. А съ носа висла у бабы мутной каплей слезинка. Про-

стоволосая баба плакала, не разжимая запалыхъ вѣкъ, и дышала горячими вздохами.

— Благослови душе, благослови душе . . .

Въ синеватыхъ волнахъ, за головами, смутно плыли клиросы и слышалъ Хрущевъ церковное пѣніе, едва понимая щемящія слова молитвъ. —

— Господи, призри съ небесъ и виждь, и посѣти виноградъ свой, его же насади десница Твоя.

Рыжеволосый дьяконъ мягко ступаетъ по протертому малиновому коврику амвона, кланяется задернутымъ Царскимъ Вратамъ, и крестится, широко подымая орарь. Въ синеватомъ дыму пушистая голова дьякона, какъ золотая охапка соломы. Ветхій орарь вспыхиваетъ на солнцѣ малиновымъ длиннымъ огнемъ.

Солнце упадаетъ внизъ косыми, узкими стрѣлами.

Надъ дрожащимъ туманомъ головъ, въ свѣтлыхъ стрѣлахъ, кружатъ золотинки пыли. Подъ парчевой хоругвью, на клиросѣ, легкимъ огнемъ переливается солнце въ широкомъ зрачкѣ бѣлобрысаго маленькаго пѣвчаго.

Багряныя солнечныя пятна дремлютъ на выпуклостяхъ золоченыхъ гроздей кованнаго винограда, которымъ увиты Царскія Врата. Коричневыя и тоненькія свѣчи рощами красноватыхъ, узенькихъ пикъ отражаются въ темныхъ стеклахъ иконъ. Косая стрѣла солнца золотистой тропой пролегла по иконамъ, и тамъ — блѣдно засвѣтила жемчуговый вѣнецъ и тамъ — тепло легла на круглое плечо серебряной фелони.

Стрѣлы, стрѣлы солнечныя пали сверху изъ полукруглыхъ оконъ купола, гдѣ паритъ серебряный голубь въ голубыхъ лучахъ.

Простоволосая баба дышетъ горячо, а на желтоватыхъ щекахъ отблески слезинокъ. Рабочій человѣкъ въ короткомъ черномъ пиджакѣ часто стаетъ на колѣни, точно проваливается внизъ, гукнувъ о каменный полъ, а когда подымается, толкаетъ крѣпко Хрущева острымъ локтемъ.

Разсѣянной, свѣтлой пылью прокатывается солнце надъ синеватыми колыханіями дыма, тѣнями головъ и пригибающихся спинъ . . . .

Теплымъ огнемъ колыхаетъ малиновый орарь рыжеволосаго дьякона. О мирѣ всего міра, о благостояніи святыхъ Божьихъ церквей, о соединеніи всѣхъ молятся клиросы. О господинѣ нашемъ Святѣйшемъ Тихонѣ, Патріархѣ Московскомъ и всея Руси, и о Богохранимой державѣ Россійской молятся клиросы . . .

Колеблется отъ дыханія сквозящая ветхая парча желтыхъ хоругвей...

Солнце уронило узкую стрѣлу въ темный смутный колодецъ въ углу храма. Тамъ высились раньше грозныя громады пышной, какъ погребальный катафалкъ, серебряной раки святого.

Въ прошломъ году тяжкую раку разбили желѣзными ломами. Вынесли на народъ горсти рыжеватой перси и нѣжныя, сквозныя, какъ воздухъ, протлѣлыя пелены.

Въ прошломъ году храмъ закрыли и ставили на ночь четырехъ красноармейцевъ на стражу. По ночамъ бабы кликуши закативъ синія тонкія вѣки бились и пѣнились на каменной паперти.

Красноармейцы на ночной стражѣ помѣшались въ умѣ. Видѣли они ночью какъ со свистомъ отдергивается шелковая занавѣска и раскрываются медленно, все шире, все шире, Царскія Врата. И стоитъ во вратахъ старичекъ ветхій, а вокругъ его свѣтъ трепещетъ и бьетъ ослѣпительными лучами. Къ черной ямѣ разрушенной раки идетъ старичекъ, и покуда идетъ, по стѣнамъ и на темныхъ иконахъ, ходитъ волнами свѣтъ, вѣютъ огненныя крылья . . .

Храмъ закрыли. Выкликали на паперти бабы, а на блѣдныхъ губахъ пузырилась сѣрая пѣна. Отвезли въ больницу помѣшанныхъ сторожей. Взяли въ городѣ и отвели на разстрѣлъ въ тюрьму прежняго архіерея, старца бѣлаго, нѣжнаго и веселаго. Хрущевъ помнитъ какъ въ позапрошломъ году стоялъ старецъ за полуоткрытой дверью алтаря: горитъ на груди панагія золотистыми топазами, а старецъ щурится отъ солнца и не спѣша расчесываетъ большимъ, прозрачнымъ, черепаховымъ гребнемъ серебряную бороду, и тихо подпѣваетъ хору . . . .

Новый владыко служитъ теперь въ храмѣ . . . Уже проплыли позлащенныя репиды съ вырѣзанными крылатыми херувимами, проплыли въ синеватомъ туманѣ какъ золотые диски, разбрызгивая кругомъ капли солнечнаго свѣта. Два мальчика въ алыхъ фелонькахъ высоко несутъ легкія трекиріи. Трекиріи колеблятся и свиваютъ огни коричневыхъ свѣчей въ одинъ курчавый языкъ. Тихой поступью идутъ мальчики въ алыхъ фелонькахъ, и раздвигается передъ ними безъ шума вздыхающая, трепетная и темная стѣна людей. А когда мальчики проходятъ, видно, какъ у нихъ обоихъ одинаково легкой завитушкой сходятъ въ нѣжную впадину бѣлыхъ затылковъ каштановые волосы.

На горнемъ мѣстѣ, посреди храма, облачается владыко. Стоитъ на кругломъ протертомъ коврикѣ-орлецѣ, гдѣ распростертъ шитый шелками летящій орелъ. Беззвучно трепещутъ серебряные бубенцы алаго саккоса, шитаго бѣлыми розами по парчѣ. Пурпуровая мантія, вспыхивая фіолетовыми огнями, течетъ съ плечъ потоками и струями. Пылаетъ огнемъ тяжелая парчевая митра . . .

Христосъ, Царь Христосъ, въ вѣнцѣ огненномъ, сталъ уже на Горнемъ Мѣстѣ передъ Великимъ Выходомъ въ міръ. И тихо поютъ бубенцы Его Слово всѣмъ концамъ міра. И струями и потоками по всей

вселенной разливается свѣтъ Его ризъ. Задерживая дыханіе, затихъ храмъ. Клиросы свѣтло рокочутъ заповѣди блаженства. Въ глазахъ маленькаго пѣвца льется солнце. —

— Во Царствіи Твоемъ помяни насъ, Господи, егда пріидеши во Царствіе Твое...

Владыко полузакрылъ глаза. На желтоватомъ лбу, надъ темными дугами бровей, у золотого края митры, отблескиваютъ капельки пота. Влажныя пряди нѣжно приникли къ худымъ щекамъ. Чуть шевелятся тонкія губы.

Волнами ходятъ кругомъ владыки жаркое дыханіе, шопоты, стиснутые вздохи. Рѣсницы владыки утомленно мерцаютъ...

Подымаютъ черное, тисненное золотыми крестами Евангеліе.

Запѣли священники. Сѣдой, съ дымчато-сѣрой головой и прокуренной у губъ желтой бородой, пѣлъ, обнажая корешки черныхъ зубовъ. Пѣлъ молодой, высокій и впалогрудый, съ матовыми русыми волосами, похожій на нескладную и грустную бабу. Пѣлъ бровастый и маленькій, заросшій бурымъ, буйнымъ волосомъ, пѣлъ, жалостно двигая кустами бурыхъ бровей. Нестройно и сипло запѣли священники, точно заглотали соленыя рыданія. —

— Пріидите и поклонимся и припадемъ ко Христу... Спаси насъ, Сыне Божій, воскреси изъ мертвыхъ поющихъ Ти.

Синіе клиросы дрогнули и хлынули длительнымъ стономъ.

— Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный помилуй насъ...

Протяжнымъ и нѣжнымъ звененьемъ отозвались темныя стекла иконъ, зацѣлованныя неисчислимыми поцѣлуями милліоновъ душъ живыхъ, пришедшихъ и отошедшихъ съ земли какъ смутный прибой. Заметались красноватыя рощи свѣчей. Стиснутыя волны закинутыхъ головъ, согнутыхъ спинъ, мечущихся блѣдныхъ рукъ, — застелились и полегли, то припадая, то подымаясь. Жаркимъ стенаньемъ катилось дыханіе человѣческое.

Въ препадающія волны двинулся Царь Христосъ. Въ синей мглѣ плыветъ пылая Его огненный вѣнецъ.

* * *

Хрущевъ вышелъ на паперть и зажмурился.

Въ храмѣ казалось, что и на улицѣ долженъ быть тотъ же синеватый сумракъ, въ которомъ струятся смутныя солнечныя тропинки. А улицы еще блистали дневнымъ свѣтомъ.

Стояла солнечная оттепель. Длинныя свѣтлыя капли косо слетали съ набухлыхъ бѣлыхъ крышъ въ рыхлѣющіе сугробы. И рыли въ сугробахъ темныя, какъ отъ пуль, каналы.

Протрусилъ на желтыхъ санкахъ извощикъ. За санками полосками желтоватыхъ зеркалъ блистали колеи отъ полозьевъ. Пробѣжали въ припрыжку мальчишки въ батькиныхъ пиджакахъ. Напѣвали, балуясь —

Я не совѣтскій
Я не кадетскій
А я народный
Комиссаръ.

Еще была оттепель, но изъ-за бѣлыхъ крышъ небо подымалось темное и ровное, какъ тяжкій свинецъ, и ровно дышало оттуда холоднымъ вѣтромъ.

— Къ ночи морозъ станетъ — подумалъ Хрущевъ, поеживаясь.

Сегодня поминальный Павинъ день и Хрущевъ подумалъ идти къ попу Никодиму, за пруды, къ Матери Божьей Вахернской. Глаза щипалъ вѣтеръ, но было Хрущову идти свѣтло и тихо, потому что еще плавалъ въ немъ жаркій трепетъ синяго сумрака и мельканія огней и щемящій рокотъ полупонятныхъ и сладостныхъ молитвъ . . .

На лѣстницѣ у попа Никодима Хрущевъ наслѣдилъ снѣгомъ. Долго не могъ отдышаться и все ждалъ, когда дыханіе станетъ ровнымъ. Потрясъ зазеленѣвшую ручку сначала несмѣло, потомъ покрѣпче.

Придерживая ржавую цѣпочку, коричневый морщинистый кулачекъ просунулся въ щель. Изъ дверей дохнуло прокисшимъ и сырымъ духомъ. Въ щель Хрущевъ увидѣлъ слезящейся круглый зрачекъ въ красной каймѣ слипшихся рѣсницъ. —

— Тебѣ кого надо, милъ человѣкъ?

— Да васъ, батя . . . Не признали вы меня.

— Не призналъ. Постой ты.

Дверь раскрылась шире и выдвинулась вся кудлатая, желтая голова попа Никодима. —

— Ай-помню. Ай-нѣтъ . . . Ай-помню. Вотъ и помню, милъ человѣкъ: я тебѣ панихиду пѣлъ по рабѣ Божьей Паисіи.

— Такъ, батя — отвѣтилъ Хрущевъ. И стало ему ласково на то, какъ вспоминалъ попъ.

— Ну, входи, входи . . .

Хрущевъ заложивъ руки за спину, сталъ у самого порога. Осторожно переступалъ съ ноги на ногу, чтобы не наслѣдить.

На дощатыхъ половицахъ четырьмя красноватыми квадратами свѣтило окно. Продавленное сидѣніе вѣнскаго стула горѣло на солнцѣ, какъ

желтый ворохъ соломы. Хрущевъ обвелъ взглядомъ сѣрыя обои. Край комнаты во всю длину былъ отгороженъ засаленной ситцевой занавѣской, — сѣрой, въ голубоватыхъ цвѣтахъ. Оттуда шелъ прокислый живой, теплый духъ. За занавѣской что-то влажно ворошилось, дышало и чмокало, точно живая птица въ темной клѣти.

— Зачѣмъ пожаловалъ, молодецъ? Тряся головой, прищурился на Хрущева попъ. Онъ сѣлъ на вѣнскій стулъ, сразу погасивъ ворохъ горящей соломы и солнце преломилось теперь на подрясникѣ попа, какъ рыжая хлѣбная краюха.

Хрущевъ перестукилъ съ ноги на ногу, перебралъ пальцами на спинѣ и отвѣтилъ, потупясь. —

— Свѣщу-бы бабѣ уставить. И панихиду опять же...

Никодимъ подождалъ, склонивъ голову на бокъ, не скажетъ ли Хрущевъ еще чего нибудь, но тотъ молчалъ. Лицо попа собралось въ дрожащія морщинки. —

— Помнишь бабу-то? Хорошо, что помнишь... Тебѣ трудно безъ бабы. Легкій ты, нѣжный.

— Папынька — позвалъ изъ за ситцевой занавѣски слабый женскій голосъ — Поди сюда, папынька.

Никодимъ замахалъ зачѣмъ-то руками на Хрущева, двинулъ ногой въ тѣнь разомъ погасшій стулъ и засѣмѣнилъ легко къ занавѣскѣ. За занавѣской шепталъ, покрякивалъ и возился, точно въ темной птичьей клѣти. А Хрущевъ все прислушивался, что же это чмокаетъ и влажно ворошится...

Никодимъ выбрался, бережно неся въ рукахъ темныя, въ желтыхъ пятнахъ, пеленки. Отъ пеленокъ шелъ густой и теплый паръ. У окна — паръ сталъ румянымъ и нѣжнымъ.

— Я въ кухоньку занесу и мигомъ къ тебѣ — шепнулъ Никодимъ, проходя мимо Хрущева.

Вернулся попъ, утирая коричневые пальцы о засаленный подрясникъ. Былъ влаженъ изрѣзанный дряхлыми бороздами лобъ, а глаза свѣтились слезами. Онъ потрясъ прокуренной головой на занавѣску. —

— Сосутъ. День и ночь сосутъ младенцы Симушку, дочь мою... Зятя съ прихода согнали, грудью онъ померъ. А у Симушки двойни. Сосутъ ее двое, милъ человѣкъ, дочь мою, а ей осемнадцать всего годковъ, легкой моей прелести... Епархіалка она у меня. Какъ она, другъ ты мой «Молитву Дѣвы» на піанино играла... А теперь она, теперь... Господи Боже мой, — все приму, сохрани только дочь мою, стебель тонкій, и младенцевъ ея, вѣтви новыя, зеленѣющія... Все приму отъ Тебя, потому что Ты, Господи, есть любовь.

Старый попъ напыжился, дохнулъ и залился слезами многими и свѣтлыми. Опять замахалъ на Хрущева рукой, точно зашикалъ. Высморкался, сложивъ свинымъ ухомъ рыжій подрясникъ.

— Самъ знаешь, какая жизнь теперь у душъ человѣческихъ. Только что солнышко выглянетъ, да хлѣбушка, мучки разодбудешь — не мнѣ, пню лѣшему, а ей, Симушкѣ, травинкѣ моей легкой, пугливой...

Передохнулъ попъ, и заплакалъ обильно и шумно.

— Папынька, что вы тамъ? Позвалъ слабый женскій голосъ.

Никодимъ чуть даже присѣлъ. Крѣпко высморкался въ подрясникъ и повелъ головой на занавѣску, собравъ лицо въ улыбающійся сморщенный комокъ. —

— А ничего, Симушка, ничего. Разговоръ, какъ обыкновенно ведемъ съ милъ человѣкомъ.

Подъ рѣсницами у Хрущева кололо. Попъ дрожалъ и расплакался, какъ будто за прозрачнымъ дымомъ. Хрущевъ вздохнулъ коротко. —

— Батя, терпѣть давай. Дотерпимъ.

— Вотъ и хорошо, вотъ ты и милъ мнѣ человѣкъ: давай, братъ, терпѣть, и все слава Богу... Панихидку-то когда пѣть будемъ?

— Помолись ты, батя, за нее такъ. За нее, и за всѣхъ христіанъ. На свѣщу только деньги у меня есть.

— Давай, милый. Давай, другъ. Молитва моя старая, но отъ сердца... Помнишь бабу-то? Тихая у тебя баба была. Любовь тоже, другъ ты мой, тихая.

Хрущевъ потупился, стиснувъ за спиной руки. —

— Помню я ее. Да.

— Вотъ ты и молодецъ, вотъ и милъ ты мнѣ человѣкъ... Легкій ты мужикъ, нѣжный... Какъ посмотрю я на тебя — на кого ты схожъ? На кого ты, милъ человѣкъ, досконально схожъ?

Ситцевая занавѣска слегка колыхнулась и поплыла складками. Согнутый нѣжный палецъ собралъ занавѣску голубыми лучами и обозначился узкій просвѣтъ.

Хрущевъ стоялъ, потупясь, а Никодимъ ходилъ кругомъ него, какъ насѣдка. —

— На кого ты похожъ, а? На кого...

— Папынька, пойдите сюда.

Хрущевъ глянулъ вслѣдъ попу на занавѣску, а въ узкой щели, надъ согнутымъ блѣднымъ пальцемъ, собравшимъ складки лучами, свѣтилось прозрачное измученное лицо епархіалки. Тихо мерцала въ ея глазахъ молодая усмѣшка.

У занавѣски Никодимъ шепталъ, присѣдалъ, хлопалъ руками по бокамъ.

— Ну, такъ и есть, такъ и есть. Ай, Симушка, вотъ такъ Симушка. Она и признала.

Ступилъ попъ вплотную къ Хрущеву и глянулъ свѣтло и ясно, положивъ ему на плечи ветхія руки.

— На государя убіеннаго ты похожъ. На Его Величество, Императора и Самодержца Всероссійскаго.

Хрущевъ дрогнулъ и поднялъ голову. Поблѣднѣло его лицо.

— Полно вамъ глупости, папынька . . .

— Испугалась, слышь, испугалась, — беззвучнымъ смѣхомъ затрясся Никодимъ. — А мнѣ и не страшно. А я и не боюсь, потому что отъ сердца я.

— И я отъ сердца — медленно и свѣтло усмѣхнулся Хрущевъ и провелъ ладонью по блѣдному лицу.

— Похожъ, похожъ — гладилъ ему плечи Никодимъ. — Волосъ у тебя его, золотой: волосъ къ волосу. И лицо малое и нѣжное, а глаза сѣрые, свѣтящіе, тихіе. Мученическіе глаза убіеннаго.

— Да что вы все убіеннаго. Живъ онъ. Живъ, говорю.

— Какъ, братъ . . . Ш-ш, что ты сказалъ? Ш-ш, какъ живъ — зашикалъ попъ. Дрожащія руки задержались на плечахъ Хрущева.

— Да такъ. Всѣ живы. И онъ живъ, государь россейскій. Ходитъ онъ.

— Гдѣ ходитъ? Что говоришь, милый, радость. . .

— Говорю, ходитъ. По всей землѣ русской. Можетъ и къ тебѣ приходилъ. Въ каждый домъ стучитъ, гдѣ есть души живыя . . .

Занавѣска снова поплыла легкими голубоватыми лучами. Хрущевъ закинулъ голову. Дрожали рѣсницы надъ его полузакрытыми глазами. —

— Будетъ еще, батя, и хлѣбъ бѣлый, и брашно, и святыхъ церквей звонъ, и Серафимія твоя пѣть еще будетъ. Будетъ говорю, батя, государь на Руси.

— И слава те, Господи, слава те, Господи . . . Симушка, слышишь?

Прозрачное женское лицо сквозило блѣднымъ цвѣткомъ въ треугольномъ просвѣтѣ голубой занавѣски. Измученно, горячо и странно смотрѣли на Хрущева два глаза. Внезапно погасли. Занавѣска задернулась . . .

Никодимъ стоялъ, склонивъ голову на бокъ, какъ слушающая птица, и вдругъ зашарилъ руками въ карманахъ подрясника, засуетился.

— Буду я пѣть о Паисіи, буду, — поминаніе за общую... А ты, радость, ты бы на счетъ мучки разсторался... Не забылъ бы намъ мучки горстку, другую.

Хрущевъ посмотрѣлъ какъ холодно посинѣли на половицахъ четыре пятна у окна и отвѣтилъ попу, думая о чемъ то другомъ. —

— Ладно. Все будетъ. Прощай покуда.

* * *

Шершавая корка льда обтянула мостовыя.

Въ погасшихъ улицахъ гулялъ вѣтеръ. Уже подвывалъ. Уже носилъ холодные протяжные стоны за пасмурными строеніями. Небо наваливалось изъ за сѣрыхъ крышъ сплошной стѣной темнгао свинца. По улицамъ, налитымъ мерзлымъ свинцомъ, дулъ вѣтеръ свирѣпо и протяжно. Рѣдкіе огни лучились въ снѣгахъ, какъ раскинутыя тонкія лапки огненныхъ пауковъ.

Хрущевъ со звономъ отбивалъ шагъ о мерзлую панель. Воротникъ заинѣлъ отъ дыханія. Прохватывалъ вѣтеръ...

— Братишка, нѣтъ ли огня?

Хрущевъ поднялъ голову. Заслоняетъ ему дорогу матросъ въ короткомъ черномъ бушлатѣ. Пошатывается матросъ. Круглая черная фуражка сбилась лентами въ бокъ. Держитъ матросъ двумя тугими пальцами у губъ смятую папироску, а въ ротъ не попадаетъ, и пошатывается, разставивъ черныя ноги.

— Нѣтъ огня. Не курю я.

Хотѣлъ Хрущевъ пройти, но матросъ пьяными движеніями рукъ замазалъ его по груди. —

— Какъ нѣтъ... И у меня нѣтъ. Они меня вышвырнули, а огня нѣтъ... Когда ихъ семеро, ну и вышвырнули, сукины дѣти. Балъ былъ честь честью, а они — на...

— Кто вышвырнулъ? Строго заглянулъ въ пьяные глаза Хрущевъ. Было у матроса крѣпкое, безбровое и бритое лицо, твердыя губы и глаза прозрачные.

— Кто? Они. Товарищи, клубъ коммунистическій... Коммунисты... Да я ихъ, сукъ, всѣхъ перестрѣляю... Я ихъ, сукъ...

Матросъ вдругъ кинулъ руки вдоль тѣла и рванулся отъ Хрущева. Лѣзъ распяленными пальцами въ карманъ, обрывая у кармана штанину. Качнулся къ Хрущеву, обдавъ теплымъ духомъ водки, зубами заскрипѣлъ.

— Подавай коммунистовъ, я говорю... Подавай сукъ порхатыхъ.

Въ свинцовой мглѣ у сугробовъ собиралась тихая толпа. Двѣ бабы. Человѣкъ съ портфелемъ и въ полупальто, люди бородатые, блѣдные и тощіе, подогнутые холодомъ. Стояли, потирали уши. Притаптывали обмерзшими ногами и смотрѣли молча, какъ качается и ходитъ по кругу матросъ, точно пляшетъ, размахивая руками. И былъ у всѣхъ взглядъ сумрачный, злой и ожидающій.

— Постой ты — тронулъ Хрущевъ матроса за рукавъ. — Погоди ты, пойдемъ.

— Что пойдемъ? — повелъ глазами матросъ. Увидалъ темный кругъ толпы и кинулся на сѣрыя ожидающія лица. — Собралась, сволочь, глядишь . . . Живва! . .

Съ мышинымъ тихимъ визгомъ отхлынула темная толпа. Бѣжали молча, глухо топая за сѣрыми сугробами . . .

Хрущевъ взялъ матроса за рукавъ. Матросъ шелъ за нимъ покорно.—

— Ведешь — ну веди, да. Ты ведешь, а я всѣ папиросы растерялъ. Все равно, веди. А только суки все равно кругомъ. Мнѣ убить — что, мнѣ убить все равно, что зря. Потому что люди мнѣ, что муравьи. Духъ вонъ — и лежитъ брюхомъ вверхъ, подогнувъ лапки. Говядина одна, да.

— Звѣрь ты — сжалъ ему рукавъ Хрущевъ.

Матросъ пришатнулся къ Хрущеву и улыбнулся. Отъ улыбки его бритое лицо стало простымъ и довѣрчивымъ, какъ у молодого парня. —

— Звѣрь, ясно — звѣрь . . . Ты о Тимофеѣ Холодковѣ спроси — каждый скажетъ, что звѣрь. Какъ я мичмановъ топилъ. Больно тонки они, тѣла бѣлаго, бабьяго . . . Сбросятъ его, а я въ водѣ, со шлюпки, полѣномъ. Онъ голову надъ водой, а я полѣномъ. Нырнетъ — вынырнетъ, а я полѣномъ, полѣномъ. Ничего мнѣ.

Хрущевъ выпустилъ его рукавъ. Матросъ шелъ за нимъ молча и, нагоняя, дышалъ въ затылокъ. Вдругъ пошарилъ по спинѣ Хрущева ладонями и зажалъ ему локоть.

— А только мнѣ скука. Скука мнѣ отъ говядины дохлой. Вино какое хлещемъ, шоколады, баба любая, а скука. Да . . . Вонъ Петькѣ Мельникову, когда на Уралѣ царей убивали, довелось титьки у царицы пощупать . . . А что — одна это скука.

— Уйди ты отъ меня — обернулся Хрущевъ — Отстань.

Матросъ постоялъ молча, покачиваясь. А когда Хрущевъ пошелъ, матросъ двинулся за нимъ.

— Скука мнѣ, братишка, землякъ . . . Не то дѣло выходитъ, не на то повернуло . . . Ребята въ Кронштадѣ говорятъ — бунтовать надо . . . А я бы ушелъ. Братишка, ушелъ бы я.

Дохнулъ за плечемъ Хрущева и крѣпко стиснулъ ему локоть. —

— Ушелъ бы. На Лену-рѣку. Есть такая дальняя Лена-рѣка, а то по тайгѣ. А то скрозь фронтъ къ бѣлымъ. Айда, слышь, уйдемъ.

— Не пойду я съ тобой, отстань.

— Почему не пойдешь? Почему не пойдешь?

Матросъ стиснулъ плечи Хрущева и повернулъ его къ себѣ лицомъ. —

— Да ты кто такой будешь, что не пойдешь... Ты что шляешься, сукинъ сынъ... Я папиросы растерялъ, а ты поговорить съ человѣкомъ не хочешь. Ты кто такой?

Хрущевъ забился въ лютыхъ рукахъ матроса. Съ мучительнымъ усиліемъ разогнулъ ему одну руку. Рванулъ, двинувъ матроса плечомъ въ снѣгъ. Побѣжалъ...

— Стой, товарищи, стой — тонкимъ завываніемъ донеслось ему въ слѣдъ. Матросъ поднялся и, сѣлъ въ сугробъ, разставивъ ноги. Вдругъ выкинулъ и заводилъ передъ собой въ воздухѣ руку, нажимая спускъ ногана, разъ за разомъ.

Захлестали, и дружными гулами покатили выстрѣлы. Пушистый снѣгъ сшибли съ пасмурныхъ крышъ. Снѣгъ помело пугливыми призраками въ погасшую улицу.

Матросъ отбросилъ ноганъ, тяжко бухнувшій въ снѣгъ. Кусалъ пальцы матросъ и плакалъ по ребячески, навзрыдъ.

— Братишка, да куда жъ ты убегъ. Да развѣ я что, когда скука мнѣ. И зачѣмъ ты убегъ, вернись, погоди, братишка...

Запыхался отъ долгаго бѣга Хрущевъ. Когда отдышался, узналъ мѣсто: пустыри, а за пустырями торговые ряды и трактиръ, надъ которымъ жилъ съ Павой, на заднемъ дворѣ, у Кузовкова.

Подъ тонкимъ столбомъ у торговыхъ рядовъ стояли дровни. Дремалъ кудлатый конь въ синей шубѣ инея. Хрущевъ запыхался и потому прислонился къ оглоблямъ. Отъ коня пошло на него потное скисшее тепло, запахъ теплаго парного навоза и овчинъ, и дождя надъ хлѣбами, и темныхъ дорогъ...

Пустыя и дымныя степи вспомнилъ Хрущевъ. Прижался къ оглоблямъ. Сивый конь слушалъ его сквозь дремоту, легонько пошевеливая отвислыми сморщенными губами.

— Не понимаетъ никто, что пропадаемъ безъ государя-озирался Хрущевъ — Иди ты, желанный. Стяни небеса въ голубой куполъ, какъ въ храмѣ. Органчики поставь играть по дорогамъ. Повези бѣлый хлѣбъ въ куляхъ. Засвѣти въ храмахъ свѣчи... Пойди, поступью тихой, Россія.

Ходилъ вѣтеръ. Гулялъ, дулъ въ мерзлыя ладони, одинокій.

С. Сегаль *Маленькая мулатка*

Во свинцовой мглѣ, багровѣя зажглась надъ городомъ пятиугольная звѣзда. Похлопывали и шуршали подъ вѣтромъ ея обвислыя бурыя крылы.

* * *

Лѣсенка на антресоль къ Хрущеву узкая, шаткая.

Скользятъ обледенѣлыя перильца подъ рукой, и морозомъ прохватываетъ пальцы. Вѣтеръ трясетъ лѣсницу...

Откинулъ Хрущевъ неподатливый ржавый забой и оглянулся внизъ на дворъ. А дворикъ спитъ въ сѣрой мглѣ, квадратный, едва бѣлѣщій. Стоятъ по краямъ зарытые снѣгомъ низкіе сараи на широкихъ толстыхъ столбахъ. Топтались тамъ раньше кони и шумно чавкали борова, а теперь-холодъ черный. Разбуженные вѣтромъ снѣга качаютъ и носятъ на пустыряхъ за сараями шумныя космы. . . .

Хрущевъ вдохнулъ холодный нежилой воздухъ избы: будто еще пахнетъ воздухъ ладаннымъ дымомъ. На всѣ крючки застегнулъ Хрущевъ шинель и легъ, подогнувъ колѣни, на лавку, у печи. Въ другомъ краю избы окно прозрачно свѣтилось снѣгами. Хрущевъ повозился, засунувъ руки полгубже подъ обшлага . . . Мимо глазъ покатились побрызгивая желтыми огнями, позлащенные диски. Парчевыя хоругви зашелестѣли надъ лицомъ и стали щекотать холодными кистями. На лавку онъ легъ, но вовсе никакой лавки подъ нимъ нѣтъ, а плыветъ онъ въ сѣромъ челнѣ и слышитъ надъ собою похоронное пѣніе. Отъ похороннаго пѣнія онъ и проснулся . . .

Сѣлъ на лавкѣ, озирается, а ночь стоитъ полная, свѣтлая. Зеленоватое лунное полотенце легло на половицы — значитъ глубока ночь. Хотѣлъ въ окно посмотрѣть, но услышалъ вдругъ, что звякаетъ окно, точно кто скребетъ по стеклу. Стиснулъ зубы Хрущевъ и медленно повелъ головой, слушая звяканье . . .

Костромъ громаднымъ, зеленоватымъ горитъ за окномъ ночь, а черезъ подоконникъ закинулъ ужъ ногу и пролазитъ въ избу тучный, темный генералъ. Серебряныя кисти эполетъ переливаются зелеными огнями, иглы аксельбантъ позваниваютъ. Луна запалила зеленое зеркальце на остромъноcкѣ чернаго сапога.

Взглянулъ Хрущевъ, а у генерала лицо потемнѣлое, натуженное, и носъ крючкомъ. Отливая луннымъ блескомъ, дыбомъ стоятъ сѣдые вихры. И страшно блещутъ круглыми огнями генеральскіе очки.

Хрущевъ вспрянулъ, кинулся къ печи, чтобы на палати прыгнуть, но отнялись силы. Прижался спиной къ печи и зубы забились рѣзко и гулко.

— Ваше превосходительство . . . Ваше превосходительство . . . Въ потемнѣніи былъ . . . Душа моя окаянная . . . Ваше превосходительство.

Идетъ къ нему генералъ Павловъ, высокій, темный. Ближе, ближе. Звякаютъ тихо иглы серебряныхъ аксельбантовъ: дзинь-дзинь, дзинь-дзинь . . .

Поступь легкая, генеральская. Подъ шароварами скрипятъ мягкіе сапоги. Вотъ чуть тронулъ ему плечо блѣднымъ луннымъ пальцемъ, а на пальцѣ горитъ темный огонь перстня.

— Во дворецъ пожалуйте. Во дворецъ васъ требуютъ.

— Господи, Боже мой, да я завсегда . . .

Въ распахнувшую дверь хлынула ночь огромнымъ зеленоватымъ костромъ. Трясется подъ ногами шаткая лѣсенка, упадая темной дорожкой въ лунный дворикъ. Огни лунные бродятъ по снѣгамъ, по бѣлымъ крышамъ сараевъ, а за сараями морозное небо свѣтитъ прозрачной бездной.

Генералъ спускается по лѣсенкѣ, потряхивая широкой спиной. Пылаютъ сѣдые вихры лунной паутиной. Хрущевъ глядитъ ему въ спину и думаетъ: «Какъ же я пойду, когда я безъ шапки, и куда я пойду?» . . .

За дворомъ стальными полосами легли мертвыя лунныя улицы, а за улицами ровныя дали степей.

Степные снѣга, волны блѣдныя, куда пролила огни луна, уснувшія мертвыя колыханія неоглядныхъ степныхъ снѣговъ. И гдѣ тамъ за ними, въ какихъ лунныхъ даляхъ, столичный городъ Санктъ-Петербургъ, гдѣ онъ тамъ Санктъ-Петербургъ, когда онъ за тысячу-тысячъ верстъ . . .

— Ваше превосходительство, да какъ же мы туда тронемся? . . А самъ уже труситъ подлѣ генерала по улицѣ. Генералъ попрыгиваетъ на бѣгу, шпаженку на руку перехватилъ и разлетаются на его тучныхъ плечахъ пышныя кисти эполетъ.

Луна разлила по снѣгамъ блѣдную сталь. Въ морозной безднѣ стоитъ надъ головой луна, какъ одинокій бѣлый глазъ . . .

Нѣтъ больше луны. Дымитъ день тусклый. Холодный вѣтеръ дуетъ ровно со взморья. Грохочетъ и гудитъ желѣзами крышъ. Вдоль чугунныхъ рѣшетокъ каналовъ мятетъ колкіе сѣрые снѣга.

Обмерзлыя длинныя зданія казармъ свѣтятъ инеемъ. Тянутся желтыя казармы Волынцевъ, кирпичные красные корпуса Егерей, сѣрые тяжкіе колоннады казармъ лейбъ-гвардіи Преображенскихъ.

Промерзлый песокъ крѣпко и гладко утоптанъ на плацу. У полосатыхъ черно-сѣрыхъ будокъ стоятъ часовые. Поютъ и кукуютъ мѣдные рожки горнистовъ въ казармахъ Преображенцевъ, у Егерей, у Семеновцевъ, Кавалергардовъ, Волынцевъ . . .

Гвардія стоитъ на плацу рядами недвижными и темными, ружье къ ногѣ. Колыхаютъ смутно черные кивера заиндевѣлой мѣдной чешуей, въ

инеѣ бархатъ и блестящій мѣхъ гусарскихъ шапокъ, въ инеѣ раскинутые кованные орлы на кирасахъ кавалергардовъ.

Генералъ Павловъ, попрыгивая, идетъ по плацу передъ рядами, шпаженка подъ мышкой. Хрущевъ бы забился куда нибудь, прочь бѣжалъ, но бѣжать некуда. Смотритъ на усатыя солдатскія лица. Заглядываетъ подъ тусклые отъ инея козырьки. А стоятъ все знакомые.

Стоитъ Тимошенко, унтеръ-офицеръ, Маркъ Степановичъ — еще сѣдые усы себѣ фабрилъ, а во рту пяти зубовъ не хватало и потому говорилъ съ присвистомъ, и былъ ругатель отмѣнный. Тимошенкѣ, Марку Степанычу, унтеръ-офицеру гвардейскому, подъ Бзурой всю спину осколками вырвало. Стоитъ Силантьевъ горнистъ. Лукавый солдатъ былъ Силантьевъ, отчаянный, бабникъ и лѣвша, — лѣвой рукой щи хлебалъ изъ котла. Пулей перешибло ему правую руку. И пробила пуля въ его бѣлой груди безкровную синюю дырочку. На Равѣ палъ Силантьевъ-горнистъ, захрапѣлъ, но все силился лѣвой рукой кресты класть. Правофланговымъ стоитъ Усыкинъ Кузьма. Кузьму, усача рыжаго, — онъ же знаетъ Кузьму, какъ себя самого... Подъ огнемъ съ нимъ столько сутокъ лежали неперечислимыхъ, когда щелкали пули по ранцамъ и рвали, привизгивая, сѣрую холстину вещевыхъ мѣшковъ. А когда грохнулъ Кузьма въ окопъ — еще посыпалась сухая глина изъ-подъ его прорыжѣлыхъ сапогъ. Подергались длительно и замерли ноги Кузьмы надъ окопомъ, точно вытянутыя ноги палаго коня...

— Братцы вы мои, да чего жъ вы стоите — заглянулъ Хрущевъ подъ индевѣющій киверъ Кузьмы.

У того морщинистая щека собралась въ изогнутую складку подлѣ натопорщеннаго уса, и отвелъ Кузьма пальцемъ рыжій усъ отъ губъ и отвѣтилъ печально и сурово.

— Государь померъ. Новаго Государя ждетъ войско и народъ.

Осмотрѣлся Хрущевъ, а за киверами темной гвардіи колыхается пѣхота рядами волнъ темныхъ. Тихо колеблютъ золотую парчу обмерзлыя знамена. За темными волнами пѣхоты ходитъ и движетъ темное и тихое море народа. Качаются надъ народомъ сіяющіе и легкіе лѣса желтыхъ хоругвей. Горны кукуютъ. Вѣтеръ со взморья грохочетъ желѣзами крышъ. Оглядывается Хрущевъ на генерала Павлова, а генерала и нѣтъ...

Свѣтитъ изба прозрачными лунными дымами. Сидитъ онъ на лавкѣ, а за окномъ пылаетъ морозная бездна. Половицы въ блѣдныхъ тропинкахъ луны и лунные саваны свисаютъ съ лавки. Хрущевъ присмотрѣлся къ окну, куда генералъ лѣзъ, и дрогнулъ... Пава стоитъ подъ окномъ. Пава стоитъ, пронизанная луннымъ свѣтомъ, прозрачная, въ зеленоватомъ сія-

ніи, сложивъ высоко руки подъ грудь. Кланяется ему низко, и ея лица не видать . . .

Онъ ступилъ къ ней. Ея прозрачныхъ и лунныхъ пальцевъ онъ ищетъ, поднять ее хочетъ съ колѣнъ, въ лицо заглянуть.

— Подымись, Павушка. Подымись, лебедь легкая.

Низко склонилась Пава и слышно ему ея тихое дыханіе.

— Здравствуй, государь-батюшка, здравствуй желанный . . .

Онъ нагибается къ ней, но плыветъ Пава прозрачная къ двери, высоко сложивъ руки крестомъ на груди. Дверь распахнулась и нѣтъ Павы, и тихо ступаютъ одинъ за другимъ въ дверь церковные мальчики въ алыхъ фелонькахъ. Несутъ горящія свѣчи, и мелькаютъ красноватыя пики свѣчей и плещутъ золотомъ херувимскія репиды . . .

* * *

День, видно, всталъ румяный и крѣпкій.

Хрущевъ поднялся, почесалъ грудь, засунувъ руку подъ крючки шинели, и опустилъ босыя ноги съ лавки.

Долго сидѣлъ, затиснувъ кулаками виски. Сидѣлъ и покачивался, не разжимая глазъ. Его лицо свѣтилось румянцемъ мѣднаго утра.

Долго обувался, крѣпко обматывая портянки вкругъ волосатыхъ тощихъ ногъ. Вбилъ ноги въ опорки, разогнулся, и пошелъ тихо къ комоду.

Надъ рамкой фотографической карточки обниклая желтая роза свѣтилась оловомъ инея. Пустъ комодъ: изъ ящиковъ давно все пошло на базаръ. Только и осталось что ветошь, тряпье, да разлѣзлый, съ оборваннымъ рукавомъ преображенскій гвардейскій мундиръ. Былъ мундиръ раньше чернымъ, съ суконной красной грудью, но уже прозеленѣлъ, выцвѣлъ, и казалъ изъ всѣхъ швовъ сивыя нитки. Не спѣша одѣлъ Хрущевъ мундиръ на костлявое сѣрое тѣло. Посмотрѣлъ и оправилъ на груди потемнѣвшій полковой знакъ: поверхъ двуглаваго мѣднаго орла андреевскій синій крестъ, на которомъ распятъ апостолъ. Растрескалась синяя финифть, давно выпала кусочками изъ свинцовыхъ желобковъ, а мѣдный орелъ сталъ багровымъ . . .

На улицѣ и мимо торговыхъ рядовъ и подъ громадными холщевыми плакатами и вдоль заборовъ шелъ Хрущевъ стороной, осторожно.

Ступалъ легко. Прижимался къ заборамъ, обходилъ встрѣчныхъ, — только бы не толкнули. Озирался безумно, а сѣрые глаза пылали сжигающими огнями.

* * *

Въ холодной темнотѣ, передъ войлочной дверью высокаго человѣка, Хрущевъ пошарилъ ладонями по стѣнѣ, отыскивая звонокъ.

Звонка не нашелъ и тронулъ слегка мѣдную ручку, а дверь вдругъ подалась тихо и растворилась, ласково запѣвъ . . .

Оранжевымъ тусклымъ пятномъ свѣтилъ у окна край козетки. Вытянулось на ней темное тѣло. Хрущевъ подошелъ и долго не могъ разобрать подъ сѣрой грудой наваленнаго тряпья, гдѣ руки и гдѣ ноги человѣка. Приподнялъ полу разостланнаго пальто и тогда блеснулъ блѣдно гладкій лобъ человѣка подъ ежомъ взъерошенныхъ рыжихъ волосъ. Хрущевъ нагнулся. Отъ наваленной груды тряпья шелъ лежалый гнилой духъ.

— Слушай, ты спишь? — сталъ осторожно отгибать полу Хрущевъ.

Обозначился весь гладкій сѣрый лобъ и гнутыя надбровныя дуги, надъ кругловатыми впадинами сжатыхъ черныхъ вѣкъ.

— Слушай, ты не спи, а? пригнулся Хрущевъ къ сжатымъ вѣкамъ. И дрогнули тогда рыжеватыя рѣсницы.

Рѣсницы подрожали долго и слабо и вотъ открылся круглый глазъ — не видящій, тусклый. Груды тряпья зашевелились, обдавъ Хрущева тлѣлой сыростью. Тонкія сѣрыя руки выпростались изъ подъ чернаго пальто, приподнявшись, пали. На сѣромъ тряпьѣ дрожали костлявые пальцы, заросшіе рыжеватыми волосами.

— Ты кто — уйди — тускло глянулъ человѣкъ на Хрущева.

— Не узнаешь развѣ? нагнулся къ его зрачкамъ Хрущевъ. — Ты такъ помрешь, слышь. Нельзя такъ.

Тусклые зрачки едва засвѣтились. Колыхнулись груды тряпья и тонко зазвенѣла козетка.

— Хрущъ, ты . . . Гдѣ ходилъ? Зачѣмъ пришелъ, зачѣмъ пробудилъ меня, Хрущъ . . .

— Помрешь ты такъ. Встань. Я тебѣ открыться хочу. О государѣ слово молвить. Встань.

— Не встану я, нѣтъ. Не подымай ты меня. Я погруженъ былъ. Я повелѣлъ своему тѣлу отдѣлиться отъ меня и ушелъ, и улетѣлъ . . .

Хрущевъ коснулся слегка его тощихъ пальцевъ.

— Постой. Ты послушай меня. Встань.

Тощіе пальцы пугливо отдернулись.

— Да не встану я. Зачѣмъ будишь меня. Что мнѣ вся эта жизнь . . . Гадъ — эта жизнь, гадъ кромѣшный, паутина душная, хлопья слизней . . . А я повелѣлъ моему тѣлу уйти. И летѣлъ я.

Человѣкъ убралъ руки подъ пальто. Сѣрая груда тряпья поколыхалась и затихла. Снова сжалъ вѣки человѣкъ и едва шевелилъ сухими блѣдными губами.

— Летѣлъ... Сквозь камень стѣнъ прошелъ. Поднялся на колокольни. Радостный я, легкій, и забавно мнѣ, малому, покружить, полетать подъ мѣдными шатрами колоколовъ. Мѣдь гудитъ — здорово, здорово, малецъ, духъ веселый... Мѣдь щекочетъ, а я отъ колоколовъ выше, да выше... Лечу... Поютъ скрипки тонкія, легкія... Лечу необозримыми лугами бѣлыми... Въ облакахъ бѣлыхъ розъ плаваютъ луга... Пушкинъ идетъ мнѣ на встрѣчу. Улыбаясь, покусываетъ бѣлый лепестокъ, въ долгополомъ коричневомъ сюртукѣ... Кругомъ бьютъ фонтаны, свѣтлыя арки, аллеи фонтановъ. Трепетаніе радугъ въ ихъ радостной пыли... А въ радугахъ — сколько ихъ бѣлыхъ, сколько ихъ радостныхъ. Мимо меня прошла, межъ розъ, Беатриче. Склонила ко мнѣ свѣтлую голову, охваченную нѣжной золотой сѣткой и улыбнулась — здравствуй, братъ.

— Ты не слышишь меня — печально сказалъ Хрущевъ. — А я открыться хочу. Великую радость хочу объявить.

Склонился Хрущевъ къ запалымъ вѣкамъ и застоналъ радостно и безумно:

— Государь на Руси объявился.

— Сашенька, не буди — шепталъ человѣкъ. — Дай погрузиться мнѣ, Сашенька. Я уйду. Я летѣть буду. И увижу я бѣлыя розы, радостныя арки фонтановъ, гдѣ поютъ радуги, свѣтлую Беатриче... Здравствуй, здравствуй, сестра.

Человѣкъ съ головой закрылся въ пальто и только взъерошенный рыжій волосъ торчалъ изъ-подъ полы. Темная груда тряпья болѣе не шевелилась. Затихъ человѣкъ...

Неспѣша перекрестился Хрущевъ, и осторожно вышелъ, ступая на носки.

* * *

Свѣтила въ окно мутная ночь.

Въ бѣлыхъ степяхъ, далеко, заходила мятелица. Катили въ городъ ея глубокіе гулы, глухой скрежетъ и колыханіе долгихъ звоновъ. Мутное небо шуршало и тускло двигалось подъятыми снѣгами, но было еще въ городѣ тихо. Только будто слушали снѣга звоны дальней мятели и тайно шептали, и легко подавались вѣтру. Уже начинали кишѣть. Вдоль черныхъ заборовъ мело и кружило долгія косы поземки...

Хрущевъ сидѣлъ подъ окномъ, не разуваясь, въ шинелѣ и шапкѣ. Согнулся, засунувъ въ обшлага руки. Его трясла лихорадка и надо было-бы лечь, но чего-же ложиться, когда скоро придетъ генералъ.

Хрущевъ знаетъ, что придетъ онъ опять, только не знаетъ когда и не отводитъ глазъ отъ мутнаго окна. Высматриваетъ, когда сверкнетъ носокъ лакированнаго сапога и зазвенятъ тонкія иглы аксельбантовъ . . . А полная и блѣдная генеральская рука съ темными ободками перстней уже лежитъ на его плечѣ. Не испугался Хрущевъ. Отъ мягкой руки стало тепло. Посмотрѣлъ на темный перстень и сказалъ тихо.

— А я жду ваше правосходительство.

Блѣдная рука подалась въ тьму.

— Идти намъ пора. Во дворецъ.

И только вышли, колкія пригоршни зашвыряли въ лицо снѣга, заметались, подхватили. Понесли, звеня гулко. Темнымъ пятномъ ныряетъ впереди генералъ въ бѣлые туманы. Полы шинели Хрущева раздулись, какъ черный парусъ. Свистятъ. Видитъ онъ свои вытянутыя сжатыя ноги, что свѣсились въ заходившую бѣлую бездну. И дико, и весело ему летѣть. А снѣга то хватятъ въ спину, то махнутъ вбокъ, то обронятъ внизъ въ шипящую прорву, то дунутъ и вознесутъ, со свистомъ и завываніемъ.

— Легче вы, легче — окрикиваетъ онъ снѣга.

Смотритъ внизъ, а тамъ застывшія громады Санктъ-Петербурга. Летятъ они надъ широкими темными настилами моста. Онъ узнаетъ мостъ по пышнымъ, погашеннымъ фонарямъ: Троицкій.

Нева залегла глухая и смутная, занесенная снѣгомъ. А улицы и набережныя и мосты темно движутся народомъ.

Въ черной толпѣ, на площади, тѣснятъ Хрущева. Онъ оттаптываетъ ногами, растираетъ защипанныя морозомъ уши и думаетъ: «И чего они стоятъ, и чего ждутъ?» А спросить боязно: всѣ стоятъ грозные и суровые, и никто на Хрущева не оглядывается. Въ сумеркахъ незнакомы всѣ лица — можетъ быть и видѣлъ когда, а можетъ быть и не видѣлъ. Вотъ одинъ рыжеватый, будто какъ отецъ, а тотъ на деверя Пимена похожъ — черная борода угломъ, а самъ мужикъ костистый, желѣзный. Тамъ вѣютъ по вѣтру сѣдыя пряди. Приглядывается Хрущевъ: по одеждѣ и по долгому кафтану не то мѣщанинъ стоитъ, не то торговый человѣкъ. И знакомъ сильно. Протиснулся къ нему между спинъ, ну да, онъ и есть — мѣщанинъ Кузовковъ, молоканинъ, у котораго торговалъ пустошь . . .

— Скажи ты мнѣ, по какой причинѣ стояніе? заглянулъ ему Хрущевъ въ немигающіе круглые глаза, подъ бѣлыя рѣсницы.

— Государя вѣнчаютъ на царствіе. Алѣ не видишь? — отвернулся мѣщанинъ, сурово отвѣтивъ.

Смотритъ Хрущевъ, а заиндевѣлыя чугунныя громады дворцовыхъ роротъ — настежь. Подъ багровыя колонады катятъ долгой вереницей черныя кареты. Высокія полукруглыя окна пышутъ въ снѣга желтыми огнями и смутно движутся въ окнахъ многія, многія тѣни . . .

Хрущевъ подался въ толпу, но нѣтъ подлѣ толпы. Стоитъ онъ одинъ, высоко на помостѣ, на сукнахъ красныхъ.

Смутныя пламена свѣчей зыбятся вкругъ краснаго помоста. Озирается онъ на шелковыя дворцовыя стѣны. Матово блещетъ шелкъ бѣлый, и пылаетъ каждая нить шитыхъ серебромъ двуглавыхъ орловъ.

Онъ переступаетъ съ ноги на ногу на помостѣ. То приподыметъ одну ногу и пожметъ, то другою, и думаетъ въ страхѣ: «Господи, Боже мой, да вѣдь наслѣжу я на красныя сукна моими опорками» . . .

Въ зыбкой огневой млгѣ колыхаются лица. Свѣтятъ желтые отблески на лысыхъ лбахъ. Посверкиваютъ голубыя и бѣлыя генеральскія ленты, и брызжутъ зеленые огни алмазныхъ звѣздъ. Видно кругомъ — генералы свиты его величества, генералъ-адъютанты . . .

Онъ хочетъ ступить съ помоста, но заслоняютъ дорогу кованныя литыя изъ серебра паникадила. Пудовыя свѣчи обливаютъ серебрянные зубатые края паникадилъ потоками растопленнаго воска. Рокочутъ огромные языки, машутъ жаромъ, и за огнями все видно зыбко, смутно и трепетно.

На крѣпостныхъ веркахъ ударила пушка. Высокія окна зазвякали и полились, покатились смутной волной бѣлыя шелка, серебрянные двуглавые орлы, генерельскія ленты, зеленыя брызги алмазовъ . . .

— Мужика, мужика вѣнчаютъ на царствіе — грозно дохнули раскаленные языки пудовыхъ свѣчей.

Вѣнецъ золотой онъ держитъ въ рукахъ. Вѣнецъ въ пыланіи огненномъ, въ трепетахъ раскаленныхъ. Подъ пылающимъ тяжкимъ золотомъ падаютъ его руки. А онъ подымаетъ. Онъ подымаетъ вѣнецъ и выдавилась кровь изъ подъ его ногтей.

Вѣнецъ засіялъ. Раскинулъ пламеннымъ блескомъ вихри огня. Давитъ голову, тяжкій. Кольцомъ огненнымъ сомкнулъ лобъ. Капли крови горячей и темной витыми тропами прошли по бѣлому лбу.

Бармы впились ему въ плечи орлиными золотыми когтями. Выклевали мясо, впиваясь. Давитъ пламенный вѣнецъ.

— Душно — долгимъ воемъ застоналъ онъ. — Душно мнѣ, душно . . .

За огнями застонало и закачалось. На колѣняхъ ползутъ на красный помостъ, катятъ у ногъ смутныя волны народа. Сухія жаркія губы цѣлуютъ его повисшую руку. Онъ шатается. Его желтая рука потемнѣла отъ поцѣлуевъ, обуглилась. Онъ видитъ смутно . . . Вотъ ползетъ на колѣняхъ слесарь съ круглой кошачьей головой и безбровый матросъ и аптекарскій

сынъ — извиваются, какъ черви, бьются. Онъ круто улыбнулся слесарю, утирая со лба капли крови.

— А зачѣмъ ты меня билъ, Семенъ?

— Да ладно ужъ, да молчи — все прошло. Ты простишь — стонетъ слесарь и ластится къ его опоркамъ круглой головой и мочитъ его повисшую узкую руку горячими слезами . . .

Катятъ волны на красный помостъ. Въ ихъ смутномъ движеніи увидѣлъ онъ ликъ блѣдный, знакомый. Трепетно мечутъ рѣсницы надъ глазами полузакрытыми. Онъ ступилъ по краснымъ сукнамъ къ свѣтлому лику и позвалъ, протянувъ руки.

— Токарь мой, токарь легкій . . . Исусе Сладчайшій . . . Иду къ тебѣ, токарь . . .

* * *

Дождь крови падаетъ на русскую землю. Въ красной мглѣ приходитъ и въ красной мглѣ уходитъ солнце. Тысячу разъ приходило и тысячу разъ уходило солнце, а дождь крови падаетъ отъ зари до зари, и на восходѣ, и на закатѣ и тамъ, гдѣ спятъ русскіе снѣга, и тамъ, гдѣ струятъ зной пески русскіе, на востокъ и на западъ, и во всѣхъ сторонахъ русской земли падаетъ дождь.

Опоясалась потоками русская земля, напилась, разрыхлѣла влажной трясиной, и не беретъ болѣе крови, опоенная страшная земля.

Надъ погасшими городами, надъ сѣрыми тюрьмами и кладбищами, у стѣнъ пустырей, сочащихъ кровью, и надъ пылью Волжскихъ степей, кружатъ черныя вороньи полчища. Кружатъ, каркаютъ надъ падалью, надъ убоиной.

Черная молнія пала на русскую землю. Плещутъ черныя крылья отъ востока на западъ, на югѣ и сѣверѣ. Плещутъ, шумятъ надъ падалью, надъ убоиной.

Русская земля полегла и умолкла. Дождь крови падаетъ отъ восхода и до заката, отъ заката и до восхода.

Умолкла русская земля, полегла. Ужъ некому затеплить церковную свѣчу надъ покойникомъ. Покладены, какъ рубленныя дрова, безъ гробовъ, чадящіе мертвецы. Песьи стаи бродятъ ночью и лижутъ у стѣнъ теплую кровь и чавкаютъ и урчатъ надъ мертвечиной. Уже полно, — русскія кладбища разсѣлись. Уже полно пить опоенной страшной землѣ.

Дождь крови падаетъ и ни одна капля не усыхаетъ и всѣ пересчитаны у Господа Бога. Роса новая орошаетъ русскую землю. Уже горитъ пролитая кровь въ лицахъ живыхъ новымъ свѣтомъ. Уже холодная тоска за-

теплила тусклые огни въ зрачкахъ палача. Уже изсушила сердце убійцы. Зарей новой и тихой озарены простыя русскія лица . . .

Дождь крови падаетъ на русскую землю.

* * *

Шильцевскій мужикъ Іона съ бабой Анной возилъ на базаръ къ станціи два куля мерзлой картошки.

Тронулъ онъ отъ станціи уже въ темнотѣ и когда прогналъ дровни подъ шлагбаумъ и свернулъ въ поля — стало смутно заметать дорогу мятелью.

Мятель качала тусклыми стѣнами вправо и влѣво отъ оглобель. Гулко звенѣла. Видѣлъ Іона передъ собой только побѣлѣвшій задъ, да похлыстывавшій бѣлый хвостъ кобылы. Іона накрылся дерюгой и пустилъ вожжи въ легкую. Слава Богу — коротокъ путь и вѣтеръ гудетъ отъ Шильцева, кобыла и такъ, въ слѣпую, учуетъ и вынюхаетъ дорогу, а то, упаси святители, чего добраго . . .

Оберченная платами Анна прижалась сзади и грѣла ему спину. Ноги у бабы Анны разставлены и на подолъ намелся ужа снѣгъ рыхлымъ сугробомъ. Вскорѣ побѣлѣла и распухла баба Анна, какъ сѣрая копна.

Мятель била по звенящимъ дровнямъ и рвала Іонѣ заиндевѣлую бороду... И вотъ, къ бѣлой стѣнѣ, съ лѣваго боку дровней, увидѣлъ Іона, какъ что-то темнѣетъ. Двинулось темное къ дровнямъ и вдругъ человѣкъ тощій, въ обмерзлой солдатской шинели ухватился за оглобли и побѣжалъ рядомъ. Прыгнулъ человѣкъ въ дровни, бухнувъ лицомъ въ мерзлую солому. Баба отпрянула, затрусила снѣгомъ спину павшаго человѣка, а Іона выпросталъ бороду изъ дерюги и окликнулъ сердито.

— Эй, ты — поди . . . Куда скачешь?

Тощій человѣкъ сѣлъ. Лицо у него блѣдное, безъ кровинки, русые волосы въ снѣгу, а глаза горятъ свѣтло. Передернулъ онъ плечами и говоритъ Іонѣ строго.

— Ты, дѣдъ, не лай, а подвези.

— Много васъ возить такихъ надоть, шлепалы бездомные . . .

Безъ сердца поворчалъ Іона, потому что понималъ, какъ мятель каждаго поскорѣе гонитъ къ жилью. Прихлестнулъ возжи и повернулся къ человѣку, поговорить отъ скуки.

— Изъ города ты?

— Изъ города.

— Что люди-то у васъ въ городѣ новаго говорятъ, аль все старое стоитъ — не тронется?

— Развѣ не слышалъ? — приблизилъ человѣкъ блѣдное лицо. — Не слышалъ ты развѣ, что государь объявился. Государь вѣнчанный Россійскій.

— Да нѣтъ, Исусе, Спасе — опустилъ вожжи Іона.

— Объявился, я говорю. И ходитъ скрытый до часу.

Баба Анна прикочнулась къ человѣку, какъ копна сѣрая... Пойдетъ теперь по темнымъ деревнямъ, по низкимъ дворамъ, зарытымъ снѣгами, по сѣрой гати полей молва тихая: государь ходитъ скрытый...

Іона пристально посмотрѣлъ изъ-подъ бѣлыхъ бровей въ круглые зрачки человѣка.

— Да ты не врешь ли, парень?

Человѣкъ приподнялся, придерживая руками шапку. Вѣтеръ рванулъ полу его шинели. Близко увидѣлъ Іона блѣдное усмѣхающееся лицо.

— Дѣдъ, а дѣдъ, — иль не видишь, иль не призналъ?

Страшно стало Іонѣ смотрѣть въ горящіе круглые зрачки. Отвернулся онъ и хлестнулъ вожжей, пробивъ на побѣлѣвшемъ заду кобылы черную полосу. Загикалъ Іона.

— Припади, эй, соколики...

Качаясь, человѣкъ постоялъ въ дровняхъ, и вдругъ спрыгнулъ въ шумный омутъ мятели. Его раздутая темная шинель мигомъ стерлась въ бѣлыхъ качаніяхъ снѣговъ. Можетъ быть и не было никого. Можетъ быть бѣлый оборотень повидѣлся Іонѣ.

Далеко гонятъ дровни. Сгинуло озябшее фырканье Іоновой кобылы.

Человѣкъ въ сѣрой шинели шелъ одинъ, безъ дороги. Въ мятели шелъ государь, скрытый до часу. Въ опорки набился снѣгъ, по ногамъ было горячо. У шинели вѣтеръ отбивалъ обмерзлую полу. Холодомъ дуло на голое тѣло подъ разлѣзлый и ветхій Преображенскій мундиръ.

Шелъ онъ въ мутной мятели одинъ. Стѣны бѣлыя, мягкія рушились сверху. Бѣлые дымы неслись. Долгимъ гуломъ колоколовъ качалась мятель.

Громадныя желѣзныя била мятельныхъ колоколовъ выли то дальнія, глухія, то близкія, звенящія рокотомъ раскатовъ.

Поднялъ онъ голову, а въ бѣлой мглѣ, раскинувъ плещущіе потоки кудрявыхъ изогнутыхъ крылъ, вихремъ летятъ бѣлые архистратиги. И ревετъ и рокочетъ обмерзлая мѣдь закинутыхъ трубъ.

Тяжкія била рушатъ рыдающія мѣдныя стѣны колоколовъ. Отхлынутъ — накатятъ. Огни мелькаютъ въ бѣлыхъ мятельныхъ дымахъ, мелькаютъ, гаснутъ. Будто свѣчи церковныяноситъ мятель.

Смотритъ онъ, а мимо торопятся въ бѣлыхъ рябкахъ, захлестнутыхъ вѣтромъ, бѣлобородые святители, какіе глядятъ на народъ со створокъ

алтарныхъ. Торопятся святители и въ снѣгахъ босыя пятки посверкиваютъ.

Проплылъ надъ сугробами высокій и строгій Симеонъ Столпникъ. Мантія бѣлая, въ черныхъ крестахъ и адамовыхъ головахъ, волочится по снѣгамъ. Морщинистой ладонью заслоняетъ святитель свѣчу, а межъ темныхъ пальцевъ сквозятъ тонкія и нѣжныя паутины алаго свѣта. Савватій да Засима, святители Соловецкіе, бредутъ, на костыли опираясь. Узкія бѣлыя бороды закрутилъ вѣтеръ длинными жгутами. Бѣлыми рѣсницами закрыты святительскіе глаза.

— Поспѣемъ ли въ Китежъ обѣдню стоять? говоритъ Савватій, отбирая рукой ледяныя сосульки отъ губъ.

— Поспѣемъ авось — отвѣчаетъ Засима, уже звонъ святой слышенъ...

Гулы отхлынутъ — нахлынутъ. Торопятся въ смутной мятели на святой звонъ лаврскіе ключари и младенцы киринархи въ рясахъ прозрачныхъ. Плывутъ возки бѣлые съ серебряными московскими орлами на дверкахъ, а за слюдяными оконцами кутаются въ парчевые бѣлые душегрѣи озябшія и тихія царевны московскія.

Высокій бѣлый конь, распустивъ волной хвостъ, роетъ снѣга серебрянымъ копытомъ. Звякаютъ обмерзлыя чеканныя уздечки. Опустивъ тяжкое древко копья тихо ѣдетъ дорогой Георгій Побѣдоносецъ. Печально его безусое лицо, а нѣжную бровь щекочутъ курчавыя бѣлыя перья шелома. Съ конца копья спадаетъ въ снѣга узкимъ языкомъ бѣлая шелковая перевязь. За стремя Георгія Воина ухватился коричневой рукой старый Никола Милостивый. Вѣтеръ носитъ надъ плѣшивой головой святителя загнутые концы темной епитрахили. Поспѣшаетъ Николай за витяземъ, ухватился за стремя, а въ другой рукѣ у святителя ветхій башмакъ. Поспѣшаетъ Никола и трясетъ башмакомъ и разсказываетъ, какъ положилъ святительскую оплеуху на богоотступника Арія. Дрожатъ рѣсницы у Георгія Воина, склонилъ онъ нѣжный ликъ и усмѣхается тихо.

Кузьма и Демьянъ, сѣдые, маленькіе, да веселые торопятся и играютъ: бѣлыхъ пчелъ ловятъ старыми пальцами. А развѣ переловить ихъ всѣхъ, когда отъ бѣлыхъ пчелъ кругомъ смутно.

— Братецъ Кузьма, опоздаемъ въ Китежъ, кличитъ Демьянъ, поймавъ пчелиную пригоршню.

— Да постой ты, Демьянъ, какіе рои повысыпали... Не опоздаемъ, ништо — весь народъ на дорогѣ...

Колыхаютъ бѣлые мятельныя пелены Матери Пресвятой Богородицы. И катятъ — разсыпаются по снѣгамъ съ порванныхъ шелковыхъ нитей застывшіе жемчуга. Ея слезы.

— Матушка, Матушка, роняешь Ты жемчугъ Твой на землю — кличетъ онъ Богородицу.

Онъ ползаетъ по сугробамъ, онъ царапаетъ и роетъ снѣга. Онъ подставляетъ ладони, чтобъ уловить жемчужины блѣжныя. Но нѣтъ, не собрать, когда катятъ и катятъ жемчужины. Когда по всей русской землѣ разсыпаются — катятъ жемчужины Богородицы.

* * *

У станціи, поднявъ оглобли рядами, полегли дровни и розвальни. На дровняхъ бабы, закутанныя во многіе платы, и мужики голенастые, сивобородые въ широкихъ коричневыхъ охабняхъ. Не то переселенцы прибились къ станціи, не то торговый день. У дровней снѣгъ размѣшанъ въ сѣрую кашу и шипитъ подъ валенками и онучами.

День только встаетъ. Синіе дымы плаваютъ надъ крышей желтаго низкаго строенія станціи, а за рельсами, надъ сѣрыми телеграфными столбами, раздутыми парусами широко подымается въ небо розоватыя облака зари.

Въ темной станціонной буфетной подымаются ночлежники. Богъ его знаетъ, что за людъ. Многіе въ драныхъ солдатскихъ шинеляхъ, безъ хлястиковъ, съ огрызками рукавовъ, всѣ въ сѣрой ветоши, всѣ перегибаются и трясутся отъ холода, съ лица испитые и безкровные, съ пылающими и голодными глазами. Съ красной исцарапанной буфетной стойки свѣшиваетъ тощія ноги лысый старецъ съ бородой зеленоватой, обдерганной. Можетъ быть послушникъ, а можетъ быть бродяжка дорожная. Берестянымъ лаптемъ гудитъ о стойку —.

— Спасе Христосъ, вотъ и утро...

И выбираетъ изъ подъ головы сосѣда свой сѣрый мѣшокъ, перевязанный тонкими бичевками. Ворошатся подъ стойкой. Тянутъ со сна во всю длину ноги, обутыя въ рыжія голенища. Бьютъ зубами отъ холода... Притаптываетъ, тянется, зѣваетъ — Русь сѣрая, Русь невѣдомая, бродяжная.

У станціи еще съ ночи сталъ поѣздъ. Всего въ четыре вагона, и всѣ вагоны длинные, желтые и блестящіе. Сторожъ потрусилъ желтымъ пескомъ на платформѣ и никого не пускаетъ за матовую дверь: Московскій комиссаръ проѣздомъ задержался у станціи. Не то дровъ не хватило въ паровозѣ, не то воды по линіи не достать...

Изъ блестящихъ вагоновъ вышли здоровые парни въ черныхъ кожаныхъ штанахъ и въ черныхъ кожаныхъ курткахъ. Парни веселые, мордастые. Ходятъ по двое по трое у дровней. Курятъ папироски, на народъ

щурятся. Ткнутъ пальцемъ въ промокшій мѣшокъ картофеля или отрубей и заулыбаются. —

— Продаешь, товарищъ, или нѣтъ?

А голенастые, сивобородые мужики смотрятъ имъ долго и молча вслѣдъ, отогнувъ огромные воротники охабней...

Вышелъ со станціи и пошелъ къ дровнямъ невысокій человѣкъ въ солдатской шинели. Опорки подвязаны веревочками и крѣпко перетянута шинель ремешкомъ. Лицо у человѣка блѣдно, а сѣрые глаза свѣтятъ, точно два горна. Если приложить ладонь обожгутъ.

На утрѣ крѣпко гудетъ народъ и у дровней и на станціи. И вдругъ лающій стонъ колыхнулъ гудѣніе. Метнулся пронзительно и длинно.

— А — а — х —ъ...

У красныхъ воротъ пакгауза стоятъ двое парней въ черныхъ кожаныхъ курткахъ. Одинъ, узкій со спины, блѣдный малый, куритъ папиросу и отплевываетъ, и сонно щуритъ тусклые глаза, заплывшіе синими мѣшками, а другой, бритый, въ черной кепкѣ, наклонился надъ дѣвчонкой. Ходятъ у бритаго подстриженные рыжіе усы надъ мокрыми губами. Кругло выкачены зеленоватые водянистые глаза.

Дѣвчонка прижалась къ краснымъ воротамъ пакгауза. Малая дѣвчонка, у ватнаго сѣраго солдатскаго жилета рукава болтаются. Прижалась дѣвчонка. Мечется безкровное, сжатое въ кулачокъ лицо. Глаза темные и холодные широко отворены мукой.

— Воровать, воровать, стерва — нагибается къ ней бритый. Бѣлыми пальцами хватаетъ дѣвчонку за вихры на вискахъ. Дергаетъ. Оттого дѣвчонка и стонетъ, рыдающе и тонко, какъ щенокъ, подкинутый подъ брюхо сапогомъ.

Отъ дровней подкатила и молча задышала толпа. Смотритъ десятками мутныхъ, круглыхъ, немигающихъ глазъ. Блѣдный малый равнодушно подбираетъ синіе мѣшки къ сощуреннымъ зрачкамъ, а бритый, въ черной кепкѣ оглянулся на толпу испуганно. Будто струсилъ немигающихъ глазъ, заторопился. —

— Посудите сами, товарищи, вышли мы изъ вагоновъ, а она тудашасть и по вагонамъ шарить... Воровка... А у насъ портсигары оставлены, часы, вещи разныя... И вотъ, кулакъ зажала, не разжимаетъ.

Бритый выкатилъ водянистые глаза и взвизгнулъ.

— Разожми кулакъ, стерва.

— Да что разговаривать, двинь ты ее — равнодушно сплюнулъ блѣдный малый, перекативъ языкомъ обмусоленную папиросу въ другой уголокъ рта.

— И то — вздохнула въ толпѣ, будто соглашаясь, коротконогая баба, оберченная байковымъ платкомъ — съ измальства, а по воровству.

— Учить надо — зло и коротко сказалъ за нею костлявый мужикъ, почесавъ жилистую и коричневую вытянутую шею подъ сваленой ржавой бородою.

— Кулакъ то разожми, дура, — будто нехотя сказалъ другой мужикъ, коренастый, съ одутловатымъ, бѣлымъ и соннымъ лицомъ.

Грязныя узкія лапки стиснуты на груди. Мечется личико, а острыя зубы ощерены какъ у загнаннаго звѣрька.

Бритый въ черной кепкѣ присѣлъ на корточки и заговорилъ ласково и протяжно. —

—Разожми же кулакъ, ну разожми, тебѣ говорятъ — и вдругъ схватилъ за вихры и рванулъ. — Тебѣ говорятъ разожми.

Дѣвчонка припала къ отблескивающимъ чернымъ колѣнкамъ бритаго и забилась, раскинувъ трепыхающія руки. Бритый, сопя, ковырялся узловатымъ пальцемъ въ ея сжатомъ кулакѣ.

— Во-вскрикнулъ бритый и повертѣлъ въ пальцахъ сѣрый кускъ сахара — Покрала стерва.

— Двинь ты ее — равнодушно собралъ синіе мѣшки блѣдный малый.

— Будешь воровать, а . . . — опять полѣзъ пальцами къ дѣвчонкѣ бритый.

Въ черныхъ сжатыхъ колѣняхъ затрепеталъ сѣрый комочекъ личика.

— Жрать хочу, жрать...

Бритый затиснулъ и смялъ пальцами дѣтское лицо.

— Молчать.

Но и сквозь сжатые пальцы выдавливались стенанья.

— Ж—а—ать, ж—ать...

— Вотъ и не бить бы — сумрачно сказалъ тогда коренастый мужикъ съ одутловатымъ соннымъ лицомъ.

— Ежели жрать, Господи да развѣ — заторопили и оборвали два — три сиплыхъ голоса.

— Дите подыхаетъ, а они бить. Сколько ихъ теперь отъ голода дохнетъ — горячо и жалостно выкрикнула коротконогая баба. — Морды отъѣли себѣ, имъ — что.. Одно слово — товарищи.

— Бугаи — коротко, твердо и равнодушно уронилъ костлявый мужикъ, съ круглой пѣгой бородой, въ сѣдыхъ плѣшинахъ.

— Ну вы, которые, легче вы —повернулся къ немигающимъ глазамъ толпы блѣдный малый — въ морду захотѣли?

И тогда выступилъ изъ толпы тотъ невысокій человѣкъ въ солдатской шинели, что на разсвѣтѣ сошелъ съ крыльца станціи. Онъ ступилъ къ блѣдному малому, поднявъ руки. Русая бородка дрожала.

— Въ кандалы тебя заковать, смердъ, въ Сибирь въ рудники, на вѣчныя поселенія, въ шахты подземныя...

Медленно погрозилъ его согнутый палецъ. Дохнула толпа и затихла.

Блѣдный малый полѣзъ въ карманы за папиросой. Пальцы у него задергались. А бритый, въ черной кепкѣ, отступилъ на шагъ передъ пылающими сѣрыми глазами человѣка.

— Ты кто такой будешь? спросилъ бритый, отступая, отступая.

— Кто я — не тебѣ дѣло, а ты смердъ и приказываю я тебя заковать въ желѣзо на вѣки, чтобъ насквозь твои кости прогнили...

Медленно помывалъ грозящій палецъ.

— Да ты отвѣчай, ты кто такой будешь, подступилъ къ нему блѣдный малый. Перекатилъ папиросу въ край тонкихъ губъ, выплюнулъ, и пригнувъ голову пошелъ на человѣка. Схватилъ за грудь, рванувъ крючки шинели.

— Не трожь меня, гадъ — спокойно и тихо отряхнулся отъ него человѣкъ.

Бритый подскочилъ и впилъ ему узловатые пальцы въ плечи, выкативъ водянистые глаза.

— Мутишь, а, мутишь...

— Кто будешь, стой! — крикнулъ блѣдный малый.

Поднялись надъ толпой узкія руки человѣка, подрожали поднятыя, и пали. —

— Государь я вѣнчанный. Государь Императоръ Всероссійскій.

Привалилась толпа. Закачалась, разбуженная, нависшая, глухая.

— А, вотъ ты кто — усмѣхнулся блѣдный малый. Отступилъ на шагъ, узко сожмуривъ тусклые глаза. И вдругъ изогнулся и съ размаху ударилъ человѣка по щекѣ.

— Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество.

Бритый, въ черной кепкѣ, присѣлъ, хлопнулъ ладонями по колѣнямъ, затрясся отъ смѣха. Сталъ ходить кругомъ человѣка, ступая мягко и гибко, по кошачьи. Онъ билъ человѣка по щекамъ, распяливъ пальцы и наровя ногтями оцарапать кожу. —

— Честь имѣю явиться, Ваше Величество.

Отскакивалъ и ходилъ кругомъ, билъ. —

— Какъ изволите здравствовать, Ваше Величество.

Присѣдали двое въ черныхъ курткахъ, вскакивали, били размахнувъ руками, фыркали. —

— Здравія желаемъ, Ваше Величество.

Онъ стоялъ, опустивъ руки. Кровь облѣпила губы красной пѣной. Онъ стоялъ опустивъ руки и тихо двигалъ губами. —

— Смерды, смерды...

Привалилась толпа, выдыхая короткое и горяче дыханіе. Синій паръ трепеталъ надъ головами, попыхивая красными отсвѣтами зари. Сѣрымъ комкомъ метнулась внезапно дѣвчонка отъ красныхъ дверей пакгауза. Покатилась подъ ноги блѣднаго человѣка. —

— Не бейте, родненькіе, не бейте. . .

На ея стенанье откликнулся тонкій бабій голосъ. Вопль покатилъ, длительный, смутный. —

— И — и а—х. . . Батюшку мучаютъ... Отойди...

Выкругливъ глаза вышвыривали тяжелыя матюги... Затоптались. Сонное одутловатое лицо коренастаго мужика проснулось, затрепетавъ гнѣвомъ. Коричневые воротники охабней заслонили блѣднаго человѣка въ солдатской шинели...

Онъ уже шелъ желѣзно-дорожнымъ откосомъ, а за нимъ у красныхъ пакгаузовъ еще смутно лаяла и гомонила толпа.

Шелъ онъ блѣдный, безъ шапки, утирая грязной ладонью съ губъ пѣну крови.

Шелъ онъ навстрѣчу утреннимъ облакамъ. Надувъ тугіе паруса навстрѣчу ему подымались громады небесныхъ кораблей, полыхая зарей. *)

Ив. Лукашъ.

*) Повѣсть печатается въ виду ея художественнаго значенія. Въ оцѣнку политическихъ моментовъ произведенія редакція не входитъ.

ВЛ. СИРИНЪ.

Стихи.

* *
*

Мы вернемся, весна обѣщала.
О, мой тихій, тоскующій другъ!
Поцѣлуемъ мы землю сначала,
а потомъ оглядимся вокругъ.

Позабудемъ о пляскѣ и плачѣ
бѣсновато уродливыхъ дней...
Мы вернемся. Все будетъ иначе,
гдѣ горячій былъ нѣкогда лугъ.

Мы дороги иныя отыщемъ,
мы построимъ иные дома...
Зрѣетъ нива на кладбищѣ нищемъ,
гдѣ гроздилась зеленая тьма.

Млѣетъ зелень младенческой рощи,
гдѣ горячій былъ нѣкогда лучъ.
Все иначе, отраднѣе, проще,
чѣмъ мы думали, милый мой другъ!

Вл. Сиринъ.

* *
*

Уста земли великой и прекрасной
въ уста цѣлуютъ жизнь мою.
Я брежу радугами страстно
и млечный свѣтъ изъ лунной чаши пью.

И я хранимъ надеждой беззавѣтной:
я вѣрю, — Богъ позволитъ мнѣ,
хоть лучъ одинъ земли стоцвѣтной
запечатлѣть на тлѣнномъ полотнѣ.

Вл. Сиринъ.

* *
*

Ночь бродитъ по полямъ и каждую былинку
обводитъ узкою, жемчужною каймой,
и точно въ крупную, дрожащую росинку
земля заключена, средь вѣчности нѣмой.

И свѣтится трава, и клеверъ дышетъ сладко,
и дымка зыблется надъ пухомъ полевымъ,
и смерть мнѣ кажется не грозною загадкой, —
— а этимъ рѣющимъ туманомъ медовымъ.

Вл. Сиринъ.

* *
*

Шепчутъ мнѣ странники вѣтры:
братъ, вспоминаешь-ли ты?
Утромъ, на сѣверѣ свѣтломъ,
выше и тоньше цвѣты.

Дымчато влажное поле,
воздухъ, какъ дѣтство Христа...
Это-ль не лучшая доля?
Это-ли не красота?

Стелется розовый шелестъ
чистой зари по лѣсамъ...
Въ небѣ-ли солнце, въ душѣ-ли, —
ты и не вѣдаешь самъ...

Вл. Сиринъ.

ВАСИЛІЙ НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

Какъ велитъ природа.

КАКЪ ВЕЛИТЪ ПРИРОДА.

Какъ давно ему хотѣлось уйти отъ всей этой сутолоки искусственной и глупой жизни! Въ ней переплелось столько ненужныхъ потребностей, вовсе не важныхъ и ужъ совсѣмъ не занимавшихъ его задачъ: лицемѣрія, призрачныхъ обязанностей, необходимости улыбаться противнымъ и сквернымъ людишкамъ, мириться съ наглымъ и никого не обманывающимъ маскарадомъ, лгать и ласково выслушивать чужую ложь, спотыкаться на каждомъ шагу объ условности! Наконецъ и онъ почувствовалъ — дальше нельзя... Еще пока онъ былъ молодъ и вѣрилъ миражамъ — этотъ громадный и шумный городъ съ трескучими улицами и жадною на добычу толпой захватывалъ его. Онъ вѣрилъ глубоко яви нелѣпыхъ кулисъ, и крикливые монологи размалеваннаго шута будили въ его душѣ наивные восторги. На каждомъ цоколѣ — въ мраморѣ и бронзѣ мерещились рыцари духа. Въ самодѣльномъ, грубомъ и ржавомъ идолѣ чудился Богъ. Онъ молился и плакалъ тамъ, гдѣ другіе отбывали казенную повинность. И раньше чѣмъ слѣдовало, измоталъ нервы, утомилъ сердце и такъ измучилъ мысль, что у нея уже не было крыльевъ подниматься въ обманувшія ее поднебесья. Сусальныя звѣзды давно потускли, мишура и фольга облетѣли . . . Женщины, которыхъ онъ любилъ, измѣняли. Друзья изъ-подъ носу у него выхватывали все, что было его по праву. По кручамъ, съ которыхъ онъ падалъ, разбиваясь и оставляя на ихъ кремнистыхъ ребрахъ свою живую кровь, другіе съ загребистыми и цѣпкими лапами ползли все выше и выше и были уже на самой горѣ, когда онъ, затоптанный, сбитый, оглушенный лежалъ внизу, въ омутахъ и трясинахъ. Онъ не умѣлъ раздваиваться самъ и раздваивать все окружающее. Другіе каждаго встрѣчнаго дѣлили на маску и сущность — онъ принималъ первую за чистую монету, не угадывалъ второй и скоро надоѣлъ всѣмъ. Наглое тупоуміе сбивало его съ толку . . . Без-

церемонные люди локтями пробивались къ тому, что онъ любилъ, отбрасывая его въ сторону. Отнимали у него любовницу съ такою же легкостью, съ какой брали деньги. Пользовались имъ, какъ законной добычей и взявъ все, что имъ надобилось, швыряли его, какъ картофельную шелуху, въ мусорную яму. И чѣмъ онъ больше старился, тѣмъ шире и безнадежнѣе кругомъ раздвигалась пустота, до тѣхъ поръ, пока онъ не почувствовалъ себя одинокимъ, обманутымъ, утомленнымъ, висящимъ въ страшномъ, ничѣмъ, кромѣ призраковъ, не наполненномъ пространствѣ. Оглядываясь на прошлое — на эту длинную дорогу ошибокъ и разочарованій — онъ завидовалъ тѣмъ, которые остались подъ ея вѣхами — давнымъ давно забытыми крестами далекихъ могилъ. Особенно умершимъ молодыми, не успѣвъ похоронить надеждъ и облетѣть, какъ чахлое дерево, безпощадною холодною осенью. Ихъ глаза, передъ тѣмъ, какъ сомкнуться навсегда, были жадно и довѣрчиво открыты, сердце билось восторгомъ и радостью — а онъ, пережившій ихъ, попиралъ свои идеалы, какъ осыпавшіеся подъ вѣтромъ сухіе листы . . . Еще шуршали подъ его ногами, но онъ уже не глядѣлъ на ихъ объѣденные червями трупы. Пробовалъ запираться. Уходилъ въ книги. Ему самому смѣшно было, что еще недавно онъ плакалъ надъ ихъ страницами. Душа выгорѣла, какъ забытая въ оставленной комнатѣ лампа, и когда знакомыя строки воскрешали въ памяти недавніе соблазны опостылѣвшей жизни — онъ замыкалъ шкапы съ любимыми авторами, ложился на диванъ и тупо смотрѣлъ въ сгустившійся передъ нимъ сумракъ. Сигара около; въ ея дыму чудились едва различимые облики. Куда разметала судьба этихъ дорогихъ въ прошломъ людей? Живы ли они и такъ-же дотягиваютъ ненужное существованіе или ушли въ будничную сыть и дѣла имъ нѣтъ до угасшихъ, какъ нагаръ въ фитилѣ, чарованій ? . . Лѣтъ двадцать назадъ онъ не могъ представить себя такимъ безучастнымъ! Такою некчемью, выкинутой случайною волной на пустынный берегъ . . . Часы шли за часами. Тусклые четыреугольники оконъ озарялись съ улицы мертвымъ неподвижнымъ свѣтомъ фонарей, тягуче и скучно мотался маятникъ. Тикали маленькіе часы, точно около билось чье-то спѣшное, крохотное сердце. Выступали золоченныя рамы. Въ бездонную глубь уходили ихъ картины. Странно намѣчивались большія бронзовыя фигуры . . . Болѣлъ бокъ отъ лежанія, тяжелѣла голова, дышать казалось нечѣмъ. Вставалъ и шелъ куда-нибудь — и вездѣ самому себѣ казался мертвецомъ, брошеннымъ въ суетливую бѣготню и дурацкую оторопь чужого кочковатаго и омутистаго міра. У другихъ сердце прирастаетъ если не къ людямъ, такъ хоть къ вещамъ, которыя съ ними вмѣстѣ состарились. Ему тошно было смотрѣть на все, что онъ собралъ изъ-за далекихъ морей и океановъ въ яркомъ калейдоскопѣ пестрой чужи . . . Когда-то онъ любилъ говорить и говорилъ

хорошо, но потомъ ему вдругъ самому сдѣлалось смѣшно: зачѣмъ и кому? Вѣдь его слушали, какъ смотрятъ на ловкаго акробата, и когда онъ весь былъ въ огнѣ охватывавшаго его восторга, въ стремительномъ полетѣ вдохновенныхъ мыслей и образовъ — ему готовы были аплодировать, какъ аплодируютъ смѣлому гимнасту, перелетающему съ одной трапеціи на другую надъ головами ошеломленныхъ зрителей. И, приходя въ себя, вновь на землѣ, въ еще не остывшемъ жару заоблачныхъ экстазовъ — онъ въ равнодушныхъ лицахъ читалъ, что никому не дороги и не нужны его поднебесья, а лишь занимательна эквилибристика языка. Точно имъ, какъ клавишами, не играла взволнованная и почуявшая божественные зовы душа! Мрачнѣлъ, уходилъ въ себя, становился неинтереснымъ, и слушавшее его общество съ еще большимъ увлеченіемъ обращалось къ какой-нибудь новой сплетнѣ, къ неожиданной по своей подлости клеветѣ, къ подколодной интригѣ, къ вѣчной переоцѣнкѣ чужихъ репутацій, и ему вдругъ дѣлалось стыдно недавнихъ порывовъ. Не зналъ, куда дѣваться послѣ метанія бисера передъ свиньями, которыя бы только захрюкали, — услышавъ даже Моисея, сошедшаго съ Синая. Онъ мало по малу пріучался молчать, пока не замолчалъ совсѣмъ! Замолчалъ, ушелъ въ сплошную жуть одиночества, но враждебный, опротивѣвшій міръ и здѣсь говорилъ ему сквозь стекла его оконъ. На улицахъ — въ нежданныхъ встрѣчахъ. Въ назойливыхъ письмахъ. Со страницъ газетъ . . .

II.

Онъ и уѣхалъ.

Совсѣмъ случайно! Наканунѣ не думалъ объ этомъ. Вышелъ изъ дому. Было скверно. Шелъ ладожскій ледъ, и вмѣстѣ съ нимъ по окоченѣвшему городу кружилась настоящая пурга. Тысячи бѣлыхъ завѣсъ мотались въ сѣрыхъ сумеркахъ. Вѣтеръ злобно забирался подъ полы. Швырялъ въ лица горстями рыхлаго снѣга. Сыпалъ его за воротники и съ пронзительнымъ воемъ бѣжалъ дальше вдогонку за пѣшеходами, спѣшившими домой. Щелкалъ дверьми, грохоталъ въ вывѣскахъ, стучался въ окна. Стоналъ и плакалъ въ трубахъ. Тротуары обмерзли. Люди то и дѣло падали.

Добрался до Знаменской площади. Грузный и неуклюжій памятникъ горой намѣчивался въ метавшихся кругомъ бѣлыхъ облакахъ. Засыпанные снѣгомъ трамваи то вылетали изъ нихъ, тревожно подавая звонки, то пропадали въ этой мари. Жмурясь и чертыхаясь, извозчики и сѣдоки

торопились къ вокзалу. Самъ не давалъ себѣ отчета, какъ очутился на его ступенькахъ. Пріостановился было, не зная куда ему податься, какъ вдругъ кто-то схватилъ его за руку.

— Владиміръ Александровичъ! .. какъ я рада! .. какъ рада!

Круглое, румяное личико, все влажное отъ снѣга. Яркіе, радостные глаза. Жиденькая кофточка плотно охватывала тоненькую и гибкую фигуру. Изъ-подъ барашковой, тоже засыпанной бѣлымъ, шапочки круто завитая на затылкѣ толстая, тугая коса.

Пристально всмотрѣлся.

— Да неужели вы, вы меня не узнаете? .. Сашу? Сашу Полозову? .. Сколько разъ я приходила — поблагодарить васъ и все «дома нѣтъ!» или, еще обиднѣе, «не принимаютъ». А вѣдь мнѣ такъ надо, такъ надо было сказать вамъ, сколько вы для меня сдѣлали . . .

И вдругъ у ней голосъ дрогнулъ . . .

— Вѣдь если бы не вы . . .

Изъ глазъ покатилось. Только не капли растаявшаго снѣга.

Полозова вдругъ наклонилась и поцѣловала его руку.

— Что вы, что вы . . . Саша . . . Какъ вамъ не . . . не надо, не надо этого. Зачѣмъ? . .

— Какъ не надо. Вѣдь я на ногахъ. Кончила курсы. Пропала бы ! . . А теперь ѣду порадовать своихъ стариковъ. Скоро и вамъ выплачивать начну. Легко ли — четыре года я жила на вашъ счетъ. У меня ужъ тамъ есть мѣсто. Вы не шутите — я учительница гимназіи . . .

— Сейчасъ ѣдете?

— Нѣтъ. Только справляюсь о билетахъ. Дорогой, милый, великодушный, подарите мнѣ еще одну радость . . . Вы такъ много . . . Такъ безконечно много для меня уже . . . А это вамъ ничего, ничего не будетъ стоить. Хоть часъ. Гдѣ хотите — у васъ или у меня. Мнѣ надо вамъ сказать еще . . . Вѣдь я жила надеждой наконецъ увидѣть васъ живого . . . настоящаго. На карточкѣ, которая у меня, вы совсѣмъ, совсѣмъ не похожи. Вы тамъ злой, мрачный, а вѣдь я знаю, какой вы хорошій . . . Лучшій изъ людей . . . Да, да, лучшій, кто же бы сдѣлалъ то, что вы? И мнѣ — ни разу даже не дали о себѣ знать . . . хорошо? Вы подождете меня? Минуту . . . Въ вокзалѣ?

Они вошли.

Носильщики таскали узлы и чемоданы. Оторопѣвшіе люди спѣшили, толкались. Воздухъ былъ тяжелый. Пахло потомъ и грязнымъ тѣломъ. У кассъ длинными хвостами стояли люди. Направо у большого образа, точно

въ какомъ-то пару, горѣли свѣчи и лампады. Плакалъ ребенокъ ... На кого-то кричалъ жандармъ ... Чей-то смѣхъ ...

— Вотъ и я ... Скоро?

— Да ... Вы куда же ѣдете?

— Завтра, къ себѣ на югъ. У насъ теперь отлично! Деревья, какъ невѣсты въ вѣнчальной фатѣ, сплошь въ бѣломъ цвѣту, и только кипарисы, совсѣмъ черные монахи. Они вѣдь ничему не рады: ни весеннему солнцу, ни зимнимъ тучамъ. Когда я была маленькой — мнѣ было ихъ страшно жаль. Помню, все у мамы добивалась: когда они смѣются. А та мнѣ: — имъ некогда, они молятся ...

Онъ подозвалъ карету.

— Садитесь, Александра ... Александра ...

— Какая я вамъ Александра, просто Саша. Вѣдь вы мнѣ ближе всякаго родного, дороже васъ никого на свѣтѣ нѣтъ.

— Ну полно, будетъ.

— Нѣтъ ужъ позвольте, я о такой встрѣчѣ всѣ эти четыре года мечтала. У меня есть подруга. Славнюшка! Она смѣялась даже: — ты, говоритъ, своего Бога и не видала никогда, а все на него молишься. Да вѣдь кто Бога видитъ? А вотъ теперь, когда я съ вами — мнѣ ужъ ничего, ничего больше не надо. Стала бы на колѣни и все на васъ смотрѣла.

Онъ усмѣхнулся и за всѣ эти долгіе годы одиночества, едва ли не въ первый разъ, что-то постучалось къ нему въ сердце. Она держала его за руку и тогда, когда они сидѣли въ коретѣ, точно боялась, что Владиміръ Александровичъ вдругъ отворитъ дверцу и соскочитъ на улицу. Соскочитъ и пропадетъ — какъ во снѣ. Онъ чувствовалъ тоненькіе зябкіе пальчики и по трепету ихъ угадывалъ, что въ этой молодой душѣ еще не завелась червивая ложь ...

— Нѣтъ, какъ хорошо, какъ хорошо, что я васъ встрѣтила ... Какой счастливый день! второе апрѣля — теперь оно для меня всегда будетъ, какъ въ календарѣ, въ красную строку. Праздниковъ праздникъ. Сколько я вамъ писала ... Вы не разу не отвѣтили даже ... Я это понимаю ... Не жалуюсь ... Вы наверху, ужасно далеко ... А я — маленькая, жалкая гдѣ-то внизу. Козявка. Вамъ не до меня! .. А знаете, вѣдь я какъ плакала! Четыре года жила на вашъ счетъ. А вы такъ отгородились ... обидно и больно было. Думала, гордый, недоступный! .. Ну гдѣ такому ничтожеству, какъ я ... И ступеней нѣтъ къ вамъ, на высоту.

Ему вдругъ захотѣлось распахнуться хоть передъ этой дѣвочкой.

— Высоту? .. нечему завидовать, Саша. На моей высотѣ страшно холодно и одиноко. Я замеръ на ней ... У меня въ душѣ ни одного

огонька... Все сгорѣло и потухло... давно потухло. Людей я не люблю и не вѣрю имъ, давно не вѣрю...

— Неправда, неправда, неправда.

И онъ почувствовалъ, какъ судорожно сжались ея плечи.

— Людей не любите!.. А зачѣмъ же вы имъ, мнѣ помогаете?

— Это самое дешевое, Саша, откупиться деньгами...

III.

Человѣкъ, отворившій имъ двери, попятился, увидѣвъ барина съ дѣвушкой. Онъ, впрочемъ, сейчасъ же узналъ ее и улыбнулся. Каждое первое число возилъ ей деньги и всякій разъ, когда она звонилась, съ сожалѣніемъ отвѣчалъ ей: нѣтъ дома; не принимаютъ...

— Сергѣй, дай намъ чаю... Воображаю, Саша, какъ вамъ холодно. Затопи каминъ.

— Я уже... Думалъ вы прозябнете...

— Спасибо. Я то ничего, а вотъ она... Какъ вы легко одѣваетесь!

— Привыкла... У васъ славно!.. Рая не надо... Красиво... Картины! а книгъ то, книгъ! Забраться бы съ ногами на диванъ и все читать — читать. Я и воображала, что именно такъ вы должны жить... и вы одни, одни?.. Всегда одни?

— Кому же.

— Ну. Кто-нибудь. Чтобы кругомъ шевелилось живое.

Онъ помолчалъ.

Сидя у камина въ глубокомъ креслѣ, она отогрѣвалась, какъ озябшая кошка на солнцѣ... Онъ смотрѣлъ на нее. Пламя играло въ ея темныхъ глазахъ и на смугломъ, румяномъ лицѣ...

— Отъ васъ дѣйствительно вѣетъ югомъ!

— Вы знаете, вѣдь у меня мать цыганка... простая цыганка. Отецъ увезъ ее изъ хора чуть не дѣвочкой и женился...

— Что вы на меня такъ смотрите?

— Нельзя?

— Нѣтъ, почему-же!

— Я все думаю: такой ли вы, какимъ я васъ воображала. Вѣдь и видѣла то я васъ издали — въ театрѣ на улицѣ... Сегодня подошла потому,

Максъ Бандъ *Мужской портретъ*

что было темно, не стыдно . . . и то страшно было. А вдругъ вы крикнете — пошла вонъ ! . .

— Только этого не доставало! . .

— А вы вблизи лучше . . . Ужасно къ вамъ эти сѣдые волосы на вискахъ идутъ . . . и такое у васъ лицо . . . Я себѣ не могу представить, какъ оно можетъ смѣяться . . . и вы большой . . . какъ . . . какъ царь Саулъ.

— Почему Саулъ? . .

— Не обращайте вниманія . . . Я такъ рада, такъ счастлива . . . И потому, я вдругъ какъ-то поглупѣла. Обыкновенно я умнѣе . . . да именно царь Саулъ, когда Давидъ приходилъ играть ему на гусляхъ, а онъ долженъ былъ такъ же мрачно . . . нѣтъ не мрачно, а скорѣе печально смотрѣть на костеръ, какъ вы сейчасъ на каминъ этотъ. Да я теперь вижу, что около нѣтъ женщинъ . . . Будь такая—у васъ было бы лицо. . . мягче. . . Вы бы нѣтъ-нѣтъ да и улыбнулись. Можно?

И она взяла его руку . . .

Онъ слегка сжалъ ее, и она опять поднесла его пальцы къ губамъ.

— Саша, не надо. Не цѣлуйте рукъ.

— И вовсе не цѣлую . . . А прикладываюсь. Развѣ вы такой большой, умный, недостижимый, не понимаете, что вы такое для меня? Изъ какихъ-то потемокъ вышла я — вотъ на этотъ огонекъ къ вамъ — и завтра опять уйду въ потемки и, можетъ быть, во всю остальную жизнь у меня и свѣта больше не будетъ. И вы забудете . . . Пролетѣла какая-то мошка — у вашего окна, на минуту ее солнце показало вамъ, а куда она дѣлась — какое вамъ дѣло!

И она тихо заплакала, прижавъ его руку къ глазамъ.

— Простите, не буду, больше не буду... Вы не думайте. Я вѣдь вовсе не нюнька. А только сегодня никакъ совладать съ собой не могу... И совсѣмъ, совсѣмъ притворяться и лгать не умѣю.

— Всѣ люди лгутъ.

— Только не я, только не я.

Онъ тихо погладилъ ее по головѣ. Она какъ ребенокъ:

— Еще... еще...

— Теперь не лжете... Потомъ научитесь...

— Никогда... никогда. Да я и не умѣю, даже когда нужно... Напримѣръ, на экзаменѣ.

IV.

Онъ вслушивался въ ея голосъ, и что-то ласковое, нѣжное, умирающее закрадывалось въ его опустошенную душу. Богъ знаетъ изъ какой дали вѣяло молодымъ, яркимъ, прекраснымъ. Точно впереди опять чуть-чуть проступалъ въ сумеркахъ старый забытый миражъ, и столько разъ обманутое сердце тянулось къ нему на зло проклятому и холодному опыту.

— Какая вы счастливая, Саша...

— Сейчасъ? да... Разумѣется... только мое счастье недолгое...

— Почему?

— До дверей вашей квартиры. Замкнутся онѣ и на лѣстницѣ конецъ мечтѣ...

— Нѣтъ... Вы молоды, сильны. Вѣрите и въ сонъ и въ явь. Даже страшно, такимъ старикамъ, какъ я.

— Вы... вы старикъ!

Она откинулась, посмотрѣла на него со стороны, потомъ наклонилась, взглянула ему въ глаза.

— Вы... старикъ! нѣтъ, нѣтъ и никогда этого не говорите. Вы — настоящій... только...

— Что только?

— Какъ бы это?.. Будто вы сами себя въ застѣнокъ посадили, и ничего, что кругомъ, знать не хотите. Пусть тамъ люди борятся, страдаютъ, любятъ, радуются — вамъ этого ничего не надо. А вѣдь стоитъ вамъ только руки протянуть, и цѣлый міръ вашъ.

— Какая вы восторженная, Саша... Помните: «не сотвори себѣ кумира!»

— А безъ кумира жить нельзя. Скучно, жутко и блѣдно. У васъ не было кумировъ?

— Были... и когда я разбилъ ихъ, кумиры оказались болванами, пустыми внутри. Тоже, что и глиняные горшки. Только безполезнѣе... Въ тѣхъ хоть кашу сваришь!

— А зачѣмъ было ихъ быть? Человѣку кумиръ нуженъ, какъ символъ. Вѣдь молятся не бронзѣ или мрамору. Я бы не трогала. Пускай стоитъ на цоколѣ. А вы для меня не только кумиръ. Кумиры живые не бываютъ.

Она вдругъ сползла на колѣни, взяла его за руки и не отрывала молодыхъ сіяющихъ глазъ отъ его лица...

Попробовалъ отодвинуться, да она замолилась.

— Не надо... Не надо... Вѣдь я такъ далеко уѣду и никогда васъ не увижу... Вѣдь все равно, что умираю и прощаюсь съ вами. Для васъ умираю...

Что-то, точно облакомъ, окутало его. Сердце забилось, горячая волна поднялась въ груди... Толкнуло его руки къ ея плечамъ. Взялъ ихъ, притянулъ къ себѣ, и ея голова съ крутою и сильною, завернутою на затылкѣ косою упала ему на колѣни. Самъ потомъ не помнилъ, какъ поднялъ ее и посадилъ къ себѣ, и у его щеки оказалась ея — пылающая... И всю ее повело трепетомъ, передававшимся каждому его нерву. Тонкая гибкая, податливая, какъ стальная пружина, Саша припала къ нему и, точно во снѣ, онъ слышалъ у самаго уха: «какъ хорошо... Вотъ она моя мечта безсонныхъ ночей... Вы знаете, у меня вашъ портретъ былъ всегда подъ подушкой и въ темнотѣ я... я цѣловала его... А теперь живой, настоящій... И тянетъ меня, какъ тянетъ. Какъ я благодарна за эту минуту. Не повторится. Зато всю жизнь освѣтитъ.

Губы ихъ касались одними уголками. Но это было сильнѣе, томительнѣе поцѣлуя...

Старый миражъ надвигался и охватывалъ его волшебствомъ вѣчныхъ обмановъ. У нея было столько счастья, такою свѣжестью вѣяло ея дыханіе, что и выгорѣвшая душа Владиміра Александровича наполнялась новымъ, живымъ, горячимъ, пьянящимъ. Какой-то посторонній звукъ ворвался въ эту согласную и красивую молитву. Тягуче-безжалостно били часы.

— Саша, двѣнадцать... Вамъ пора домой...

Оторвалась... Встала и сейчасъ же схватилась за спинку кресла: шатало, какъ пьяную. Зажмурилась. Онъ поднялся, взялъ ея руку.

— Жалко... — Чуть-чуть проговорила она.

Онъ скорѣе угадалъ, чѣмъ разслышалъ.

— Что жалко?..

— Жалко уходить... Страшно жалко... Завтра все равно уѣду... Никогда не встрѣтимся... Хоть сегодня часъ да мой.

— Саша, вы ребенокъ. Вы сами не понимаете... Я спалъ до васъ, вы разбудили меня, и теперь во мнѣ ключомъ забилось. Жить... жить... Я не ручаюсь за себя... А потомъ...

— И я не ребенокъ... Понимаю все... И никакихъ мнѣ ручательствъ не надо, ни жалости, ни ручательствъ! Вамъ хорошо со мною? Воскресли

— зачѣмъ же опять умирать. Я не жила совсѣмъ — я тоже хочу жить и никакого мнѣ дѣла до вашего «потомъ»...

И вдругъ, уже прильнувъ къ его груди:

— Не гоните меня... тамъ — такое ненастье... Снѣгъ... Холодъ. И у васъ вѣдь не двѣ жизни...

Порывисто обнялъ ее, точно ослѣпъ! Ему показалось, что вся эта комната и они въ ней кружатся и уносятся куда-то, прочь отъ долгихъ скучныхъ будней. Послѣднія искры сознанія вспыхнули въ немъ. Онъ на мгновеніе почувствовалъ бездну у ногъ. Остановился. Хотѣлъ собрать разбѣгавшіяся мысли.

— Послушай, Саша... Есть время, уйди... Ты не знаешь, ты ничего не знаешь... Вѣдь пойми, я не могу жениться. Я связанъ...

— Все знаю, все... И о той, теперь чужой вамъ, женщинѣ. Все... И при чемъ тутъ — жениться. Я сама не хочу. Я одного, одного васъ любила. Издали, покорно... Какъ Бога, и когда онъ сошелъ для меня на землю — мнѣ отказаться отъ него! Я сама не хочу — вашей женой. Мы оба должны быть свободны. Кому до насъ дѣло. Мнѣ кромѣ ласки ничего, ничего...

Говорила торопливо, будто спотыкаясь... Цѣпляясь за него, точно онъ сейчасъ, сію минуту уйдетъ отъ нея. Льнула къ нему гибкая, тонкая, вся пылающая, точно всего обвить хотѣла такъ, чтобы каждое движеніе его было связано съ нею.

За окнами выло, рыдало, билось. Бѣлыя облака снѣгу носились по окоченѣвшимъ улицамъ. И казалось, весна спряталась здѣсь, въ этихъ теплыхъ комнатахъ. Спряталась, такъ ихъ наполняя, что вся муть и жуть долгихъ будней, вся постылая скука молчанія и одиночества бѣжали куда-то прочь... Угли потухли въ каминѣ... Мракъ и во мракѣ вѣчные миражи. Заколдованые, завороженные оба шли изъ дверей въ двери... Слабаго свѣта фонарей съ улицы было довольно. Такъ сверкали и горѣли души, что все кругомъ тонуло въ ихъ отчаянной, бокъ о бокъ со смертью, радости. Молчали уста, имъ не о чемъ было говорить, когда чувствовалъ, говорилъ безъ словъ и отвѣчалъ каждый атомъ воскресшаго обожествленнаго тѣла...

V.

На другой день ночью поѣздъ отходилъ на югъ. Владиміръ Александровичъ взялъ купе. Ему хотѣлось какъ можно скорѣй оставить позади эту мутную скверную весну. Саша блѣдная, утомленная, но счастливая,

старалась какъ можно меньше занять мѣста. Онъ ей казался почему-то такимъ огромнымъ, хоть всего на полголовы былъ выше ея, что ему и всего дивана здѣсь будетъ мало. Она уже не спрашивала его, куда они ѣдутъ. Рѣшила, что домой къ своимъ старикамъ она заѣдетъ потомъ, и это «потомъ» уходило куда-то въ мутный туманъ. Вѣдь сейчасъ было все такъ ярко, хорошо, красиво. Онъ, впрочемъ, самъ вспомнилъ:

— А домой когда?

Помолчала, помолчала...

— Не знаю... Тамъ ждутъ... Только... Когда надоѣмъ вамъ.

— Опять «вамъ»...

— Не могу... не могу. Мнѣ страшно «ты».

— Вчера же говорила?

Она вспыхнула и спрятала лицо у него на груди.

«Неужели и этотъ миражъ обманетъ»? — задумывался онъ, играя громадною тяжелою косой.

За окномъ, точно во мракѣ рождавшіяся и гаснувшія неслись, искры... Порою откуда-то издали мигали огоньки и жмурились. Онъ опустилъ занавѣску... Пришелъ кондукторъ. Оба вышли въ коридоръ. Какая-то дама узнала его, ждала, что онъ ей поклонится и, не дождавшись, подошла сама.

— Владиміръ Александровичъ!.. Какъ давно я васъ не встрѣчала!.. Вы совсѣмъ забыли всѣхъ нашихъ... Далеко?

— Да...

— Вы не одни?

— Съ женою...

Саша отвернулась, дернула его за руку.

— Поздравляю... Познакомьте насъ.

— Саша. Марья Васильевна Голоушева.

— Эта ваша свадебная поѣздка?

Та, вся краснѣя, не отвѣчала.

— Почти что...

— А я и не слышала. У насъ никто не зналъ.

— Да я не для другихъ женился...

Когда они вошли, въ купе, Саша положила ему руки на плечи.

— Ну, зачѣмъ это, зачѣмъ?.. Неправду!

Въ Москвѣ поѣздъ подошелъ къ Курскому вокзалу. Было солнечно, ясно... Когда двинулись дальше — направо загорѣлись купола Симонова и

Донского монастырей, сотнями свѣчекъ поднялись колокольни надъ моремъ зеленыхъ крышъ и садовъ. Точно осколки зеркала блестѣли въ ямахъ и выбоинахъ тали отъ послѣдняго снѣга. Тучами носились грачи... Земля просыпалась творческая, могучая, дыша полною грудью и выгоняя на свѣтъ всю зиму спавшія зерна... Курскъ проѣхали въ звѣздную ночь... Когда они выходили на платформы, степь уже посылала имъ ароматный привѣтъ. Тепло, влажно, хоть дождей здѣсь еще не было. Приподнявъ занавѣску подъ Бѣлгородомъ Саша закрыла глаза. Ее точно ударило и ослѣпило горячимъ солнцемъ. За Харьковомъ въ чистой лазури стояли тополи а надъ полями, въ воздухѣ, радостно кувыркались жаворонки...

— Что жъ ты меня не спросишь, Саша, куда мы ѣдемъ?

— А развѣ мнѣ не все равно, лишь бы съ тобою... Я вѣдь твоя, куда ты хочешь, туда и возьмешь.

Уже привыкла къ еще вчера до слезъ смущавшему ее «ты».

— Мы въ Ростовѣ сядемъ на пароходъ. До Сухума, а тамъ посмотримъ.

— Какъ хорошо! Я въ раю.

— Увы, твоему раю — сорокъ пять лѣтъ.

— Какъ тебѣ не стыдно! Я не хочу никакого другого.

— Это пока. Помни одно, когда я тебѣ надоѣмъ...

Она не дала ему докончить, зажала ротъ горячей ладонью. Тополи все чаще и чаще... «Бѣлыя невѣсты вишневыхъ садовъ». Владиміръ Александровичъ вспомнилъ это сравненіе Саши и вдругъ спросилъ ее:

— Ты никогда не писала стиховъ?

— Кто тебѣ сказалъ? — растерялась она.

Расхохотался...

— Значитъ писала и пишешь... Я самъ...

И запнулся, вспомнивъ, какъ критика когда-то обругала его книжку. Больше онъ впрочемъ и не пытался. И съ этимъ миражемъ въ свое время простился.

— Только погоди, не печатай.

Бѣлыя невѣсты вишневыхъ садовъ все пышнѣе и пышнѣе. Скоро показались розовыя облака миндаля задышало издали, еще невидимое море. Вся грудь наполнялась его бодрящею силой. Оно, какъ волшебный напитокъ, наливало жилы несравненною мощью. Съ души сползала разслабляющая плѣсень окоченѣвшаго Сѣвера. Хотѣлось жить во всю, чувствовать себя счастливымъ, смѣлымъ, неутомимымъ. Любить, любить, безъ конца, безъ устали, хоть обмануться вѣчною фата-морганой. Только не

задыхаться въ вонючей трясинѣ остуживающей яви. Громадныя деревья, безконечные обозы медительныхъ воловъ, грязная едва-едва волнующаяся и движущаяся овчина большихъ отаръ. Саша на все смотрѣла, точно видѣла колдовской сонъ, боялась проснуться. «Неужели не сплю?» и чтобы убѣдиться въ этомъ, цѣловала Владиміра Александровича... Вечеромъ вдали (солнце заходило за тучи, и изъ-за нихъ лилась его горячая кровь) вдругъ краснымъ полымемъ загорѣлось море...

VI.

Пароходъ шелъ точно по зеркалу.

— Твое счастье, Саша.

— А что?

— Если бы закачало... Все бы очарованіе нашей поѣздки изчезло...

Двойной серебряный шлейфъ позади... Бѣлая пѣна изъ-подъ винта взмыливается чуть не до кормы. Черное пламя дыму сыплетъ чернымъ дождемъ въ лазурную бездну, а небо, небо. Какая святая глубина! Невольно ищешь въ ней обѣтованныхъ, но еще никогда не воплощавшихся призраковъ. Далеко, заласканные солнцемъ, спятъ утомленные берега. И въ каждой складкѣ ихъ дразнятъ воображеніе на диво разросшіеся орѣшники, мощные чинары и дубы, у самыхъ корней которыхъ бѣгутъ испуганно, гонимые солнцемъ съ далекихъ ледниковъ потоки... Бѣгутъ и орутъ отъ ужаса на всю эту чащу... А самые ледники — они, какъ причастныя чаши, поднялись и замерли въ каменныхъ рукахъ великолѣпныхъ горъ... Мимо, мимо... Саша не отходитъ отъ перилъ. Облокотилась и то разглядываетъ, что тамъ въ синей пропасти подъ нею, то хочется ей разсмотрѣть бѣлыя черточки мерещущагося жилья на берегу... Блаженные дни, присноблаженныя ночи жадной, ничѣмъ неутолимой жизни. Пробужденіе для солнца и голубого свѣта!.. Иногда навстрѣчу такой же пароходъ. Оттуда смотрятъ, и, ей кажется, на нее именно. Есть ли и тамъ такое же счастье?.. Къ самой водѣ припалъ бѣлымъ крыломъ острый парусъ — скользитъ куда-то фелюга, и обгорѣлые горбоносые, въ красныхъ фескахъ, оборочиваются къ ней. Кричатъ ей. Оскаливаются; зубы, кажется, морской канатъ перегрызутъ, и опять голубая пустота, въ которой никому и никуда не заказаны дороги. Задумалъ, — поставь вѣтрило и несись навстрѣчу заворожившему тебя обману... Такъ было хорошо! И когда пароходъ присталъ къ Сухуму, ей вдругъ стало жаль палубы, бѣлой каюты, въ которой столько было пережито, какъ три дня назадъ грустно

было прощаться съ тѣснымъ купе душнаго вагона. Тѣснымъ, такъ что ей постоянно приходилось чувствовать знобящую теплоту около...

Много солнца, воздуха и моря... Призрачныя горы отошли отъ этого простора и по нему зелени!.. зелени!.. Земля точно задыхалась отъ полноты творческихъ соковъ. Все на ней стремилось перерости сосѣда. Евкалиптусы хотѣли подпереть небо, и оно, благоволящее и святое, улыбалось имъ безоблачною синью. Чинары раздавались вширь. Знали, какъ нужна всякому дыханію живоносная тѣнь, и все дальше и дальше распростирали отеческія, благословляющія, могучія вѣтви. Молитвенные кипарисы одни на этомъ праздникѣ безудержной жизни безъ словъ говорили свое „memento mori". Орѣшники сплетались въ такія чащи, гдѣ застрѣвали кабаны и дико хрипѣли, не зная, какъ имъ выбраться изъ этихъ зеленыхъ объятій... На припекѣ виногродныя лозы. Мягкими, нѣжными эмалевыми узорами затягивали пустыри фіалки и астры... И за ними опять стѣною стояли исполины алучи, караагача и сладкаго тутоваго дерева. Плющи влюбленнно окутывали старую кору. Впивались въ каждую ея трещину, обвиваясь вокругъ тщетно старавшихся избавиться отъ ихъ страсти сучьевъ... И вдругъ, точно застигнутыя вакханки, въ зеленомъ му пракѣ раскрывали жадныя и неутолимыя губы мелкіе гранатники. И вездѣ между ними, врываясь въ каждое пустое мѣсто, заполняя пробѣлы розовымъ и бѣлымъ туманомъ, стояли вишни и миндали, абрикосы и персики... Праздникъ жизни, пьяный, безстыдный праздникъ, гдѣ было столько бунтующей хмѣльной горячей крови, что природа срывала съ себя послѣдніе покровы и, томясь подъ солнцемъ, въ милліоны цвѣтушихъ ртовъ кричала: приди, приди скорѣе, я жду тебя, жду...

Владиміръ Александровичъ точно протиралъ глаза...

Сумеречный, скисшій въ трясинѣ, чахлый, чахоточный и брюзжащій Петербургъ съ плѣшинами вокругъ и грязною ватой тучъ надъ собою — казался отсюда кошмаромъ. Какъ можно было столько лѣтъ, долгихъ, мучительныхъ, обидныхъ, убить въ его смрадѣ и заразѣ, когда тутъ, въ какихъ-нибудь четырехъ дняхъ — лучилась, горѣла, благоухала, тысячами бѣгучихъ водъ, милліардами птичьихъ пѣсенъ ликовала чудесная, манящая въ свое материнское лоно земля! Что его держало на привязи въ каменныхъ тюрьмахъ страдальческаго города, сочившагося во всѣ скважины кирпичныхъ кладокъ гноемъ и вонючимъ потомъ... Вся накипь разочарованій, гипнозъ обманутыхъ надеждъ, обида вѣчной клеветы, измѣны и лжи ушли прочь. Этимъ призракамъ сѣрыхъ и больныхъ ночей нельзя было побѣдить свѣтлаго южнаго Бога. Здѣсь жизнь проста, любовь легка и неизбѣжна. Люди носили въ душѣ смѣхъ и ясность. И если ненавидѣли, такъ

не изподтишка, а открыто. Размахнувшаяся рука била, а не висѣла вѣчною угрозой надъ утомленной головою...

VII.

Насъ всѣхъ удивило.

Какъ-то заѣзжаю уже лѣтомъ къ Владиміру Александровичу.

Едва ли не я одинъ продолжалъ бывать у него. На этотъ разъ весну до іюня я шатался по Испаніи и только недѣлю назадъ вернулся въ Петербургъ. На Сергіевской, гдѣ жилъ онъ — на всѣхъ его окнахъ бѣлѣли билетики. «Квартира сдается.» Спрашиваю у швейцара.

— Да ихъ давно нѣтъ. Съ апрѣля.

— Перемѣнилъ улицу?

— Нѣтъ, они совсѣмъ куда-то въ провинцію. Спросите у ихъ человѣка. Онъ на квартирѣ. Собирается и самъ за ними...

Подымаюсь.

— Гдѣ Владиміръ Александровичъ?

— Такъ что навсегда отсюда... Около Сухума на Кавказѣ купили себѣ домъ съ садомъ. Вещи и мебель которая, — давно отправлены. Теперь меня вызываютъ, пишутъ: «слуги мнѣ не надо, я теперь самъ обхожусь, а если тебѣ (это мнѣ) надоѣло по чужой дудкѣ плясать и захочешь человѣкомъ пожить — пріѣзжай, я и для тебя уголокъ выстрою. Все-таки свой около». Вѣдь я у нихъ двадцать лѣтъ...

— Что жъ вы?

— Ужли жъ здѣсь останусь? Вѣдь и они — послѣдніе года тосковали, такъ что ото всѣхъ кромѣ васъ заперлись, и кто къ нимъ не приходилъ, всѣмъ былъ одинъ отвѣтъ: нѣтъ дома. Я такъ думалъ: болѣзнь у нихъ какая. А тутъ подсыпалась одна. Прямо надо сказать, Господь имъ послалъ. Теперь сказываютъ, радуются, какъ въ раю. Пишутъ: «жизнь здѣсь простая и никакихъ скучныхъ переплетовъ нѣтъ, ни о какіе углы не околачиваешься»... такъ и выражаются: пріѣзжай, Павелъ не въ слуги, а въ сосѣди. Я тебѣ радъ буду». Мнѣ тоже тепла хочется. Достаточно я озябъ здѣсь. Вѣдь мы херсонскіе, къ солнышку привыкли. А тамъ сады. Мы со всей семьей испоконъ вѣку съ фруктовыми деревами обходились. Ужъ я такъ радъ, такъ радъ... И на эту, которая — прямо молиться буду. Мы вѣдь до нея въ потемкахъ жили. А какъ она тогда вечеромъ пришла — прямо за барина руками. И изъ могилы вытащила. Не дѣвица, а лампада передъ иконой.

— Гдѣ же онъ ее нашелъ?

— Давнее! Годовъ пять назадъ не помню кто, ужъ не вы ли? Разсказалъ про учебную барышню... Спичками она отъ бѣдности травилась, да выходили ее, ну, а на другой день онъ самъ въ газетѣ про этотъ случай прочелъ.

— Шурка Полозова!

— Ну вотъ. Баринъ строго на строго приказалъ никому не сказывать, а только съ этого дня положилъ ей по семидесяти-пяти въ мѣсяцъ. Я ей и деньги возилъ. А когда она приходила благодарить — всегда и ей былъ отказъ: въ отъѣздѣ де Владимiръ Александровичъ... А тутъ случаемъ она ихъ встрѣтила и прилипла...

— Полозова, хорошенькая, цыганочка такая...

— Прямо скажу, благодѣтельница наша. Безъ нея бы... Теперь ужъ можно, а вѣдь по ночамъ я былъ страсть не спокоенъ. Лежу и слушаю, какъ бы револьверъ не стукнулъ. Потому, такъ они тосковали, самую тошную жизнь вели. Съ кресла на диванъ, съ дивана на кресло. И непремѣнно въ потемкахъ. На улицу бывало выходятъ, когда смеркнется. Противно имъ было на людей смотрѣть. И лицо у нихъ нехорошее стало. Дергалось. Ну а теперь — истинное чудо, какъ ихъ эта самая чернявенькая выпользовала. Доброе то дѣло не пропало... Большой процентъ принесло. По божьему вышло!

VIII.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Такая же, какъ въ этомъ году, весна выгнала меня изъ Петербурга. Я оставилъ позади глупую и порою подлую жизнь, съ которою, разумѣется, не могла помирить тусклая жуткая погода со слякотью внизу и то и дѣло плакавшими сверху тучами. Дышалось, какъ надъ больничной койкой, гдѣ умиралъ тифозный. Все хрипѣло, кашляло, кляло судьбу, не знало, чѣмъ защититься отъ насквозь пронизывавшей сырости. Солнечная сказка юга казалась выдумкой. Гдѣ тутъ быть солнцу, когда и днемъ и ночью злое божество полюса натягивало надъ гнiющей, заражавшей все кругомъ трясиной безпросвѣтное сѣрое сукно... Послѣ одной кошмарной ночи наскоро собрался. Въ Москвѣ меня засталъ тотъ же отвратительный дождь. Зябли наливавшiяся почки. Меланхолически хохлились воробьи по карнизамъ, и только однѣ мокрыя вороны да факельщики похоронныхъ процессiй чувствовали себя отлично. За Воронежомъ прояснѣло. У Ростова уже обо-

жгло солнцемъ. Азовская лужа вся сверкала серебряною кольчугой, а за Керчью Черное море чего-то внезапно разозлилось и мотало во всѣ стороны нашъ пароходъ, точно дергая его за хвостъ. Въ Новороссійскъ мы не зашли — не пустило. Гагры и Сочи подразнили издали въ золотой дымкѣ солнечнаго тыльнаго свѣта. Блистали крыши. Бѣлѣли дома. Ночью утихло. Мы остановились утромъ передъ Сухумомъ, и я высадился, чтобы со встрѣчнымъ пароходомъ подняться опять на нашу Ривьеру. Зашелъ въ кофейню съ невообразимо-грязнымъ, но гордымъ грекомъ... И пока онъ мнѣ приготовлялъ чай — я вынесъ стулъ на тротуаръ и сѣлъ... Мимо двигались вся эта пестрядь западнаго Кавказа. Были тутъ и абхазцы, ободранные, но смѣлые, независимые, гибкіе, мягко, точно пантеры, шаркавшіе чевяками по пыльному камню, безработные имеретины, ждавшіе грузовъ, раскормленные румяные, веселые армяне и вдругъ среди этой своеобразной выставки смотрю — никто иной, какъ Павелъ. Я его окликнулъ. Остановился, недоумѣло взглянулъ на меня и вдругъ обрадовался... Опустилъ съ плечъ какіе-то заступы и серпы. Совсѣмъ новые, сейчасъ только купленные должно быть напротивъ у нѣмца.

— Вотъ не ждали... Владиміръ то Александровичъ обрадуется.

— Чему?

— Да они часто про васъ. Шатающій, говорятъ, человѣкъ а нѣтъ чтобы къ намъ заглянуть.

— Я вѣдь не остаюсь здѣсь. Жду парохода...

— Ну это тоже вы удумали... Никакъ нельзя. Да они сію минуту изъ склада выйдутъ... Я сбѣгаю.

Побѣжалъ — и не успѣлъ я пойти туда же, какъ мнѣ навстрѣчу... Не предупреди меня Павелъ, не узналъ бы! Рубаха съ засученными рукавами. Обгорѣвшія на солнцѣ сильныя, жилистыя волосатыя руки. Широкій ременный поясъ, штаны въ сапоги, а на головѣ, наперекоръ стихіямъ, папаха. Лицо — обвѣтрилось. Что твоя кастрюльная мѣдь, и на немъ яркіе, веселые, добрые глаза. Только сѣдины прибавилось, да борода лохмами, давно не брита.

Разумѣется, ни въ этотъ ни въ слѣдующій день я на пароходъ не попалъ.

Таратайка Владиміра Александровича стояла въ заѣзжемъ дворѣ. На нее сбросили только что купленные кирки и серпы. Кое-какъ усѣлись мы съ Павломъ, а мой преображенный другъ примостился по мужицки бокомъ, забралъ вожжи и погналъ въ горы сытенькую, крѣпкую лохматую лошаденку, одолѣвавшую рысью крутые взъѣзды.

Насъ осыпало бѣлыми лепестками, пахучими. Какіе-то лопоухіе большіе листы шлепали по головамъ и лицамъ. Звонкіе ручьи перебѣгали до-

рогу. На поворотѣ мы переѣхали не успѣвшую уползти гадюку. Скоро вдали показалась вся заслонившаяся ревнивою зеленью, съ выбѣжавшими впередъ евкалиптусами, усадебка. Дальше стояли домики, которые мы угадывали только по уголкамъ черепичныхъ кровель и совсѣмъ позади сбившіеся тѣсно кипарисы... Что за наводненіе цвѣтовъ! Въ усадьбѣ они все заполнили, пестрыми волнами перекидывались черезъ кровлю и бахромой висѣли надъ открытыми окнами. Въ нихъ, цѣпляясь за шероховатый камень, ползли пышныя розы. Легкій вѣтеръ колыхалъ голубыя кисти глициній... Пахло миндалемъ, и вмѣстѣ съ нимъ струилось сладкое и пряное дыханіе другихъ невѣдомыхъ мнѣ растеній.

— Вонъ и моя хата...

Показалъ Павелъ на уголокъ красноватой кровли.

— Что вы думаете, — смущенно заговорилъ онъ. — Вѣдь и я... Бабу взялъ. Такой здѣсь климатъ. Омоложиваетъ!.. Не по-питерски. Нѣтъ этого разврата, чтобъ походя... А по природѣ. На одной страдѣ всѣ. Вмѣстѣ работаемъ. Никто скламши руки не барствуетъ. Вонъ!.. Ишь три окна мерешутся... Въ томъ домикѣ старики живутъ.

— Какіе?

— А Александры Сергѣевны. Она и ихъ сюда. Цѣлый поселокъ у насъ обозначился. И старики тоже въ саду ковыряются. Такъ что здѣсь у насъ всякая рука на счету. По правдѣ живемъ! Тутъ изъ Москвы писатель одинъ былъ. На первыхъ порахъ страсть какъ обрадовался. Всю, говоритъ, жизнь объ этомъ думалъ, наконецъ нашелъ. Взялъ было у меня горенку... Ну, сбѣжалъ. Не выдержалъ. «Я, — потомъ ужъ Владиміру Александровичу писалъ, — я къ умственному привыкъ, а у васъ цѣлый день ходишь потный и мозоли на рукахъ...

— Когда они обвѣнчались?

— Кто, хозяева?

— Да.

— Зачѣмъ... Мы по Божьи. Еще крѣпче безъ казеннаго гвоздя держимся. Некуда намъ другъ отъ дружки уйти. Работа обручемъ сбила, такъ въ кучѣ и живемъ.

Сашу я узналъ сразу.

Та же тонкая, гибкая. Только видно — окрѣпла, вся точно стальная сдѣлалась. И солнце обожгло ее. Глаза распылались такъ — смотрѣть въ нихъ больно. Обрадовалась мнѣ. Вспомнила, какъ я ее отхаживалъ, когда она «съ дуру» травиться вздумала. « И чего испугалась, подумаешь, нищеты! Когда кругомъ сколько угодно работы было, только не бѣгай отъ нея и не разбирай, какая!» Всякая хороша, ежели кормитъ и никому отъ нея не больно... Одинъ законъ для всѣхъ...

И губы, точно пышные цвѣты гранатника въ ея саду.

Взглянулъ я на Владиміра Александровича. Какимъ сіяющимъ взглядомъ онъ ее обдалъ! Поневолѣ и самъ я вздохнулъ. Гдѣ вы мои были яркія!

А въ комнатахъ совсѣмъ культурный уголокъ. Хоть бы и не въ этой дичи кругомъ. Книги. Нѣкоторыя еще въ бандероляхъ видимо не давно присланы.

— Нотъ у васъ!

— Музыканимъ. Вотъ на дняхъ выписалъ новыя оперы «Таисъ», «Иродіаду», «Царицу Савскую». У меня тутъ цѣлая библіотека. Чайковскій, Рубинштейнъ. И новые всѣ. Въ этомъ мы себѣ не отказываемъ. Рояль, видишь, мой, Петербургскій, Бехштейнъ. Такіе концерты задаемъ, внизу въ городѣ завидуютъ...

Вслушивался я, всматривался, вдумывался...

Тѣ же люди — а точно ихъ новою кровью налило. Такъ и претъ, какъ хорошую новь изнутри: жизнью, счастьемъ, здоровьемъ...

Вечеромъ я разговорился въ саду съ моимъ пріятелемъ. Темный сквозной узоръ тополя на мѣсяцѣ и густой запахъ ночной красавицы. Во мракѣ, въ тѣни переливчатые свѣтляки — вспыхивали и гасли... Въ вершинѣ дерева печальная цикада и смѣхъ, молодой и задорный смѣхъ ручья, шаловливо играющаго съ камешками внизу. Изрѣдка вздохъ чуть тронутой проснувшимся вѣтромъ листвы... Далеко у моря трепетные огоньки города...

— Хорошо! ты не можешь себѣ представить, вѣдь я въ вашихъ петербургскихъ туманахъ — надо сказать правду — на каждый крюкъ съ аппетитомъ смотрѣлъ, какъ на соломинку утопающій. Такъ и сверлило въ головѣ — скорѣе покончить заплеснѣвшую, отсырѣвшую, постылую жизнь: съ дивана въ кресло и назадъ. Все опротивѣло: и ваши каменные гробы, и ваши каменные люди и вся эта глупая и безцѣльная гоньба за грошемъ ломанымъ. Потому что, будемъ говорить правду: ради чего вы всѣ бьетесь, какъ выброшенная щука объ ледъ? Ломаный то грошъ еще высокая цѣна за всѣ ваши дурацкіе карьеры да успѣхи. А сколько обиды, разочарованій наростаетъ. Точно (это грубо, но вѣрно) мозоли на сердце. До тѣхъ поръ, пока оно все въ одну корявую и недоступную ничему человѣческому кору не затвердѣетъ...

— Ну, это не совсѣмъ такъ.

— Тебѣ пожалуй. Ты вѣдь петербуржецъ по недоразумѣнію. Наѣзжаешь туда, пока не надоѣстъ. А я безъ ужаса той мути и вспомнить не могу. Саша спасла. Если бы не она: упокоялся бы рабъ Божій Владиміръ гдѣ-нибудь на Смоленскомъ въ залитой слякотью ямѣ или совсѣмъ

бы пожелтѣлъ и ощетинился на весь міръ въ вѣчныхъ потемкахъ. Не жизнь, а нарывъ какой-то. Не люди, а больные зубы.

— И опять таки ты все это односторонне. А борьба, которую у насъ ведутъ лучшіе люди въ школѣ, въ литературѣ, въ Думѣ...

— Ну это по плечу рыцарямъ духа... Дай Богъ нашему теленку да волка съѣсть. Что-то я въ этомъ киселѣ никакъ богатырей различить не могу, какіе они и гдѣ. Ужъ если нашимъ бойцамъ всякая слизкая слабь страшна — какая же цѣна всей этой сутолокѣ. Мужества — до первыхъ кустовъ. Благодарю покорно. Настоящіе — головы на плахи несли. Христосъ съ креста всему человѣчеству говорилъ. Савонаролла изъ пламени костра уже почернѣвшій кулакъ папскому легату показалъ. А Джіордано Бруно наканунѣ казни заповѣдалъ ученикамъ — итти за нимъ на вольную смерть. А наши, точно школяры передъ розгами: ой, папа, не буду... Ей Богу, не буду. Поневолѣ для такихъ и блоха слономъ кажется, а ужъ клопъ прямо на левіаѳана экзаменъ держитъ. «Ты можешь ли левіаѳана удою вытащить на брегъ».

И расхохотался...

— Нѣтъ, ужъ куда намъ, обывателямъ, въ герои. Такимъ заурядъ-прапорщикамъ жизни, какъ я, лучше — уйти отъ этого лицемѣрія и крикливой немочи... Жить, какъ велитъ природа... Придутъ богатыри настоящіе. Я знаю — они на насъ плюнутъ и правы будутъ. Ну а вашимъ питерскимъ лихачамъ, для которыхъ каждый бубновый валетъ — перстъ указывающій, лучше бы поберечь слюну... не доплюнутъ...

Изъ открытыхъ оконъ послышалась широкая и радостная мелодія Александрійской ночи Масснэ. Чудилась обвитая ея прозрачною лазурью торжествующая Таисъ, вся въ неудержимой радости обезумѣвшей жизни... И изрѣдка, прорывающійся сквозь ея сладострастный хохотъ, мрачный откликъ отшельника Ѳиваиды...

— Это Александра Сергѣевна?

— Да... такъ и живемъ. Днемъ на работѣ. А вечеръ Господу Богу твоему: музыкѣ, книгамъ, стихамъ... Есть внизу въ Сухумѣ хорошіе люди, приходятъ...

— А вы помните, у Щедрина? Благоразумный пискарь.

— Ну не совсѣмъ... Да и щукамъ не совѣтую — наколятся. Пискарь всего боялся. Жилъ въ трепетѣ. А мы — никого и ничего. Никакъ за насъ не схватишься. Живемъ!.. Какъ велитъ природа...

— Отгородились?

Вас. Немировичъ-Данченко.

1913. Май.

БОРИСЪ ПИЛЬНЯКЪ.

Коломенская пастила.

КОЛОМЕНСКАЯ ПАСТИЛА

Память знаетъ эти медовые пряники съ горькой миндалиной посреди, — память хранитъ тѣ медовые дни, — какъ медъ мнѣ, пришедшему, въ сущности, съ Иргиза. Тамъ степь, Заволожье уперлось не въ Волгу, а въ Трехъ Братьевъ, которые въ географіи, кажется, являютъ собой кусочекъ Ергелей. Волга узка и пустынна, хоть и нижній ея здѣсь начинается плесъ. Рѣка Карманъ опоясала Екатеринштадтъ, и нѣмцы курятъ трубку — Тремъ Братьямъ и степи.

Безъ четверти семь утра бьютъ въ киркѣ колокола, и вся колонія сидитъ за столомъ за кофе. Въ семь утра бьютъ въ киркѣ колокола и вся колонія за работой. Памятно — я смотрю въ окно дома. Grossmutter одинокій верблюдъ утверждаетъ Азію, «змѣиную мудрость», «ночь Азіи» и драконовъ — змѣиной шеей, драконьей головой и степнымъ спокойствіемъ, не даромъ спокойствіе и степь созвучны. За окномъ пустынная площадь, пятьдесятъ градусовъ жары по реомюру, и колокольня кирки, которая плавится зноемъ, — а тамъ дальше, кажется въ тридцати шагахъ, стоитъ Три Брата. Генрихъ Карле, другъ моего дѣтства, говоритъ у окна: «Wollen wir spazieren gehen?» — мнѣ, переводящему на русскій, очень смѣшно: — «хотимъ мы итти гулять?»

Въ безъ-четверти двѣнадцать бьютъ на киркѣ колокола (металлическій, не русскій звонъ), и вся колонія сидитъ за обѣдомъ и затѣмъ, прикрывъ ставни, и раздѣвшись, какъ на ночь, спитъ. Мнѣ темно даже читать, и я лежу задравъ ноги, грызу пальцы и думаю о томъ, почему воры не воруютъ здѣсь днемъ, — очень скучно вспоминать, что здѣсь вообще не воруютъ. Колоколъ бьетъ въ три, тогда пьютъ кофе, въ пять и въ восемь. Въ девять вся колонія снова спитъ, уже на ночь. Рабочій день — колоколомъ — ликвидируется въ пять. Въ гости ходятъ отъ пяти до восьми, до ужина.

Гостямъ даютъ медовыхъ пряниковъ съ горькой миндалиной посреди, рюмочку вина и предлагаютъ сыграть партію домино. Grossmutter имѣетъ пять паръ туфель, всѣ онѣ стоятъ у пороговъ, въ однѣхъ она ходитъ по двору, въ другихъ по коровнику, въ третьихъ по кухнѣ, въ четвертыхъ по столовой, въ пятыхъ по гостиной, — это, чтобы соблюсти чистоту. Полы моютъ каждый день, а домъ снаружи — по субботамъ. Въ коровникѣ полы моютъ тоже по субботамъ. Непонятно — люди для чистоты, или чистота для людей? У Grossmutter на лѣсенкѣ есть шкафъ съ виномъ, я понялъ, что самое разумное, когда спятъ днемъ послѣ двѣнадцати, обслѣдовать этотъ шкафъ, чтобы на самомъ дѣлѣ заснуть къ тремъ. — Мой отецъ, Андрей Ивановичъ (Андреасъ Іоганновичъ) Вогау, русскій врачъ. Мы сидимъ у дяди Александра; тетка Леонтина дѣлаетъ такой вкусный пуншъ, — мнѣ бы сходить съ Ирмой въ Катринъ-Гартенъ, но дѣло не въ этомъ, дѣло въ томъ, что Grossmutter запираетъ калитку на замокъ ровно въ восемь, когда бьетъ колоколъ на киркѣ, а сейчасъ десять и мой отецъ сокрушенно стоитъ у забора, я лѣзу на заборъ впередъ, отецъ за мной; на дворѣ отецъ шепчетъ мнѣ: «Сними, батюшка, сапоги. А то нашумимъ мы и наслѣдимъ». И я, и отецъ, мы идемъ по двору и въ корридорѣ на ципочкахъ въ чулкахъ, чтобы лечь безшумно. Отецъ закуриваетъ папиросу — и на крашеномъ полу, блестящемъ, зеркально четко отпечатаны слѣды нашихъ чулокъ. Отецъ зажигаетъ вторую спичку, папиросу вставляетъ въ уголъ рта, покачиваетъ головой и говоритъ уже на языкѣ, которымъ встрѣтилъ жизнь: — „O, mein lieber Gott.“ — Я и онъ сидимъ на полу, заговорщицки гмыхаемъ и стираемъ слѣды съ пола носовымъ платкомъ. Утромъ мы все равно попадаемся съ повинной — платками. А отецъ сидитъ съ дядями, причемъ у каждаго дяди по трубкѣ съ каучуковымъ мундштукомъ, шеи въ шарфахъ, лбы подъ широкополѣйшими соломенными шляпами, рты бриты и носы сизы въ расплавленномъ днѣ: — отецъ разсказываетъ дядямъ о непорядкѣ и непорядочности русскихъ, о земскомъ дѣлѣ и бездѣльи; нѣмцы слушаютъ, курятъ и степенно говорятъ:

«Ну, да, бабушка, милая, милая Grossmutter Anna, повезетъ меня на кабріолетѣ на Караманъ, въ «займи-ш-те» (сейчасъ Займище). Милая бабушка Анна сошьетъ мнѣ штаны и курточку на ростъ и изъ добрѣйшаго сукна (которое я потомъ попрошу маму перешить) и поведетъ меня на тиръ, гдѣ нѣмцы состязаются по воскресеньямъ въ стрѣльбѣ. Я пріѣхалъ туда на лодкѣ подъ рванымъ парусомъ съ сизолицымъ нѣмцемъ въ шляпѣ какъ зонтикъ, по мутноводной Волгѣ, — на лодкѣ, которая блестѣла русской въ пасху горящей и такъ сладостно — Стенькой Разинымъ для мальчишекъ — пахнуло варомъ. Я помню верблюда, утвердившаго мнѣ Азію, «ночи Азіи» и «змѣиную мудрость» драконовъ —

песчаной своей шерстью, этапнымъ спокойствіемъ и крикомъ своимъ, заключившемъ въ себѣ всю культуру Турана. У меня отъ милой, милой моей бабушки Анны — еще до сихъ поръ есть шерстяные чулки, красные съ синими полосками, такіе добротные и неизносимые, какъ вся нѣмецкая культура. Бабушка тогда мнѣ, ребенку, разсказывала, какъ, когда нѣмцы пришли впервые сюда на Волгу, они вели войну съ киргизами; одинъ разъ киргизы поймали въ займищахъ на Караманѣ тридцать нѣмцевъ и вырѣзали имъ языки; а нѣмцы, излавливая конокрадовъ-киргизъ закапывали ихъ въ стога и сжигали заживо; моя дѣтская фантазія рисовала тогда: зеленыя степныя ночи и обязательно верблюдовъ, много верблюдовъ; мнѣ было очень тѣсно отъ разсказовъ бабушки.

Остальное я предлагаю читателю узнать у историковъ. Вотъ адреса: Село Екатеринштадтъ (или Беронскъ Самарской губ., Николаевскаго уѣзда), затѣмъ въ революцію 1917 г. — городъ Марксштадтъ, станица коммуны нѣмцевъ-колонистовъ Поволожья, почти федерація Россійской республики (городъ Николаевъ сталъ городомъ Пугачевымъ), потомъ послѣ перваго года революціи, въ великій голодъ: Штербштадтъ — Умирай-городъ, ибо часть нѣмцевъ была просто сплавлена въ Волгу, а другія части покатились на своихъ фуркахъ — на Кавказъ, въ Туркестанъ, даже въ Германію. Подробности у историковъ, въ примѣчаніяхъ къ томамъ «Исторіи Великой Русской Революціи».

Затѣмъ у меня сохранилось еще такое воспоминаніе отъ дѣтства. Это было уже въ Можайскѣ, гдѣ отецъ былъ врачемъ. Съ мальчишками я ходилъ на Козью Горку ловить птицу; надо было проходить мимо желѣзнодорожной водокачки и насыпи, въ которой лежали водопроводныя трубы; и вотъ подъ эту насыпь былъ продѣланъ ходъ, чтобы надсмотрщики могли лазить туда на четверенькахъ; мнѣ, мальчишкѣ, тоже надо было слазить туда на четверенькахъ, чтобы обслѣдовать подземелье, какъ мальчишка обслѣдуетъ всю жизнь: я полѣзъ и на меня изъ-за гнилья досокъ обвалилась земля, я не могъ ползти ни взадъ ни впередъ, — меня выручили мальчишки, которые меня вытащили оттуда за ноги, и вотъ, помню, тогда тамъ въ подземельи мнѣ было также тѣсно, какъ отъ разсказовъ бабушки о нѣмцахъ, которымъ киргизы на Караманѣ вырѣзали языки.

Лѣто 1921 года, одинъ, я жилъ въ тридевятомъ государствѣ. Добрый человѣкъ, Анна Алексѣевна мнѣ приносила кипяченую воду, чтобы пить. Часы остановились, и я ихъ не заводилъ. Я жилъ въ очень хорошемъ содружествѣ — съ самимъ собой, пылью и велосипедомъ. Изъ комнаты ребятишекъ я перевѣсилъ къ себѣ цѣнныя занавѣски. У меня въ карманѣ прибавилась небывалая вещь — цѣлая связка ключей. Я вставалъ, когда просыпался, шелъ на рѣчку умываться и за водой. На базарѣ знакомая

торговка оставляла мнѣ бутыль молока; хлѣбъ и масло я привозилъ отъ жены изъ Новоселокъ. У меня было единственное богатство — пудъ керосина, и я могъ бодрствовать, не считаясь съ солнцемъ: я очень хорошо изучилъ эти зеленоватые, зыбкіе, необыкновенные іюльскіе разсвѣты. Бодрствуя, я писалъ повѣсть о «Рязани яблокѣ» и читалъ «Исторію Гончихъ Собакъ» и «Рыбы Россіи». У меня никто не бывалъ. У меня была связка ключей, и поэтому случалось такъ, что домъ былъ запертъ, чтобы покоить пыль, а окно въ палисадъ мирно грѣлось на солнцѣ, мирно раскрытымъ. Черезъ два дня на третій ко мнѣ приходила хожалка, она сначала сидѣла на крыльцѣ, иногда ставила самоваръ и варила мнѣ картошку, тогда мы пиршествовали и она шла спать на женину кровать. Обыкновенно я уѣзжалъ въ Новоселки, когда приходила хожалка.

Я жилъ на погостѣ въ домикѣ о пяти окнахъ, изъ окна я видѣлъ деревенскую церковь, и сейчасъ же за домомъ протекала Москва-рѣка. Справа отъ меня жилъ батюшка, слѣва за огородомъ — семья жуликовъ. Домъ батюшки былъ съ моимъ домомъ заборъ въ заборъ. У батюшки умерла жена. Батюшка жилъ отшельникомъ. По двору и по садику у себя батюшка ходилъ въ бѣлыхъ штанахъ, въ жениныхъ кофточкѣ и шляпѣ. Однажды утромъ я учуялъ у себя въ домѣ, что должно быть куда то рядомъ пріѣхало сорокъ ассенизаторовъ. Все же я тщательно осмотрѣлъ мой домъ, — и я открылъ истину (вѣдь истинъ такъ много) батюшка откупорилъ ямку подъ своимъ заднимъ крыльцомъ, въ другомъ углу двора онъ вырылъ другую ямку, и вотъ, ведеркомъ, у котораго ко дну и къ ручкѣ были привязаны веревки, чтобы не марать рукъ, батюшка носилъ жидкость изъ одной ямки въ другую; въ шляпѣ, въ кофточкѣ и въ бѣлыхъ штанахъ, онъ дѣлалъ это методически, полтора дня. Въ этомъ, конечно, отразилась революція, какъ и въ томъ, что батюшка велъ записи, какъ въ школахъ, всѣхъ приходящихъ и не приходящихъ въ церковь прихожанъ, и запиралъ церковь какъ художественный театръ въ часъ богослуженія. У батюшки было расписаніе требъ и стоимость ихъ продуктами. Я не могу не отозваться о батюшкѣ безъ уваженія: онъ, отшельникъ, истинно вѣровалъ своему Богу, до горѣнія и тѣ немногіе, сгорбленные и въ черныхъ одѣяніяхъ, что изъ службы въ службу приходили къ нему, запирались въ церкви на общую молитву съ напряженностью, — тамъ, въ запертой церкви, хоръ замѣняли всѣ собравшіеся. — Слѣва отъ меня, за огородомъ жила семья жуликовъ, трудолюбивыхъ какъ муравьи. Я наблюдалъ, какъ отецъ тащилъ домой ему ненужныя водопроводныя трубы (впослѣдствіи онѣ замѣняли жердины въ заборѣ), два полѣна, нарядный чемоданчикъ. Сынъ и мать были заняты инымъ: сынъ, тощій мальченка лѣтъ десяти, съ утра до вечера, по мелочи, за пазухой таскалъ изъ садовъ яблоки, но-

чами онъ лазилъ за яблоками съ корзиной, и мать была занята сушкой яблокъ впрокъ. Все же мои жулики жили очень нище. (Вѣдь это былъ годъ Великаго голода), и когда на огородахъ поспѣла свекла, капуста и огурцы, — они питались только ими. Въ ихъ домѣ было также интересно, какъ, должно быть, у Плюшкина, домикъ стоялъ въ саду за огородомъ, съ глухимъ дворомъ вокругъ, и домъ, и дворъ были завалены совершенно неожиданной рухлядью, мнѣ все время хотѣлось купить у него стариннѣйшій клавесинъ. Отъ этой рухляди у нихъ было очень пыльно и пахло, какъ въ слесарной. У нихъ было одно богатство — корова, за которой ходила черная старуха. И вотъ эта сестра жены, сухая старушенка, Ариса Марковна, заговаривала, у нея была слава и практика, уже не знаю, какъ сказать, не то знахарки, не то вѣдьмы, что, въ сущности, должно быть одно и тоже.

Черезъ два дня на третій приходила ко мнѣ хожалка, обыкновенно къ тому времени съѣдался хлѣбъ и я уже не прочь былъ съѣсть горячаго супа. Мой спутникъ, старенькій женскій велосипедъ, начавшій свое существованіе вообще съ начала существованія велосипедовъ, поэтому даже не мобилизованный. Я накачивалъ моего сопутника и ѣхалъ на немъ къ женѣ въ Новоселки. Когда то были помѣщики Енишерловы, они исчезли вмѣстѣ съ революціей, но домъ остался, въ старомъ паркѣ, засаженномъ лиственницами и кленомъ; на холмѣ между оврагомъ и рѣкой Коломенкой, совсѣмъ одинъ въ лѣсу. Въ революцію домъ отбылъ постои и дѣтской колоніи и трударміи; потомъ его заколотили, за неимѣніемъ въ Россіи стеколъ. И тогда въ мезонинѣ на лѣто помѣстилась моя жена съ дочерью и собачкой-малышемъ. Каждый разъ, когда я пріѣзжалъ ночью (всю дорогу меня провожали коростели), домъ съ главной аллеи утверждалъ мнѣ подлинность Тургенева, вѣрилось въ тургеневскую дѣвушку, которая сейчасъ выйдетъ изъ виноградника съ террасы. — На Коломенкѣ кричали лягушки. Но я также пріѣзжалъ и днемъ, и меня встрѣчала жена — въ лѣсу, съ подойникомъ въ рукѣ, въ томъ очарованіи, которое есть въ каждой женщинѣ не задолго до родовъ. У нея въ рукѣ подойникъ и видъ ея немного дикъ и сосредоточенно разсѣянъ: это потому, что она съ утра и до ночи сходили съ ума о грибахъ, и ея глаза не могутъ не заглянуть подъ и за каждый кустъ. Мы всѣ въ Новоселкахъ сходимъ съ ума о грибахъ. Въ Новоселкахъ, въ мезонинѣ, у насъ нѣтъ ни одного стула и только одинъ столъ, мы живемъ на полу, гдѣ у насъ постели, а у дочери Наташки, кромѣ игрушекъ, и зеркало. Утромъ дочь Наташка подсаживается ко мнѣ на корточки и командуетъ: «Разъ, два, три, пали» — и я вскакиваю по командѣ, ѣмъ лепешку, пропахшую, какъ все, земляникой. Мнѣ не важно, что Новоселковскій домъ знаетъ длинную исторію, съ Императрицы Екатерины, —

я обуваю чулки, беру корзинку и иду за грибами, я нашелъ свое мѣсто въ оврагѣ. Въ полдень мы состязаемся въ количествѣ бѣлыхъ, — и всѣ рамы, крыша, двери украшаются четками грибовъ. Шутъ его знаетъ, — четки грибовъ тоже, должно быть, какая-то мистика; быть можетъ какъ роды жены моей Маши. Въ лѣсу не пахнетъ земляникой. Вечеромъ иногда приходитъ — тоже жуликъ, простой русскій крестьянинъ, огорожанившійся и этимъ погибшій, Иванъ Андреевичъ. Онъ почему-то не стѣсняется говорить о томъ, какъ воруетъ дрова въ рощѣ и предлагаетъ ихъ намъ; надо будетъ, по знакомству, купить у него. И вотъ онъ разсказываетъ, что ржаной колосъ, которому надо цвѣсти еще черезъ мѣсяцъ, — что если такой колосъ положить на четверть часа въ волосы женщины, изъ него, изъ колоса выходятъ его золотые, несущіе цвѣты, и это бываетъ потому, что въ женщинахъ бываетъ нечистая сила. Это мнѣ показалось чрезвычайно необыкновеннымъ, это какъ разъ тѣ мелочи, которыя я собираю, какъ медъ для моихъ разсказовъ. Я спрашивалъ, мнѣ это подтверждали, и крестьянскія дѣвушки подтверждали это смущенно. Вечерами съ Коломенки подымался туманъ. Наташка спала. На единственномъ столѣ горѣлъ маргачъ. Жена, во всемъ бѣломъ, стояла у этого единственнаго стола и переплетала на ночь волосы. Мы говорили о грибахъ. Я лежалъ на полу и курилъ папиросы.

Мнѣ выпалъ такой день. Утромъ (собственно днемъ) меня разбудилъ почтальонъ. Во мнѣ смѣшались четыре крови: нѣмецкая, русская, татарская и еврейская, точнѣе, собственно, такъ: русско-татарская, нѣмецкая и чуть-чуть еврейской. Утромъ мнѣ почтальонъ принесъ письмо съ родины русско-татарскихъ моихъ кровей отъ сестры. Вся моя боль, въ русско-татарской моей странѣ: боль, ннависть, любовь и жизнь всѣ мои грезы. Та Маруся, которая упоминается въ началѣ письма, умерла въ 1920 году и ее схоронили въ Москвѣ на Донскомъ кладбищѣ, — ее, Марусю Подачеву, мою.

Сестра писала:

— «Сказать мнѣ хочется, что я очень Тебя люблю, и что мнѣ часто Тебя не достаетъ, а теперь послѣ смерти Маруси еще чаще. Когда я въ прошломъ году уѣзжала, я видѣла васъ, Тебя и Марусю, послѣдній разъ у вагона: вы стояли на площади и махали мнѣ, и я какъ-то вдругъ почувствовала, что вы оба самые близкіе мнѣ люди, и почему-то, когда я начинаю Тебѣ писать, я вспоминаю ту минуту, свои тогдашнія мысли и слезы и реву. Реву и сейчасъ. Въ сущности очень нехорошо, что мы живемъ розно.

О томъ, какъ мы живемъ, Тебѣ поди все писала мама. Папа служитъ; ходимъ на службу мы съ нимъ вмѣстѣ, очень трогательно,—

подъ-ручку, съ мѣшками за спиной и портфелями подъ мышкой. Въ отдѣлѣ читаетъ Твои письма и знакомитъ меня со всѣми: «Моя дочь. Агрономъ», — что приводитъ меня каждый разъ въ смущеніе, рыщетъ по уѣзду въ погонѣ за хлѣбомъ, всѣмъ грозитъ голодной смертью, сердится, когда люди живутъ не такъ, какъ ему кажется нужнымъ, очень устаетъ. Мама стряпаетъ, ставитъ самовары, чинитъ бѣлье, моетъ посуду, дѣлаетъ по необходимости, но это она болѣе всего не любитъ. Изрѣдка ходимъ мы съ ней гулять, покупаемъ стаканъ сѣмячекъ и ходимъ по задворкамъ на горахъ и въ Глѣбычевомъ оврагѣ, или идемъ по родственникамъ, чаще всего къ тетѣ Дашѣ. Тетя Даша въ лицахъ представляетъ, какъ торгуется изъ-за стараго подсвѣчника на базарѣ дядя Толя, какъ ловко онъ обошелъ мужика, обмѣнявъ ему ломанный будильникъ на два пуда мятыхъ помидоръ, какъ у Галиньки вытащили изъ кармана деньги, а тетя Катя увѣряла публику на Нѣмецкой улицѣ въ своемъ умѣніи врачевать и въ томъ, что Спасококодскій основываетъ лечебницу ея имени, какъ тетя Женя торгуетъ въ обжоркѣ «лимонадчикомъ холодненькимъ» и какъ это выгодно. Живутъ Круговы отвратительно. Дядя Толя выжига, покупаетъ себѣ потихоньку бѣлый хлѣбъ, сахаринъ и припрятываетъ отъ всѣхъ, выдаетъ тетѣ Дашѣ одинъ разъ въ день немного щепокъ на таганъ для готовки обѣда, не позволяетъ сидѣть съ лампой. Грязь у нихъ, тѣснота, вонь. Леонидъ нигдѣ не работаетъ, ничего не дѣлаетъ, лежитъ на диванѣ и читаетъ исторію французскаго искусства, жена его умерла и Люська спускаетъ мѣха и платья, оставленныя послѣ смерти. Вся наша родня-буржуи — спекулируютъ на базарѣ по маленькой, размаху нѣтъ, да и денегъ тоже, а такъ «на сахаринчикѣ».

Я прочелъ это письмо и мнѣ стало тѣсно. Сестру, мать и отца я люблю больше всѣхъ. Мнѣ стало тѣсно, я вспомнилъ мое дѣтство, милый Екатеринштадтъ. Это письмо было изъ Саратова. Все-же въ тотъ день я продѣлалъ какъ всегда свои утреннія дѣла, ходилъ на рѣку мыться, оттуда, черезъ рѣку на базаръ за бутылкой молока. У моихъ сосѣдей происходило событіе, нарушившее ихъ мирный бытъ: къ батюшкѣ пріѣхала его дочь-коммунистка съ трехмѣсячнымъ ребенкомъ. Мнѣ было странно, какъ у такой женщины могъ появиться ребенокъ. Она внѣшностью походила на монашенку, ей обязательно надо было пойти на костеръ и сгорѣть за свою вѣру, она привезла въ мѣстный исполкомъ свою идею соціалистическаго-канцелярскаго-дѣлопроизводства, она ходила всегда съ опущенными, горящими глазами, ея горѣніемъ было горѣніе революціи. Ея ребенокъ жался на рукахъ отца, ребенокъ все время такъ жалобно плакалъ: и батюшка обра-

тился къ моимъ сосѣдямъ съ лѣва, къ знахаркѣ Анфисѣ Марковнѣ. — Анфиса Марковна три зори подрядъ грызла ребенку пупочекъ, заговаривала, чтобы онъ не плакалъ. Какъ это у нихъ дѣлалось, я не знаю. Дочь батюшки, должно быть, вообще ничего не знала. Но дочь батюшки только горѣла революціей, не могло быть компромиссовъ, — и она, дочь, запретила отцу запирать церковь во время богослуженій, она донесла на отца въ политбюро, и съ батюшки взяли подписку, чтобы онъ не велъ книгу записей приходящихъ и не-приходящихъ молиться. И агенты-же политбюро повезли въ одинъ прекрасный день отъ моихъ жуликовъ всяческую рухлядь. —

— Вечеромъ ко мнѣ приходилъ милый большевикъ Николай Смоленскій, потомъ подошелъ Топтыгинъ. (Мнѣ, не большевику, вообще легче вести компанію съ большевиками, у нихъ есть бодрость и радостность). Мы устроили пиръ: Топтыгинъ засучивая рукава, говорилъ и пекъ вкуснѣйшія аладьи. Мы говорили о революціи. Такъ Смоленскій — коммунистъ. Топтыгинъ — шутъ его знаетъ, кто, бывшій (изгнанный) большевикъ, и я, — въ сущности, анархистъ, опредѣляющій себя полушутливо, полусерьезно, какъ «большевикъ, но не коммунистъ». Мы всѣ трое любили революцію, какъ надо любить все стихійное, буйное, ледоломное, когда ребромъ ставятся только двѣ вещи, жизнь и смерть. Я доказывалъ одну изъ яснѣйшихъ мнѣ вещей: то, что великая русская революція шла, шла и прошла свой путь русскою нашей сказкой объ Иванушкѣ-Дурачкѣ. Но и эта мысль пустяки: любимое надо — любить. — Той ночью я видѣлъ сонъ: — Безъ четверти семь бьютъ въ киркѣ колокола, и вся колонія сидитъ за столомъ, за кофе. Памятно — я смотрю въ окно дома Groß-mutter одинокій верблюдъ утверждаетъ мнѣ Азію, «ночь Азіи», «змѣиную мудрость» драконовъ — песчаной своей шерстью, степнымъ спокойствіемъ и крикомъ своимъ, заключающимъ въ себѣ всю культуру Турана. Но сны у меня бываютъ всегда голубоватыми. Мнѣ во снѣ надо было куда-то бѣжать, а во снахъ нельзя бѣгать, спутаны ноги, отъ этого дѣлается неимовѣрно тѣсно. Я проснулся, и еще въ яви — въ полуснѣ — видѣлъ Трехъ братьевъ, Дрей Брюдеръ, что стали тамъ на Волгѣ, противъ Екатештадта. На дворѣ былъ шумъ, я отворилъ окно: за заборчикомъ батюшка проклиналъ свою дочь, такъ, какъ надо проклинать по всѣмъ обычаямъ православной церкви, какъ анафематствуютъ на первой недѣли великаго поста Емельяна Пугачева.

IV.

Здѣсь я кончаю свой разсказъ. Дѣло въ томъ, что, если искусство все, что я взялъ изъ жизни и слилъ въ слова, какъ это есть для меня, то каждый разсказъ всегда безконеченъ, какъ безпредѣльна жизнь. Дрей брюдеръ — по русски: три брата. Это вотъ тѣ три избы, что стоятъ рядомъ. Иванъ Андреевичъ мнѣ разсказалъ, что рожь разцвѣтаетъ въ волосахъ женщины. Будетъ новое лѣто, еще много лѣтъ, тогда я пойду въ рожь и узнаю, такъ-ли это. Память знаетъ эти медовые пряники съ горькой миндалиной посреди.

Борисъ Пильнякъ.

Коломна, Никола на Посадяхъ 10—13 дек. 1921 г.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

Христовъ крестникъ

ХРИСТОВЪ КРЕСТНИКЪ

Въ бѣдности жили люди, въ такой крайней нуждѣ, когда и попросить къ себѣ въ гости нельзя, а вѣдь у всякаго есть праздникъ и безъ праздника не свѣтла и такъ ужъ трудная жизнь.

И вотъ родился сынъ: окрестить надо, а въ кумовья и позвать некого.

Богатъ если и въ силѣ — всѣ къ тебѣ придутъ, а къ бѣдному — нешто рваньемъ заманишь?

Вотъ сидятъ Иванъ да Марья:

— Чего съ ребенкомъ дѣлать!

Да ропотомъ тоже не поможешь.

И идетъ мимо странникъ.

— Позовемъ странника, странникъ не откажетъ!

А какъ взглянули въ лицо, даже страхъ сталъ: безъ носу и какъ смерть сама, тоже щерится.

— А какъ назвать младенца? — Марья ужъ и не рада.

Да что подѣлать: стерпѣть надо — некрещеному тоже невозможно.

— Іовомъ назовемъ: Іовъ крестникъ мой, — кротко отвѣтилъ странникъ.

Видно, и самъ онъ не отъ радости, отъ несчастья.

И кто это знаетъ: за что и для чего человѣку такое — въ міръ ты пришелъ и всѣ бѣгутъ отъ тебя.

И окрестили: Іовомъ назвали младенца, какъ кумъ сказалъ.

И жалко имъ стало.

— Попросимъ, — говоритъ Иванъ Марьѣ, — нашего кума, хоть такъ посидѣть съ нами.

Хвать, а его и нѣтъ — какъ и не было.

* *
*

Выросъ Іовъ, сталъ отца, мать разспрашивать, гдѣ его крестный и кто онъ такой?

Не хотѣлось разсказывать; чего вспоминать!

Жили ужъ не такъ: стали поправляться, стало и у нихъ и свѣтло и весело въ домѣ — это съ Іовомъ пришло, видно, счастье.

А Іовъ все пристаетъ: скажи да скажи.

— Въ бѣдности мы жили, — сказалъ отецъ, — никто къ намъ и не придетъ, бывало, да и пригласить совѣстно, а какъ ты родился и въ кумовья позвать некого: кто пойдетъ къ нищему! Согласился странникъ одинъ, окрестили тебя, и съ того дня пропалъ, больше и не видѣли.

— И вотъ бы мнѣ повидать его! — задумался Іовъ, — на Свѣтлый день, какъ идутъ изъ церкви, христосуются съ крестнымъ, а мнѣ и не съ кѣмъ.

— Глупый ты глупый, — сказала мать, — да лучше со псомъ похристосоваться: крестный-то твой срамной!

* *
*

На заутренѣ въ Пасху стоитъ Іовъ въ церкви.

Всѣ идутъ и христосуются, онъ одинъ стоитъ и подойти ему не къ кому.

И вотъ подходитъ къ нему — сталъ передъ нимъ:

— Христосъ воскресъ, милый крестникъ мой!

— Воистину воскресъ.

Обрадовался Іовъ: нашелъ онъ крестнаго.

Крестный взялъ его за руку и повелъ — не изъ церкви, въ церкви по воздуху вверхъ — на небеса.

* *
*

Плачутъ отецъ и мать — потеряли сына.

Сѣсть разговляться — Іова нѣтъ, Іовъ пропалъ.

— Видѣли вы нашего сына у заутрени?

Говорятъ:

— Видѣли: съ крестнымъ онъ христосовался и вмѣстѣ изъ церкви вышли. Подъ стать другъ другу, молодые оба — какъ сверстники.

— Такъ это какой проходимецъ увелъ его: вѣдь, крестный его — срамной, старый, безъ носа.

* * *

Годъ не было Іова дома.

Годъ не было о Іовѣ слуха.

Горевали старики о сынѣ, помириться не могутъ: пропалъ!

А надо бѣду принять: не спроста приходитъ бѣда, какъ и нѣтъ ничего, чтобы зря было въ жизни — и боль и напасти; и только никто не знаетъ и не скажетъ, за что и для чего такое?

На другой годъ, въ самую Христову заутреню, какъ итти христосоваться, Іовъ ровно бъ отъ сна очнулся и на которомъ мѣстѣ стоялъ у столба, тамъ и стоитъ.

Кончилась служба, приходитъ Іовъ домой.

— Христосъ воскресъ, родители мои!

Какъ взглянули старики — Іовъ, сынъ ихъ.

— Воистину воскресъ!

Расплакались — не ждали вѣдь, не чаяли —

— Воистину воскресъ!

Стали они его разспрашивать, и гдѣ былъ и гдѣ пропадалъ — цѣлый вѣдь годъ!

— И не годъ, а только три часа. И завтра опять пойду.

— Да куда ты пойдешь?

— Къ Марку богатому: отнести ему надо златницу отъ крестнаго. Я вѣдь крестнаго нашелъ, у крестнаго я и былъ.

Рано, еще только солнцу взойти, сталъ Іовъ прощаться.

И не пускали —

— Хоть бы съ нами денекъ одинъ прожилъ!

Ушелъ.

* * *

Приходитъ Іовъ къ Марку богатому.

Сидитъ у окна Маркъ богатый, качаетъ въ люлькѣ родителей: старые они, ходить не могутъ.

— Прими, Маркъ, златницу, корми родителей, тебѣ на хлѣбъ.

— Не надо мнѣ золота: отымутъ у меня богатые, засудятъ судьи.

Вернулъ Маркъ деньги Іову.

И вышелъ Іовъ отъ нищаго — отъ Марка богатаго.

Идетъ Іовъ путемъ дорогою.

Люди дрова перекладываютъ —

— Богъ въ помощь, добрые люди!

— Ой, милый братецъ, рукавицъ на рукахъ нѣту и, видишь, безъ сапогъ, голы мы и босы, оборвались совсѣмъ и отъ голода силы не стало, спроси у Господа Бога, долго ли намъ горевать?

Дальше Іовъ идетъ.

Женщины воду черпаютъ: изъ колодца въ колодецъ воду ведрами переливаютъ —

— Богъ въ помощь, добрые люди!

— Ой, милый братецъ, кожа съ рукъ слѣзла, иззябли, спроси у Господа Бога, долго ли намъ горевать?

Дальше Іовъ идетъ.

Стоитъ домъ, подъ угломъ старуха: держитъ старуха домъ на плечахъ —

— Богъ въ помощь, добрый человѣкъ!

— Ой, милый братецъ, всю спину разломило: этакую тяжесть деньденьской все на себѣ, спроси у Господа Бога, долго ли намъ горевать?

Дальше Іовъ идетъ.

Лежитъ щука на дорогѣ — вотъ-вотъ глаза выйдутъ, ротъ разинутъ—

Пожалѣлъ Іовъ щуку.

И говоритъ ему щука:

— Ой, милый братецъ, не могу безъ воды и поплавать такъ хочется, не могу жить на землѣ, спроси у Господа Бога, долго ли мнѣ горевать?

И. Мозалевскій *Бѣлая сирень*

* * *

И приходитъ Іовъ къ пещерѣ.

— Здравствуй, крестный! Едва я нашелъ тебя.

— А гдѣ же ты былъ?

— Я отъ Марка богатаго.

— Ты всю землю прошелъ.

— Не беретъ Маркъ золота: отнимутъ, говоритъ, богатые, засудятъ судьи.

— Хлѣба снеси ему.

— А когда шелъ я, попались мнѣ люди: дрова перекладываютъ — очень мучаются, оборванные и голодные.

— Пускай перекладываютъ до вѣка: зачѣмъ дрова воровали—обидой, клеветой, черствымъ своимъ сердцемъ отымали тепло у сердца!

— Встрѣтилъ я женщинъ: переливаютъ воду изъ колодца въ колодецъ: иззябли.

— Пускай переливаютъ до вѣка: зачѣмъ воду въ молоко подливали — обманывали, обольщали сердце!

— Еще видѣлъ я щуку: лежитъ щука на дорогѣ — перетрескалась вся, отъ жажды ротъ разинутъ, просится въ море.

— Жадная, жестокая, пускай выглотнетъ сорокъ кораблей, будетъ въ морѣ!

Іовъ хотѣлъ было итти и передать слова крестнаго всѣмъ измученнымъ — они тамъ на дорогѣ ждутъ его.

— Милый мой крестникъ, — остановилъ крестный, — есть у Загорнаго царя дочь царевна Магдалина, возьми Магдалину замужъ. Я самъ вѣнчать васъ буду.

Простился Іовъ и пошелъ изъ пещеры назадъ той же дорогой.

Подходитъ Іовъ къ щукѣ.

Обрадовалась:

— Ну, что, милый братецъ?

— А выплюнь ты сорокъ кораблей и будешь въ морѣ свободна!

Выплюнула щука корабль за кораблемъ — всѣ сорокъ кораблей, и поплыла себѣ въ море.

Приходитъ Іовъ къ старухѣ, что плечемъ домъ держитъ.

— Ну, что, милый братецъ?

— Горюй до вѣка.

Заплакала старуха:

— — до вѣка, когда же?

Приходитъ Іовъ и къ тѣмъ, что воду изъ колодца въ колодецъ переливаютъ.

— Ну, что, милый братецъ?

— Горюйте до вѣка.

Задрожали несчастныя:

— — до вѣка, и не будетъ конца?

Приходитъ Іовъ и къ тѣмъ, что дрова перекладываютъ, къ оборваннымъ и голоднымъ.

— Ну, что, милый братецъ?

— Горюйте до вѣка.

И руки опустились:

— — до вѣка.

Подходитъ Іовъ къ Марку богатому.

— Маркъ, вотъ тебѣ хлѣбъ.

— Не хочу я, не надо мнѣ: родители мои померли.

Положилъ Іовъ на столъ хлѣбъ нищему — Марку богатому.

* * *

Обидно отцу и матери: не живетъ сынъ съ ними.

— Не на то мы тебя ростили, что тебя дома не видно!

И горько старикамъ:

— Некому будетъ и глазъ закрыть.

Странникомъ въ крестнаго ходитъ Іовъ по труднымъ дорогамъ — столько есть радости въ мірѣ и въ мірѣ же такая невыносимая мука.

И неужто нѣтъ срока?

И горе — до вѣка?

И нѣтъ такой силы освободиться?

* * *

Говоритъ Іовъ отцу и матери:

— Есть у Загорнаго царя дочь Магдалина. Крестный просваталъ мнѣ Магдалину.

Отецъ и мать въ ужасъ:

— Магдалину! Въ гноѣ лежитъ она, страшно смотрѣть, ей и ѣду въ окно подаютъ: смрадъ идетъ отъ нея.

Не послушалъ Іовъ.

Не нарушилъ слова:

— Магдалина будетъ его женою.

* * *

Спрашиваетъ Іовъ:

— Можно мнѣ видѣть царевну?

— Ой, милый братецъ, — говоритъ царица, — нельзя къ ней: смрадъ идетъ.

— Ничего, пусти меня, я беру ее въ обрученье.

— Куда ее! — заплакала мать, — несчастную!

Іовъ вошелъ къ царевнѣ.

Царевна лежала — на вѣкъ безъ надежды.

Подняла глаза она безнадежно.

Ужъ никогда никого не просила и въ сердцѣ послѣднія жалобы ея острупѣли.

— Вставай, Магдалина, я, Іовъ, женихъ твой!

И взялъ ее Іовъ за правую руку.

И вдругъ какъ огонь жарко огнемъ пыхнуло.
И чиста поднялась Магдалина невѣстой.

Въ церковь къ Вознесенью Христову повелъ Іовъ невѣсту.
Тутъ ихъ крестный и повѣнчалъ: Іова и Магдалину.
— Милые крестники мои, оставляйте эту жизнь, ступайте со мной!
И повелъ ихъ не изъ церкви — въ церкви по воздуху вверхъ на небеса.

Алексѣй Ремизовъ

Э. ГОЛЛЕРБАХЪ

ДАРЫ ПОЭТОВЪ

ДАРЫ ПОЭТОВЪ.

(Изъ петербургскихъ впечатлѣній).

Москва и Петербургъ всегда были различны по своему литературному облику. Если вѣрить, что каждый городъ имѣетъ свою «душу», то нужно повѣрить и тому, что эта душа накладываетъ неизгладимый отпечатокъ на подвластныхъ ей людей. Послѣ «Петербурга» Андрея Бѣлаго отрицать это невозможно. И не только «Петербургъ», вся петербургская литература (поэзія въ частности и въ особенности) отмѣчены печатью чародѣйнаго города, великолѣпнаго и загадочнаго, о которомъ такъ хорошо сказала З. Гиппіусъ:

«Созданіе революціонной воли.
Прекрасно-страшный Петербургъ».

Впервые голосъ Петербургской Камени зазвучалъ въ стихахъ А. Блока. Не замолкъ ли онъ со смертью Блока? Можетъ быть, мы слышимъ теперь только эхо прекраснаго голоса? Тихое эхо,, умирающее и уже заглушаемое иными голосами. Можетъ быть, есть и среди новыхъ голосовъ такіе, къ которымъ стоитъ прислушаться. Несомнѣнно лишь то, что со смертью Блока кончился какой-то совсѣмъ своеобразный, совсѣмъ обособленный и очень «петербургскій» періодъ русской поэзіи. Двадцатилѣтіе 1901 («Стихи о Прекрасной Дамѣ») — 1921 (Смерть Блока) охватываетъ рядъ чудеснѣйшихъ поэтическихъ достиженій, связанныхъ съ именами Блока, Кузмина, Сологуба, Гумилева, Ахматовой. Есть люди, думающіе, что Прекрасная Дама — умерла. Простаки и невѣжды не знаютъ, что красота безсмертна. Трагизмъ заключается только въ томъ, что она иногда становится незримой, уходитъ, скрывается отъ людей, недостойныхъ ее лицезрѣть. Отъ современныхъ поэтовъ зависитъ ея участь. «Творимая легенда» въ ихъ рукахъ. Явленіе красоты, дѣйственное и цѣлящее, зависитъ отъ нихъ, служителей Парнаса.

Мало «надежды» на Москву. С. Есенинъ, Р. Ивневъ — еще два-три имени. Но уже избалованные успѣхомъ, обожжонные нечаянно загорѣвшимся вниманіемъ къ нимъ, — они поэтическое «озорство» предпочитаютъ «священнодѣйствію». А такъ какъ въ Москвѣ «озорникамъ» имя — легіонъ, то и Есенинъ — только капля въ огромномъ, разбушевавшемся морѣ имажинизма, безудержнаго, стихійнаго рифмоизверженія. На Тверской, что ни шагъ, то широковѣщательные афиши, анонсирующія выступленія несчетныхъ стихотворцевъ, — помпезные, и крикливые. Хорошо усвоивъ незыблемую истину — «и въ единеніи сила», москвичи берутъ количествомъ, за отсутствіемъ качества.

Въ Петербургѣ — иная атмосфера. Здѣсь не «стойло Пегаса», — здѣсь — Геликонскія рощи; долетающіе сюда изъ «стойла Пегаса» ароматы заставляютъ насъ содрогаться. Шершеневичъ, Маріенгофъ, Кусиковъ и пр. вызываютъ у насъ болѣе или менѣе единодушное недоумѣніе, жалость, досаду. На одномъ неприличіи, кощунствѣ и цинизмѣ дѣйствительно дальше стойла не уѣдешь. Правда, въ самое послѣднее время появились и въ Петербургѣ поэты, которые смогли бы протянуть руку московскимъ коллегамъ, именно потому, что у свѣтлыхъ водъ Петербургской Гиппокрены имъ « и скучно, и грустно, и некому руку подать». Но исключенія, какъ извѣстно, только подтверждаютъ правило.

М. Кузминъ и А. Ахматова — вотъ имена вполнѣ «петербургскія», вполнѣ достойныя славныхъ петербургскихъ традицій. Слѣдуетъ добавить — и царскосельскихъ. Тамъ, въ тишинѣ стараго парка, еще живетъ муза Ин. Анненскаго нашего ранняго символиста, родоначальника нѣжнѣйшаго лирическаго жанра, сочетавшаго утонченные фіоритуры французскаго декаденса съ бездонной глубиной родной «достоевщины». Его вліяніе распространилось на цѣлую плеяду поэтовъ, изъ которыхъ Ахматова, Кузминъ и Гумилевъ сумѣли продолжить его линію внѣ простой подражательности. Изъ молодыхъ особенно «подчинился» Анненскому Всев. Рождественскій, взявшій отъ своего учителя, если не трагическую обостренность мысли, то, по крайней мѣрѣ, внѣшнее изящество («Золотое веретено», «Лѣто») . . .

Среди современныхъ поэтессъ очень мало поэтовъ. Отчасти въ этомъ и таится причина успѣха Ахматовой. Она—несомнѣнный и большой поэтъ. Но при всей симпатіи къ удивительной задушевности и тонкой архитектоникѣ ея стиховъ, нельзя не сказать, что дарованіе ея совершенно «стоячее», статическое, однообразное до боли, до пресыщенія. Съ Кузминымъ ее сближаетъ то, что оба они замкнулись въ тѣсный кругъ психологіи «любовныхъ» переживаній, причемъ ихъ любовь не Платоновскій эросъ, а «комнатная» нѣжность и «домашнія» драмы. Но Кузминъ сумѣлъ въ

этомъ тѣсномъ кругу оказаться неистощимо изобрѣтательнымъ. Широкая эрудиція, настоящая, не на прокатъ взятая, культура дали ему возможность развернуть свою тему такъ, что она стала неповторимой и единственной по разнообразію и великолѣпію своихъ мотивовъ. «Взыскательный художникъ» самъ ограничилъ себя и, ограничивъ, поднялся на очень значительную высоту. «Нездѣшніе вечера» и «Эхо» говорятъ объ этомъ съ убѣдительной ясностью. Стихи же Ахматовой даютъ отчетливое ощущеніе того, какъ непроизволенъ, какъ предопредѣленъ кругъ ея переживаній. Она поетъ такъ, а не иначе, потому только, что иначе не умѣетъ. Поетъ о томъ, что ей доступно, потому что такъ легче. Въ послѣднихъ книгахъ ея («Подорожникъ» «Anno domini MCMXXI.» все чаще — варіанты и реминисценціи. Ея субъективизмъ становится манерностью. Она зашла въ какой-то тупикъ, загипнотизированная незамысловатыми тревогами собственнаго «я», и ничего не ищетъ, не хочетъ восхожденія, не хочетъ духовнаго роста. Если бы не чарующая прелесть простыхъ и чистыхъ словъ сочетаній, лирика Ахматовой омертвѣла бы въ своемъ тупикѣ. Красотѣ дано «спасти міръ», спасаетъ она и Ахматову.

Ирина Одоевцева и Анна Радлова чаще другихъ поэтессъ украшаютъ своими стихами періодическія изданія. Поэты-ли онѣ? — У Одоевцевой есть свои слова, есть свой стиль, нетвердый и неяркій, но свой. Она любитъ романтическую бутафорію, пеструю и мишурную, тяготѣетъ къ наивнымъ и жуткимъ «приключеніямъ». Внѣ разсказовъ объ этихъ приключеніяхъ ей нечего сказать. Она потому и любитъ «разсказывать» что не знаетъ, что «сказать». Ея лирико-эпическіе опыты милы, но не болѣе. Отличительное свойство ихъ — ненужность.

У А. Радловой («Соты», «Корабли») напротивъ мало своихъ словъ, своего стиля, но ей есть что сказать. Она еще недостаточно индивидуальна, не нашла еще собственной манеры письма и заимствуетъ ее у Ахматовой, отчасти у Мандельштама и Маяковскаго. Но безъ преувеличенія можно сказать, что она содержательнѣе Ахматовой. Притомъ она не подражаетъ, а только «заражается» въ стилическомъ смыслѣ. То, о чемъ она говоритъ нерѣдко интересно и нужно. Непостижимымъ образомъ сочетаетъ она модерническій эстетизмъ съ революціоннымъ пафосомъ. Бываютъ, однако, писатели двуликіе, которыхъ не слѣдуетъ считать двуликими. Логическая антиномія не исключаетъ возможности логическаго синтеза.

Вполнѣ поэтомъ является и М. Шагинянъ. Повторно изданныя „Orientalia“ — одна изъ лучшихъ книгъ послѣдняго времени.

Привлекательны и свѣжи дарованія Н. Голубицкой-Корсакъ и Н. Павловичъ.

Возвращаемся къ «мэтрамъ». Если можно противопоставить Блоку кого нибудь изъ современниковъ, то въ качествѣ антипода назовемъ Н. Гумилева. Въ погибшей до рожденія «Литературной Газетѣ» должна была появиться статья Блока объ акмеизмѣ подъ названіемъ «Безъ божества, безъ вдохновенья».

Не совсѣмъ справедливо было бы сказать, что акмеисты существуютъ «безъ божества и вдохновенья». Но и «божество» и «вдохновенье» для нихъ, конечно, дѣло девятое. «Мастерство» и «выдумка» цѣнятся ими выше всего.

Блокъ и Гумилевъ не только разныя міроощущенія, это — разныя стихіи творчества. Это Моцартъ и Сальери нашей поэзіи. Блокъ вѣщалъ, Гумилевъ выдумывалъ. Блокъ творилъ, Гумилевъ изобрѣталъ. Блокъ былъ художникомъ, артистомъ, Гумилевъ былъ мастеромъ, техникомъ, Блокъ былъ больше поэтомъ, чѣмъ стихослагателемъ: поэзія была ему дороже стиховъ. Гумилевъ былъ версификаторомъ, филологомъ по преимуществу. «Я угрюмый и упрямый зодчій Града, возставшаго во мглѣ»—сказалъ о себѣ Гумилевъ («Огненный столпъ»). И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ строителемъ прежде всего. Стихи не вылетали у него, какъ «пухъ изъ устъ Эола», а чеканились, какъ ювелирная вещь, строились какъ архитектурное сооруженіе. Не то у Блока. Онъ жилъ не стихами, но поэзіей. Потому и умеръ, что не могъ больше дышать поэзіей, т. е. воздухомъ поэта.

Извѣстно, что послѣдніе дни Блокъ почти не писалъ стиховъ. Издавались старые его стихи. Переизданный «Алконостомъ» третій томъ его стиховъ (въ который авторъ, не исключая всего, по его мнѣнію лишняго, внесъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, много новаго) — самое цѣнное изъ всего напечатаннаго въ послѣднее время. Полная глубочайшихъ символовъ, откровеній и пророчествъ, обольстительная и вмѣстѣ съ тѣмъ пугающая книга. Вновь и вновь перечитывая волнующія строки Блока, прикасаясь къ его тревожнымъ думамъ, къ его безбрежной тоскѣ и несравненной нѣжности, мы чувствуемъ до ужаса реально, какъ годъ за годомъ пріучалъ онъ усталую душу «къ вздрагиваньямъ медленнаго хлада».

«Чтобъ было здѣсь ей ничего не надо,
Когда оттуда ринутся лучи».

Андрей Бѣлый въ своей превосходной рѣчи памяти Блока (въ Вольфилѣ, 28-го авг. 1921 г.) далъ исчерпывающій образъ идейнаго содержанія Блоковской поэзіи, раскрылъ его великій смыслъ, ея міровое значеніе.

Послѣ этой рѣчи (воспроизведенной теперь въ сборникѣ «Памяти А. Блока»), должны наконецъ смолкнуть голоса немногихъ, но яростныхъ хулителей покойнаго поэта. Единственный поэтъ современности, заслуживающій названія національнаго — Блокъ. Пышная реторика и космическіе мотивы Бальмонта, похоронная мечтательность и однообразная эротика Сологуба, схоластическая разсудочность и филологическая экзальтація Вяч. Иванова, космополитизмъ и универсальность Брюсова не даютъ имъ права на званіе національныхъ поэтовъ. Не заслуживаетъ этого имени и Бѣлый, съ его вычурной манерностью и патетическимъ мудрствованіемъ, Бѣлый, такъ вѣрно сказавшій о себѣ:

«Я — стилическій пріемъ,
Языковые идіомы».

Только Блокъ, завладѣвшій самыми сокровенными смятеніями русской души, является поэтомъ народнимъ.

«Россія, нищая Россія,
Мнѣ избы сѣрыя твои,
Твои мнѣ тѣсни вѣтровыя
Какъ слезы первыя любви . .
Тебя жалѣть я не умѣю
И крестъ твой бережно несу . . .
Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойничью красу.
Пускай заманитъ и обманетъ
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота отуманитъ
Твои прекрасныя черты» . . .

Благословляющей и проклинающей любовью любилъ Блокъ Россію: оттого сквозятъ его пѣсни и нѣжностью, и гнѣвомъ. «Поэзія Блока», — скажемъ словами Бѣлаго (сборникъ «Вѣтвь», М. 1917) — «цвѣтокъ страшныхъ лѣтъ русской жизни: неудивительно, что и въ поэзіи этой перепутаны имя и путь; русская дѣйствительность зачастую была роковымъ смѣшеніемъ путей, насъ ведущихъ къ катастрофѣ въ планѣ личномъ и соціальномъ; выразителемъ смятенной души въ ея духѣ и въ тѣлѣ былъ Блокъ».

Особнякомъ стоитъ группа «эстетовъ», которыхъ можно было бы раздѣлить (очень условно и приблизительно) на пассеистовъ и новаторовъ. Къ первымъ можно отнести Георгія Иванова, В. Ходасевича, Георгія Адамовича и отчасти «парнасца» М. Лозинскаго и «акмеиста» Мандельштама. Вторая группа очень многочисленна. Для примѣра назовемъ С. Нельди-

хена, новизна котораго, впрочемъ, очень не нова. Дѣятельное любованіе міромъ составляетъ основную черту эстетизма. При этомъ «эстеты», также, какъ и акмеисты (ничѣмъ отъ нихъ не отличащіеся) изображаютъ въ сущности не прекрасное, а свое ощущеніе отъ него. Иногда это очень немного. Напримѣръ поэтическое «credo» Георгія Иванова отлично выражено въ одномъ изъ послѣднихъ его стихотвореній, гдѣ разсказывается, какъ охотникъ убилъ птицу и какъ въ небо унеслась «бездомная птичья душа», поэтъ спрашиваетъ съ трогательнымъ простодушіемъ:

«И что въ человѣческой участи
Прекраснѣе участи птицъ,
Помимо холоднюй пѣвучести
Немногихъ завѣтныхъ страницъ?»

Въ отличіе отъ сентиментальнаго Г. Иванова, О. Мандельштамъ не ограничивается рамками «холодной пѣвучести». Онъ любитъ и цѣнитъ мысль, и нѣкоторые его «афористическіе» стихи переживутъ своего автора надолго.

Стихи В. Ходасевича («Путемъ зерна») хороши своей классической простотой, ясностью и благородствомъ. Поэтъ не очень изобрѣтателенъ, не богатъ изобрѣтательными средствами, но требователенъ къ себѣ и остороженъ.

С. Нельдихенъ («Органное многоголосье») увѣренъ, что воскресилъ въ наши дни «библейскую прозу». Старается онъ также походить на Уота Уитмена. О чувствѣ собственнаго достоинства, воодушевляющемъ его, могутъ дать понятіе хотя-бы слѣдующія строки:

Іисусъ былъ великій, но односторонній мудрецъ,
И слишкомъ большой мечтатель и мистикъ;
Если-бы онъ былъ моимъ современникомъ,
Мы-бы все же сдѣлали съ нимъ многое, очень многое» . . .

Н. Оцупъ («Градъ») находится еще въ порѣ ученичества: голосъ у него еще ломкій, «срывающійся», но иногда берущій отчетливыя и звучныя ноты. Онъ ведетъ свое «происхожденіе» отъ Гумилева, находясь также въ столь близкомъ родствѣ съ Нельдихеномъ, что иногда отождествляетъ себя съ нимъ («мнѣ показалось, что и Нельдихенъ — это я»). Если Оцупу не наскучитъ роль «выдумщика», онъ додумается когда нибудь до совсѣмъ хорошихъ стиховъ. Къ «послѣднимъ могиканамъ» петербургскаго символизма принадлежатъ Ф. Сологубъ, Конст. Эрбергъ и Вл. Пястъ. Впрочемъ послѣдній въ настоящее время, кажется, не очень настаиваетъ на символизмѣ. Новыя книги Сологуба («Фиміамы», »Одна любовь», «Со-

борный благовѣстъ») ничего не прибавляютъ къ характеристикѣ этого выдающаго художника слова. Книга К. Эрберга «Плѣнъ» представляетъ собою цѣпь довольно сухихъ и безкрасочныхъ, но содержательныхъ медитацій. У автора строго опредѣленная, но не твердо обоснованная точка зрѣнія на міръ и все въ немъ происходящее.

Интересные и способные люди есть среди пролетарскихъ поэтовъ. Какъ ни странно, большинству изъ нихъ лирическіе мотивы удаются лучше гражданскихъ (Машировъ, Бердниковъ, Садофьевъ, Іоновъ). Вопреки мнѣнію, что „inter arma silent musae“ ни война, ни революція не заставили умолкнуть Петербургскую Музу: напротивъ, разнообразнѣе и звучнѣе стали ея пѣсни. Она съ нами, она не оставила насъ въ суровые, жестокіе годы испытаній. Въ античномъ мірѣ музы принимали участіе не только въ веселыхъ праздникахъ (какъ напримѣръ на свадьбѣ Пелея и Фетиды), но участвовали и въ горѣ смертныхъ (послѣ кончины Ахилла). Они и понынѣ дѣлятъ съ нами восторги и печали. Радостью и тишиной наполняется душа, вспоминая въ земномъ странствіи, что они — съ нами, свѣтлыя Піериды, безсмертныя подруги Мусогета.

Э. Голлербахъ.

Петербургъ. Мартъ 1922 г.

ВЛ. АМФИТЕАТРОВЪ-КАДАШЕВЪ

ПОИСКИ КЛЮЧА

ПОИСКИ КЛЮЧА.

Современный грозный кризисъ русской культуры часто сравнивается со столь же грознымъ кризисомъ «стараго порядка» во Франціи конца XVIII вѣка.

Въ мою задачу не входитъ разборъ правильности этихъ сравненій, но нельзя не указать, что въ области самыхъ вѣщихъ проявленій человѣческаго духа — въ искусствѣ и въ литературѣ — между революціями французской и русской совершенно нѣтъ параллелизма.

Въ страшные дни крушенія тысячелѣтняго царства Людовиковъ литература пребывала въ невозмутимомъ покоѣ.

Отдѣльные писатели переживали глубокіе душевные переломы: сладострастный Парни изъ монархиста превратился въ революціонера, строгій Лагарпъ, наоборотъ, изъ вольнодумца — въ консерватора и христіанина. Великій драматургъ, чей острый сатирическій свистъ былъ предвозвѣстникомъ бури, — дрожалъ отъ страха передъ зрѣлищемъ воплощавшей его чаянія революціи и думалъ объ одномъ: спрятаться такъ, чтобы его не замѣчали. Нѣкоторые погибали во взбаламученныхъ волнахъ революціоннаго моря. Среди нихъ былъ одинъ изъ величайшихъ поэтовъ Франціи, чья эллински ясная душа ненавидѣла нестройный вой карманьолы, и которому карманьола жестоко отомстила, пославъ его на эшафотъ наканунѣ дня, когда сама она въ лицѣ «добродѣтельнаго Максимиліана» склонила голову подъ ножъ гильотины.

Но эти личныя трагедіи не касались литературы. Она оставалась такою же, какою была при короляхъ, закованной въ ледяную броню ложно-классическаго канона, занятою тысячу первымъ разрѣшеніемъ «коллизіи страсти и долга», согласно „L'art poètique" Буало. Не было попытокъ ни раскрытія проблемы революцій, ни художественнаго

претворенія ея идеологіи (ибо нельзя считать таковыми ходульную декламацію о тиранахъ трагедій Жозефа Шенье).

„. . . . tandis que la société avançait eu mal ou en bien, la littérature demeurait stationnaire; étrangère au changement des idées, elle n'appartenait pas à son temps. Dans la comédie, les seigneurs de village, les Colin, les Babet ou les intrigues de ces salons que l'on ne connaissait plus, se jouaient devant des hommes grossiers et sanguinaires, destructeurs des moeurs dont on leur offrait le tableau; dans la tragédie, un parterre plebeïen s'occupait des familles des nobles et des rois“ (Vicomte de Chateaubriand, „Mémoires d'Outre-Tombe“ IV).

пишетъ объ этой литературѣ человѣкъ, хорошо ее понимавшій уже хотя бы потому, что онъ ее разрушилъ.

И только, когда закончилась политико-соціальная катастрофа, началась революція литературная, — опрокинувшій ложно-классическій канонъ формы и отвернувшійся отъ вольтеріанскаго раціоналистическаго духа прежней литературы, романтизмъ.

Но это движеніе, психологически бывшее наслѣдникомъ страстныхъ эмоцій революціоннаго кризиса, идеологически стояло на точкѣ зрѣнія контръ-революціонной.

Какъ очень тонко подмѣчаетъ тотъ же Шатобріанъ:

„La littérature qui exprime l'ère nouvelle, n'a régné que quarante ans après le temps dont elle était l'idiome; pendant ce demi-siècle elle n'était employée que par l'opposition. C'est madame de Staël, c'est Benjamin Constant, c'est Lemercier, c'est Bonald, c'est moi enfin, qui les premiers avons parlé cette langue. Le changement de littérature dont le dixneuvieme siécle se vante, lui est arrivé de l'émigratton et de l'exil“ (Ibid).

Романтизмъ, вложившій Марсельезу въ уста Сатаны, не хотѣлъ искать ключа художественнаго оправданія революціи: онъ поставилъ на очередь разгадку проблемы контръ-революціонной.

Совершенно иное явленіе наблюдается въ современной Россіи.

Если во Франціи революціонный хаосъ останавливался на порогѣ обиталища девяти геликонскихъ сестеръ, то на современномъ русскомъ Геликонѣ происходитъ такой же космическій кавардакъ со стихіями, какъ и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ жизни: девять сестеръ во главѣ съ ополоумѣвшимъ Мусагетомъ, вертятся колесомъ, нераздѣльно мыча: «Интернаціоналъ?» «Боже Царя храни?» матерную брань? молитву? — или все вмѣстѣ?

Рязанскій озорникъ, съ обманною и нехорошею хитрецою, истошно вопіющій:

«И если бъ я не былъ поэтомъ, то былъ бы мошенникъ и воръ!» — это не важный наперсникъ, съ одинаковымъ величіемъ декламирующій: „Ecoutez, Britannicus“ и передъ пудренными маркизами салоновъ герцогини Де-Граммонъ и передъ поклоняющейся «св. гильотинѣ» парижскою чернью.

Мы не захотѣли оставаться спокойными въ мучительные часы почти космической катастрофы родной исторіи. Мы пошли искать ключъ къ раскрытію страшной проблемы революціи. Разсмотрѣнію этихъ поисковъ посвящена настоящая статья. Что уже достигнуто и какія обѣтованія даны грядущему?

Обширность темы заставляетъ меня заранѣе ограничиться *областью художественной литературы въ прямомъ смыслѣ этого слова, т. е. литературы прозаической.*

Поэзіи, искусства переходнаго отъ слова къ чистому звуку, отъ литературы къ музыкѣ я буду касаться лишь вскользъ. Равнымъ образомъ, и публицистическое или историко-философское теоретизированіе явленій современности я буду затрагивать лишь постольку, поскольку оно необходимо для коренной моей задачи.

Но и въ такомъ ограниченномъ размѣрѣ задача эта не изъ легкихъ.

Съ одной стороны, мы, въ эмиграціи, ничего не знаемъ о рядѣ новыхъ, возникшихъ въ Совѣтской Россіи, писателей; съ другой—слишкомъ многіе изъ прежнихъ славныхъ дѣятелей литературы до сихъ поръ не сказали своего *художественнаго* слова о революціи, хотя и говорили о ней, какъ о явленіи политическомъ.

Молчитъ Купринъ.

Мережковскій высказался лишь, какъ религіозный мыслитель. Что же касается до «14 декабря» то оно принадлежитъ еще къ старой дореволюціонной манерѣ творчества Мережковскаго. Разрѣшеніе проблемы революціи въ этомъ романѣ — новая варіація «религіозной общественности».

Мы не слышимъ Зайцева, Замятина, Тренева, Шмелева.

Наконецъ, молчатъ о революціи и два самыхъ замѣчательныхъ прозаика нашихъ — И. А. Бунинъ и Андрей Бѣлый.

Первый, какъ извѣстно, всецѣло отвергъ буйное неистовство революціонной стихіи.

«Смири скота, низвергни демагога!» вотъ чувство Бунина при зрѣлищѣ великаго русскаго разлада.

Это отношеніе къ революціи, за которое Бунина угрызаютъ не только травяныя воши отъ литературы, сосущія жирный стебель «Наканунѣ», но

и Илья Эренбургъ, въ послѣдней главѣ «Хуліо Хуренито» выкинувшій довольно хулиганскую выходку противъ славнаго академика, — вполнѣ естественно.

Метафизически Бунинъ — гармонія, ясность, строгость.

Исторически онъ, хотя и не петербужецъ, — цѣликомъ отъ петербургской, дворянской, императорской культуры, культуры Пушкина и Петра Великаго. Какъ можетъ онъ принять революцію, — метафизически представляющую выявленіе хаоса, исторически — разрушительницу дѣла Пушкина и Петра?

Но бунинское непріятіе революціи доселѣ высказалось лишь публицистически. Можно представить, какъ грозна будетъ его книга, когда онъ захочетъ раскрыть проблему революціи въ образахъ художественныхъ, но пока этой книги нѣтъ.

Бѣлый, напротивъ, съ какой то, очень своеобразной стороны, революцію пріялъ. Однако, подобно непріятію Бунина, художественно неоправдано и пріятіе Бѣлаго.

Двѣ послѣднихъ, совершенно замѣчательныхъ работы Бѣлаго — «Путевыя замѣтки» и «Воспоминанія о Блокѣ» раскрываютъ тайный мистическій путь писателя. Въ «мимолетныхъ пятнахъ пути, летающемъ танцѣ цвѣтовъ», такъ тонко передающихъ очарованіе couleur local Туниса и въ любовной памяти о великомъ поэтѣ, Бѣлый намѣчаетъ свою трудную дорогу къ «Куполамъ Іоаннова зданія», къ великой истинѣ Розы и Креста. Но проблема революціи имъ не затронута. И намъ остается только ждать, когда Бѣлый создастъ новый «Петербургъ», въ которомъ его мистически мудрое сердце восчувствуетъ и разрѣшитъ страшную загадку русской катастрофы.

За молчальниками слѣдуютъ недосказавшіе. На первомъ мѣстѣ — Ѳедоръ Сологубъ.

Его «Заклинательница змѣй», романъ, дѣйствіе котораго происходитъ до революціи, но который, конечно, ставитъ революціонную проблему — нѣмотна и безсловесна и эта безсловесность иногда приводитъ къ выводамъ парадоксальнымъ: нѣкій, съ позволенія сказать, «критикъ» обнаружилъ въ Сологубѣ . . . большевизмъ.

Измышленія «критика» (кстати, вскорѣ нашедшаго «и столъ и домъ» въ смѣновѣховской газетѣ) — конечно, сплошная чепуха. Сущность сологубовскаго романа — разрѣшеніе соціальнаго вопроса черезъ душевный переломъ отдѣльной личности — «змѣи», которая, обвороженная любовью — «заклятьемъ заклинательницы» постигаетъ безнравственность своего богатства — прямо противоположна большевизму. Это — не коммунизмъ, а дореволюціонное интеллигентское прекраснодушіе, наивно-

вѣрующее въ моральное превосходство низшихъ классовъ надъ высшими. Это сантиментально — щепетильное чувство, породившее раціоналистическій морализмъ Льва Толстого, создавшее «кающихся дворянъ» и «хожденіе въ народъ», бывшее оправданіемъ террора «Народной Воли», вдохновлявшее Герцена. Именно эти отзвуки прекраснодушнаго народничества (довольно неожиданные у Сологуба) — причина безсловесности «Заклинательницы».

Великій русскій Разладъ опрокинулъ много идеологій, вещей и явленій; въ числѣ ихъ рѣшительно и безповоротно разметано сантиментальное народничество 70-хъ и 80-хъ годовъ. И рисовать теперь, послѣ суровой и злой практики революціи столь непохожіе на нее миражи старой демократической мечты — не значитъ ли говорить *не тѣ слова* или, что одно и то же, быть *безсловеснымъ?*

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, послѣ пронесшагося надъ Россіей почти космическаго бунта долбитъ все ту же, заманчивую своей простотой, но абсолютно ложную схему: «одни — бѣдные, другіе — богатые; богатые — скверные, бѣдные — хорошіе», какъ язвительно опредѣлилъ субстанціональную мысль народничества В. В. Розановъ (въ еще неопубликованномъ письмѣ къ Г. А. Лопатину).

Въ результатѣ «Заклинательница Змѣй» — пыльная, мертвая хартія. Антитеза «змѣинаго гнѣзда» — буржуазіи и «заклинательницы», свѣтозарной дѣвы изъ народа (символика или, вѣрнѣе, аллегоричность — очень прозрачная и нехитрая) неубѣдительна. Архитектоника романа слишкомъ схематична: въ «Заклинательницѣ» только двѣ краски: сусальное золото для добродѣтели и «черный цвѣтъ — мрачный цвѣтъ» для порока — такъ что получается какое-то «Добро и Зло, аллегорически изображенное въ повѣсти о Розѣ и Агнессѣ», гдѣ буржуи — въ лучшемъ случаѣ — слабовольныя, недѣйственныя мямли (Любовь Николаевна, Милочка, проф. Аббакумовъ), въ худшемъ — наглые глупцы и отъявленные негодяи, а пролетаріи, даже наивной дуракъ Пучковъ и злобный агитаторъ Малицынъ — прелестныя и благородныя личности.

Языкъ «Заклинательницы» неожиданно неряшливъ.

Чисто русская, волжская купеческая семья иногда вдругъ переходитъ на одесскій жаргонъ. Горѣловъ говоритъ, что Ленка «наѣздницей задѣлалась.» Милочка выпаливаетъ: — «Забыла вычистить ея ботинки! Вотъ и весь криминалъ!»

Если безсловесность Сологуба не вполнѣ понятна (почему, въ самомъ дѣлѣ, подойдя къ проблемѣ революціи, писатель вдругъ заговорилъ, на

чужомъ языкѣ, тѣмъ лишивъ себя дара слова?) — то безсловесность гр. А. Н. Толстого постигается легко.

Гр. А. Н. Толстой типичный представитель литературы «жизнеотраженія», т. е. стремленія къ художественному претворенію жизненнаго процесса, какъ таковаго, внѣ зависимости отъ той или иной идеологіи.

Источникъ творчества Толстого — эмоціональное воспріятіе, возбудитель — многообразный и многогранный комплексъ бытія.

При отсутствіи обязательной идеологіи, этотъ методъ требуетъ, какъ основной предпосылки — оправданія жизненнаго процесса, признанія его закономѣрности и просвѣтленности.

При такой постановкѣ вопроса безъидейность гр. Толстого дѣлается естественной. Если жизнь въ самомъ основѣ своей — благо, то не излишни ли для нея человѣческія указки? И гр. Толстой стремясь къ воплощенію полнаго комплекса бытія, безъ обусловленнаго идеологическими аперцепціями подчеркиванья тѣхъ или иныхъ сторонъ, смотритъ на явленія жизни, какъ на возбудительный элементъ творческаго процесса, воспринимая, такимъ образомъ, міръ въ планѣ эпическомъ.

Самъ по себѣ эпическій методъ, конечно, не предполагаетъ нѣмоты передъ грозной проблемой революціи.

Но бѣда гр. Толстого въ томъ, что, при эпическомъ воспріятіи міра, онъ не можетъ создать эпопеи, ибо его міроощущеніе — не цѣлостно, а отрывочно. Глубже всего онъ ощущаетъ иронію жизни. Здѣсь у него есть даже нѣкоторое чувство единства.

Ироніей авторская воля Толстого оживляетъ чудаковатый міръ, словно волшебствомъ занесенныхъ въ XX вѣкъ стародавнихъ масокъ, дѣйствующій въ его мастерски написанныхъ разсказахъ («Заволжье» «Недѣля въ Туреневѣ», «Аггѣй Корсвинъ», «Архипъ» и др.)

Но для эпопеи одного умѣнія улавливать ироническій элементъ жизни — мало.

Для эпопеи нужна большая мысль (не опредѣленная идеологія, а именно объединяющая мірозданіе мысль). Ея у Толстого нѣтъ, и поэтому «Хожденіе по мукамъ» — oeuvre, manqué «тѣнь несозданныхъ созданій», несмотря на великолѣпныя бытовыя детали первыхъ главъ.

Поэтому послѣднія произведенія Толстого хороши, лишь когда они историчны (прелестная «Любовь — книга золотая», заставившая парижанъ вспомнить Мариво, «День Петра») или когда они мемуарны («Дѣтство Никиты»). Здѣсь Толстой вылавливаетъ кусочки жизни, не объединая ихъ большою мыслью, дѣлаетъ эпическіе наброски, не творя эпоса.

Передъ сложностью же революціи онъ безсиленъ и, безсловесенъ: кусочками ея хаосъ не дается, а большой мысли, которая властнымъ Fiat

lux! прозвучала бы надъ обволакивающими современную Русь вихрями космической пыли — у Толстого не имѣется.

Нельзя же считать большими мыслями — жалости достойный лепетъ его «теоретическихъ» статей въ «Наканунѣ», гдѣ все сводится къ крайне убогому выводу: революцію и ея литературу надобно принять, несмотря на ихъ аморальность и кровожадность, только потому, что онѣ — существующій фактъ.

Подобно гр. Толстому, не высказался до конца и А. М. Ремизовъ. По совсѣмъ инымъ причинамъ: Толстой не можетъ, Ремизовъ, очевидно, не хочетъ. Потому что — большою мыслью, — непремѣннымъ условіемъ творчества не только жизнеотражающаго, но и провидящаго — этотъ самый фантастическій русскій писатель, конечно, обладаетъ.

Но, во-первыхъ, въ рядѣ новыхъ книгъ своихъ, въ пронизанной живымъ религіознымъ чувствомъ, сверкающей, словно оклады старинныхъ иконъ «Травѣ-Муравѣ» или въ слишкомъ расплывчатой, безсюжетной, но чарующей нѣжнымъ образомъ, дѣвочки Оли и изумительно написаннымъ бытомъ, повѣсти «Въ полѣ блакитномъ», Ремизовъ не касается революціонной проблемы, а, во-вторыхъ, тамъ, гдѣ онъ вплотную подходитъ къ революціи, его подходъ слишкомъ эмоціоналенъ и лириченъ для полнаго раскрытія революціонной загадки.

Ремизовъ беретъ революцію лишь какъ фактъ большого несчастья. Онъ не осуждаетъ, не защищаетъ. Онъ опредѣляетъ: пришла великая бѣда, всѣ несчастны и горько плачетъ надъ несчастьемъ:

«Тяжко на разоренной землѣ.

Родина моя!

Душа изболѣла.

Если бы были такія могилы, куда бы клали живыхъ — я бы легъ.»

«Шумы города» и «Всеобщее Возстаніе» — не попытка раскрытія революціи. Они — неизбывная скорбь, — скорбь дѣвочки Нюшки, которую, за запрещенную торговлю на улицѣ, ловятъ милиціонеры, скорбь Матери, потерявшей сына, скорбь великаго умирающаго Города, лишеннаго даже своего святого апостольскаго имени, и названнаго «пѣтухомъ».

«И вотъ возсталъ и бродитъ по Руси призракъ великаго чаянія истинной вѣры, истинной свободы. Если-бъ поджечь цѣльнымъ огнемъ, какіе-бъ запылали костры!»

«Не костры, искры безсильныя, какъ потухающіе угольки, сыплются по снѣгу на ледяной черепъ измученной земли и сверкаютъ.

Тамъ. —

Какъ ложныя звѣзды.

Я протянулъ руки.

И пали искры и обожгли мнѣ ладони.»

Въ этихъ словахъ весь смыслъ «революціонныхъ» произведеній Ремизова. Они — крикъ безмѣрной боли отъ обожженныхъ рукъ. Поэтому они трогаютъ, они потрясаютъ (особенно «Всеобщее Возстаніе»), полнятъ острою, горькою жалостью и къ пылающей ложными звѣздами странѣ, и къ опаленному ея пожаромъ писателю, но, всецѣло эмоціональныя, созданныя въ быстрой смѣнѣ больныхъ минутъ, они не показываютъ намъ основной сущности загадочнаго и грознаго явленія, именуемаго русской революціей.

Послѣднимъ въ ряду невысказавшихся славныхъ писателей стоитъ тотъ, чье, уже готовое раздаться слово было прервано безвременною смертью — Леонидъ Андреевъ.

Врядъ — ли можно сомнѣваться, что задачей недоговореннаго «Дневника Сатаны» было раскрытіе революціи. Въ романѣ много намековъ, по которымъ мы можетъ догадаться объ основныхъ путяхъ этого раскрытія.

«Дневникъ Сатаны» не принадлежитъ къ лучшимъ твореніямъ Андреева.

Въ романѣ имѣется огромный недостатокъ: крайняя неопредѣленность главнаго дѣйствующаго лица — вочеловѣчившагося Сатаны.

Въ основѣ Андреевъ задумалъ его вполнѣ правильно: существо потусторонняго бытія, явившееся не отъ вѣдомыхъ людямъ жизни и смерти, а отъ чего-то третьяго, — человѣческими словами невыразимо.

Но ради несказанности Сатаны Андреевъ отказался отъ извѣчнаго человѣческаго представленія о Дьяволѣ — бунтовщикѣ, соблазняющемъ человѣка свободой перемѣщенія этическихъ и метафизическихъ цѣнностей. Цѣль андреевскаго чорта — не бунтъ, не соблазнъ, не зло, а игра.

При такой концепціи Сатана потерялъ свои отличительные, «сатанинскіе» признаки и превратился въ какое-то таинственное Существо, стихійнаго духа, что-ли, каковая метаморфоза лишила остроты два главнѣйшихъ момента романа — соблазнъ Сатаны человѣкомъ Магнусомъ Эрго и любовь вочеловѣчившагося Дьявола къ Маріи-Мадоннѣ.

Если бы дѣло шло о Дьяволѣ «страшно зломъ и умномъ» Духѣ возстанія и непокорства, — Магнусовъ соблазнъ съ финальной катастрофой «взрыва», раскрывающій почти мистическую глубину человѣческой жестокости и низости, былъ бы очень многозначителенъ.

Но разъ передъ нами не Дьяволъ, а только какое-то потустороннее Существо не нашего міра, — Магнусовъ «взрывъ» дѣлается даже не страннымъ: удивленіе, — какимъ образомъ человѣкъ могъ околпачить неизмѣримо высшаго Духа разсѣивается, когда мы вспоминаемъ, сколь рѣши-

тельно Андреевъ подчеркиваетъ «вочеловѣченіе» этого Духа. Вѣдь, въ сущности, тотъ, кого «взорвалъ» Магнусъ Эрго — уже не отличное отъ насъ таинственное Существо, а наивная мямля — неврастеникъ мистеръ Генри Вандергудъ изъ Иллинойса.

Столь же непонятна, въ такомъ случаѣ, рѣзкость противопоставленія Сатаны и Маріи-Мадонны. Если бы Сатана Андреева былъ Сатаною — символомъ Зла, его любовь къ Мадоннѣ, символу Das Ewig Weinbliche (мотивъ лермонтовскаго Демона и Тамары), равно какъ и послѣдующій «взрывъ» — раскрытіе въ Вѣчной Женѣ — Вѣчной Проститутки — были бы до крайности значительными и философски обостренными.

Но андреевскій Дьяволъ совсѣмъ не Дьяволъ, и эти факты даже не удивляютъ.

Существо мистическое и невыразимое, андреевскій такъ называемый Сатана, встрѣтивъ другое мистическое и невыразимое Существо, не могъ не почувствовать къ нему влеченія, просто, какъ къ чему то родному среди чуждой ему земной жизни. Такъ какъ Сатана вочеловѣчился, это влеченіе вылилось въ формы нѣжной и просвѣтленной любви. Но элемента Зла и Тьмы, въ странномъ раскаяньи влекущихся къ Добру и Свѣту, лермонтовскаго

«Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.»

у Андреевскаго Сатаны быть не можетъ, ибо, въ противность всѣмъ своимъ однофамильцамъ, онъ «нейтраленъ» въ вопросѣ Добра и Зла.

Что же касается недогадливости Сатаны, не узнавшаго направленія Маріиной мистики (Андреевъ даетъ Марію мистичной — и въ обманномъ образѣ Мадонны и въ истинномъ обликѣ Публичной дѣвки) — это — опять «человѣческая, слишкомъ человѣческая» ошибка наивнаго американскаго милліардера, а не метафизическій обманъ свободнаго Духа.

Неясность, внутренняя темнота «Дневника Сатаны», однако, не лишаетъ его пророческаго ощущенія тревоги передъ надвигающейся на міръ темной ночью революціи.

Въ злобной фигурѣ Магнуса Андреевъ ясно учуялъ революціонную грозу.

Хотя Магнусъ, подобно Сатанѣ, написанъ довольно запутано, но одна линія въ немъ намѣчена крѣпко: Магнусъ — «помѣсь кролика съ сатаною», символъ революціи.

Основная черта Магнуса — ненависть.

«Я лично оскорбленъ», задыхаясь отъ злобы, кричитъ онъ Сатанѣ-Вандергуду, искренне не понимающему, «что святого нашла эта мрачная скотина въ ненависти?»

Но, вѣдь, именно этимъ чувствомъ вдохновляется и дышитъ революція, или, вѣрнѣе, она есть только выявленіе во внѣ этой эмоціи.

Всякій революціонеръ, — изнемогающій отъ «бѣшенства сострáданія», ненавистникъ, подобный Сенъ-Жюсту, убѣжденному, что «самъ Богъ послалъ меня покарать этихъ извращенныхъ!»

Методъ, коимъ Магнусъ хочетъ сдѣлать свою ненависть дѣйственною — «взрывъ» — вполнѣ совпадаетъ съ методомъ революціи.

«Взрывъ» — т. е. насильственное разрушеніе обществена́го и культурнаго уклада, «человѣкъ-динамитъ», т. е. сосредоточіе метафизической цѣнности бытія въ человѣкѣ, съ подмѣной понятія человѣческой личности понятіемъ Массы, Коллектива (Магнусовы кролики) и, наконецъ, соблазнъ земнымъ раемъ — полный революціонный символъ вѣры.

Но «Дневникъ Сатаны» не конченъ. Вышеизложенная концепція романа — лишь расшифрованные намеки. Настоящаго слова о революціи не сказалъ и Андреевъ, не по своей волѣ, конечно.

Но, несмотря на то, что славнѣйшіе русскіе писатели или молчатъ, или не могутъ, или не хотятъ искать ключа къ революціонно проблемѣ — всетаки русская литература, въ лицѣ младшаго своего поколѣнія (т. е. писателей, обрѣтшихъ извѣстность уже въ годы революціи) мучительно бьется вокругъ грозной загадки.

Въ этихъ исканіяхъ (за немногими исключеніями) намѣчена одна первенствующая линія — возрожденіе славянофильскихъ навыковъ мысли.

Конечно, мы имѣемъ дѣло не съ простой реминисценціей Хомякова и Аксаковыхъ. Больше — отъ многаго Хомяковъ и Аксаковы отшатнулись бы въ ужасѣ и гнѣвѣ.

Но, тѣмъ не менѣе, въ какихъ то глубинныхъ корняхъ субстанціональное настроеніе современной литературы переплетается со славянофильствомъ: яркая, отчетливая, окраска ея — утвержденіе моральной, религіозной, метафизической особливости Россіи.

Крайне пестро и многообразно это настроеніе: тутъ и эпигоны Константина Леонтьева, евразійцы, тутъ и Максиміліанъ Волошинъ съ раскрытіемъ революціи, какъ божескаго наказанія Русской Землѣ за грѣхъ Петербурга, тутъ и правые (политически) романисты, сочиняющіе утопіи о будущей Россіи — помѣси аэроплана съ кокошникомъ, тутъ и крайне лѣвые поэты, прозрѣвающіе символъ Россіи въ Емелькѣ Пугачевѣ.

Путь этотъ очень опасенъ.

Конечно, хороша національная гордость — созидающее культуру и государственность сознаніе, нѣкогда, въ древнемъ Римѣ, отлитое въ торжественную мѣдь великолѣпной фразы: Cives romanus sum.

Но революціонное нео-славянофильство не имѣетъ ничего общаго съ національною государственностью. Оно тщится доказать, что не въ стройной гармоніи Петербурга, а въ хаосѣ Великаго Возстанія, въ моряхъ крови, въ вихряхъ злобнаго разрушенія выявляется подлинный ликъ Святой Руси. Поэтому благостны и богоносны хаосъ и злоба нынѣшней Россіи.

Здѣсь разверзаются зловѣщія пропасти: дорогою лжи идетъ славянофильствующая русская мысль, исходя изъ болѣе, чѣмъ сомнительной предпосылки: отъ Святой Руси.

Понятіе это считается аксіомой: «край долготерпѣнія», надъ которымъ поэтъ — невѣрующій и не христіанинъ — увидѣлъ «Царя небеснаго въ рабскомъ видѣ», «усталая нѣжность природы», нищіе, «распѣвающіе псалмы» у бѣлокаменныхъ стѣнъ тысячелѣтнихъ Лавръ, земляная мудрость мужика, — все это привычное чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ, неотъемлемымъ грузомъ навалилось въ наши путевыя котомки.

Но сейчасъ настолько трудное и тяжелое время пересмотра аксіомъ. Ни передъ какими несокрушимыми стѣнами и башнями мысль не останавливается съ безмолвною вѣрою. Разоблачаются самыя непреложныя истины. Должно быть разоблачено и понятіе Святой Руси, ибо она — нереальная фикція. Святой Руси нѣтъ и не было.

Была и есть Русь грѣшная, лѣшая, вѣдовская, змѣиное царство. Иногда изъ ея зыбучихъ трясинъ чудомъ выростали цвѣты лазоревые, возникали святые и праведники. Но какъ ни праведенъ былъ Лотъ, Содомъ оставался Содомомъ и Гоморра не превращалась въ райскія кущи.

Змѣя низвергла могучая, свѣтозарная воля великаго Героя, подвигъ котораго остался непонятнымъ и неразгаданнымъ никѣмъ, кромѣ столь же великаго и столь же неразгаданнаго поэта. Но копыта Мѣднаго Всадника растоптали гадину не до смерти. Шипя, извивалась она на фальконэтовской скалѣ, насылала зыбкіе мороки. И самымъ жуткимъ змѣинымъ морокомъ была ложная идея Святой Руси.

Да, въ душѣ русскаго народа трепетала страстная воля къ поклоненію передъ Высшимъ, выявлявшаяся обычно въ христіанскихъ символахъ. Но благостная святость этой воли апріорна, принята на вѣру, ничѣмъ не доказана.

Ибо русская святость всегда слишкомъ страстна, порывиста, безпорядочна: она въ религію, въ область наивысшей гармоничности, вноситъ хаосъ изступленности, не христіанской и даже не діонистической, а шаманской, колдовской, почти сатанинской: русская молитва соприкасается

съ кощунствомъ и преступленіемъ, русская вѣра переходитъ въ бунтъ, ересь и злодѣйство. Недаромъ, самый вѣщій поэтъ нашей современности, говоря о любви Россіи соединилъ «глухіе скиты и вериги» съ «соловьинымъ посвистомъ и острогомъ».

Множество златоглавыхъ храмовъ возносилось надъ широкими русскими просторами, милліоны русскихъ людей падали ницъ передъ чудотворными иконами, многія тысячи взыскующихъ Града Невѣдомаго скрывались въ глухихъ скитахъ. Но, когда близко подходишь къ русской вѣрѣ, начинаетъ казаться, что и храмы, и скиты, и иконы — змѣиный морокъ. Россія, внѣшне преклоненная предъ символами просвѣтленнѣйшей изъ религій Добра и Любви, внутренне поклонялась Кому то Иному, Добру и Любви противоположному.

Несмотря на Кіевскія и Сергіевскія Лавры, не правъ-ли поэтъ, воскликнувшій:

«Сатана свои крылья раскрылъ, Сатана
Надъ тобою, родная страна!»

Быть можетъ, Святая Русь — вовсе не святая?

Разрѣшить этотъ вопросъ значитъ разрѣшить вопросъ русской революціи, ибо въ ней съ небывалой силой выявилась душа нашей націи.

Неудивительно поэтому, что почти всѣ писатели, вплотную подошедшіе къ революціи, пытаются разгадать сущность русской вѣры. И изъ ихъ попытокъ мы вправѣ сдѣлать очень печальный выводъ: наша національная душа охвачена не Божественнымъ пламенемъ Святого Духа, но темнымъ, шаманскимъ огнемъ змѣиныхъ страстей.

Въ этомъ отношеніи очень многозначительно одно произведеніе, хотя и не касающееся революціоннаго кризиса, но ставящее проблему русской святости — романъ Г. Гребенщикова — «Чураевы».

«Чураевы» — столкновеніе двухъ міровъ: Деревни, старой Руси, въ глухихъ Алтайскихъ дебряхъ, сохранившей бытъ и укладъ XVI вѣка, и Города — Имперской Россіи XX вѣка, умудренной культурой «гнилого» Запада.

Любопытно, что символомъ Города Гребенщиковъ беретъ не Петербургъ, а Москву. Это доказываетъ въ немъ пониманіе историческаго генезиса. Ибо, въ предреволюціонную эпоху — традиціонное противопоставленіе Города — Петербурга — «большой Деревнѣ» — Москвѣ потеряло всякій смыслъ.

Во многомъ сохраняя внѣшній «деревенскій», провинціальный обликъ, внутренне Москва XX в., конечно, была настоящій Городъ, Urbs, и въ смыслѣ урбанизаціи, «опетербурживанія» страны часто играли роль болѣе рѣшительную, чѣмъ Невская столица.

Нельзя сказать, чтобы коллизія Города и Деревни въ романѣ Гребенщикова вездѣ выявлялась одинаково гладко.

Укрытую въ трущобахъ Алтая, Русь онъ чувствуетъ, понимаетъ, знаетъ, а т. к. методъ его творчества — точный, натуралистическій, то картина своеобразнаго алтайскаго быта развертывается почти фотографично.

Въ обрисовкѣ характеровъ, въ передачѣ couleur local Гребенщиковъ необыкновенно опредѣлененъ. Его люди — отъ величественнаго патріарха Фирса Чураева до послѣдняго деревенскаго мальчишки почти вызываютъ зрительное впечатлѣніе: мы ихъ какъ будто видимъ, вещи — словно ощупываемъ. Здѣсь Г. Гребенщиковъ — прямой послѣдователь этнографической школы нашей литературы, наслѣдникъ П. И. Мельникова-Печерскаго.

Но Москва у Гребенщикова вышла болѣе слабой: онъ чувствуетъ Городъ не столь глубоко, какъ алтайское захолустье. Поэтому его символизирующая культуру Наденька недостаточно выяснена и, въ противоположность семьѣ Чураевыхъ — не живая.

Блѣдноваты профессоръ, адвокатъ, культурный купецъ.

Однако, несмотря на неровность романа, конечный выводъ его болѣе чѣмъ плачевенъ для Святой Руси.

Городскіе люди Гребенщикова — и Наденька, и деревенскій, но вкусившій города Василій Чураевъ, въ поискахъ истины, бросаютъ Urbs, Петербургскую Россію, чтобы обновиться у истоковъ rus'a около простой мужицкой жизни, обладающей чистотою и благолѣпною святостью.

Но мужицкая святорусская чистота и святость оказываются змѣинымъ морокомъ.

Подъ внѣшнимъ гармоничнымъ обликомъ вскрывается бездонный хаосъ лжи, преступленія, изувѣрства, темное и злое шаманство. Любовь Наденьки къ Викулу, обольстительная звѣриной, земляной первобытностью, превращается въ глубокое паденіе человѣческой души. И люди, пришедшіе изъ Города къ святой Руси за чистою вѣрой, въ ужасѣ убѣгаютъ.

«— Мнѣ нечего бояться и нечѣмъ дорожить. Потому что въ вашего Бога я давно не вѣрю! .. Потому что вашъ Богъ уживается съ злодѣйствомъ! .. Потому что вы еще не люди, а животныя, вы звѣри кровожадные, преступники, убійцы! ..

— Ты не такой убійца, какъ твой сынъ Ананій, или незаконный сынъ Ерема. — И не такой, какъ твой родитель, не считавшій за грѣхъ убить китайца и киргиза. И не такой убійца, какъ твой дѣдъ, разбоемъ проложившій свои тропки къ Бѣловодью. И не такой убійца, какъ изувѣръ Данило Анкундиновъ, который истязаетъ жертвы для того, чтобы извлечь изъ нихъ побольше выгодъ. Нѣтъ, ты, отецъ, убійца болѣе преступный,

болѣе жестокій, ибо убиваешь именемъ своего Бога . . .« (Г. Гребенщиковъ «Чураевы»).

Этимъ гнѣвнымъ выкликомъ прозрѣвшаго Василія, Гребенщиковъ раскрываетъ демоническую, звѣриную субстанцію деревни, оправдывая и утверждая правду мнимо-грѣшнаго Города.

Демоническая одержимость Россіи еще явственнѣе опредѣляется писателемъ, который, въ противоположность Гребенщикову не только не убѣгаетъ отъ русской помѣси молитвы и грѣха, но въ этомъ кощунствѣ находитъ свое *слово*. Я говорю о Бор. Пильнякѣ.

Писатель онъ небезинтересный.

У него есть умѣніе густыми, сочными красками передавать бытъ. Онъ ставитъ острые вопросы и разрѣшаетъ ихъ довольно отважно. У него своя манера письма, въ области внѣшняго дѣйствія нерѣдко, впрочемъ, соприкасающаяся съ полнымъ хаосомъ: въ «Мятели» никакъ не разберешься — что къ чему? Дьяконъ въ старой банѣ, третейскій судъ ветеринара Драбэ съ земскимъ начальникомъ, прогулка сверхчеловѣческихъ «товарищей» въ снѣжную вьюгу, рабочее утро въ совдепѣ — все это перепутано, сбито, вертится, толчется, словно настоящіе мятельные хлопья.

Но перепутаница — лишь внѣшній (отнюдь, впрочемъ, не случайный) обликъ творчества Пильняка. Внутренній же смыслъ его не вызываетъ никакихъ сомнѣній: Пильнякъ стремится художественно раскрыть и оправдать революцію. И — что особенно важно для насъ — онъ мыслитъ ея яркимъ и яростнымъ проявленіемъ національнаго русскаго духа.

Для Пильняка великій кризисъ современной Россіи является катастрофическимъ актомъ освобожденія Мужика — Деревни — Руси отъ Города-Петербурга — Запада.

Недаромъ, въ его разсказѣ «Никола, что на бѣлыхъ колодезяхъ» попъ Иванъ, жрецъ вѣковой мужицкой религіи (христіанской лишь по внѣшнимъ признакамъ) водитъ дружбу съ анархистами и проклинаетъ Антихриста Петра. Недаромъ, ликъ Россіи предстаетъ Пильняку какъ *мордовская рожа*, а не какъ *арійское лицо*. Недаромъ, наконецъ, Пильнякъ видитъ подлинную дорогу Руси въ извилистомъ проселкѣ, межъ лѣсныхъ чащобъ и зыбучихъ болотъ, ведущемъ къ курнымъ избамъ, гдѣ живутъ темные земляные мужики, полулюди съ глазами-щелками и вздернутыми носами, настоящія мордовскія рожи.

Ради размѣренной гармоніи Петербурга, ради имперской государственности Петра и свѣтозарной лиры Пушкина, Россія забыла о своей колыбели, о затерянномъ межъ болотъ и лѣсовъ проселкѣ, о курной избушкѣ. Но грозный вихрь революціи вернулъ Россію къ ея исходнымъ корнямъ. Проселокъ и изба побѣдили «Мѣднаго Всадника». Опрокинутому Городу

осталось лишь молить побѣдительницу — Деревню о пощадѣ. Но тщетно. Не милуетъ освобожденная Русь своего низвергнутаго поработителя.

Хаотична, изступленна, безладна эта подлинная Русь, Русь проселка и курныхъ избъ: безъ пути, безъ дороги, словно хлопья мятели, несутся ея темные люди — мужики, дьяконы, сладострастные ветеринары, анархисты, попы, сектанты, конокрады, сверхъестественные «товарищи».

Но не пугается Пильнякъ русской тьмы и хаоса: ему въ этой безладности раскрывается субстанція Руси.

Для насъ, однако, храбрость Пильняка нисколько неубѣдительна. Насъ выявленная его творчествомъ русская тьма очень пугаетъ: ибо она неопровержимо подтверждаетъ догадку о бѣсовской одержимости Россіи. •

Пильнякъ прозрѣлъ въ ликѣ Россіи *мордовскую рожу*. Мордва — племя колдовское, преданное темной вѣрѣ, шаманское.

Пильнякъ опредѣлилъ мужика, какъ странное сплетеніе изувѣрской изступленности со змѣиной хитростью. Оба эти качества — аттрибуты категоріи, совершенно противоположной святости.

Пильнякъ понялъ революцію, какъ возвращеніе Россіи къ хаосу, а хаосъ, какъ исконное начало русской души. Но хаосъ есть небытіе, духъ же небытія, страшно злой и умный, есть дьяволъ.

Послѣ этого уже не удивляетъ признаніе Пильняка:

«Мнѣ страшно, что еще есть церкви!»

Плѣненное зло вырвалось наружу. Змѣю больше незачѣмъ прикрывать свой морокъ христіанскими личинами. Въ космическомъ ураганѣ, опрокнувшемъ Мѣднаго Всадника, змѣй свободно клубитъ кольца надъ своею землею, надъ своимъ народомъ:

«Сатана свои крылья раскрылъ, сатана!
Надъ тобою, родная страна!»

Гораздо трезвѣе Пильняка, «замеряченнаго» шаманскими волхованіями колдовской мордвы подходитъ къ революціи Александръ Дроздовъ.

Нельзя сказать, чтобы онъ былъ свободенъ отъ революціонно-націоналистическихъ уклоновъ. Мысль о метафизической особливости Россіи преслѣдуетъ его достаточно настойчиво:

«О, страшная, звѣриная, безпощадная, оголтѣлая и безшабашная Россія! О, невѣроятный, шалый, коломытный нашъ бытъ, такой, какого никому не выдумать, бытъ, въ которомъ не ужиться свѣжему человѣку Европы, бытъ, которому не повѣритъ и ужаснется искушенный въ историческихъ свалкахъ, мудрый и достойный Западъ! Но я цѣлую твои рубища, Россія, потому что ты родила меня на черноземѣ твоихъ кургановъ подъ журавлиный клекотъ и сладкій скрипъ ковыля; я люблю необстриженные

твои ногти, потому что ты моя родина и дурной кровью твоей я зараженъ и брежу». (А. Дроздовъ «Подаромъ Богу»).

Но, будучи въ глубинѣ души скептикомъ, Дроздовъ обладаетъ одною, недоступное шаманящему Пильняку способностью: онъ не даетъ русскому хаосу захлестнуть себя, къ революціонной трагедіи онъ относится не какъ опьяненный волхвъ, но какъ реалистъ — наблюдатель.

Онъ никогда не вовлекается во внутрь факта, идеологіи, страсти. Онъ всегда во внѣ имъ претворяемаго: художникъ, но не участникъ. Эта способность Дроздова подняться надъ явленіями русской трагедіи, съ неопровержимою ясностью, быть можетъ, яснѣе даже изступленности Пильняка, раскрываетъ темную бѣсовскую сущность русскаго народа.

«А намъ ихъ кровь пріятна есть, черная ихъ кровь намъ пріятна есть.»

«Всю лебеду надобно выполоть, всѣ волосы не то, что выбрить, съ корнемъ выдрать надобно. Вотъ тогда-то, на гладкой-то землицѣ, мы свою избенку и сколотимъ.»

«Вы порченые, ваше время въ могилу зарыто, землей завалено, наше теперь по міру гуляетъ.»

«Тебѣ и тошно и больно, а я тебѣ скажу молчи, я теперь наверхъ произошелъ. Глядишь? Пугаешься? Да, руки у меня въ крови, тѣло мое потное, матроцкое, а ты позабудь. Я народъ. Всѣ мы нынче кровавые, весь народъ въ крови ходитъ и облизывается. А знаешь ли ты, что во всей этой крови правда есть?»

«— Въ крови, въ насиліи, вотъ въ томъ, что мы ваши милости безъ суда, какъ паршивыхъ собакъ, давимъ, во всемъ эта самая правдивая правда и есть.»

Кто можетъ оспаривать, что рѣчь Дроздовскаго чекиста объективно не правдива? И кто можетъ не признать, что она демонична, что эти бѣшеныя слова — подлинныя слова Дьявола?

Правда, наряду съ русскимъ чортомъ Дроздовъ показываетъ и русскаго праведника.

«Мнѣ же лѣзли въ голову мысли о чудесной, невѣроятной странѣ съ чудеснымъ именемъ Россія, гдѣ водятся люди, просыпающіе въ мертвой спячкѣ пятьдесятъ четыре года, а на пятьдесятъ пятомъ вдругъ выкидывающіе опасную, безумную шалость, безсмысленную и ненужную до досады, но чудесную въ своемъ искреннемъ и свѣжемъ порывѣ. Какъ много силъ, и какъ мало сноровки, какъ много сердца, и какъ мало розума!»

Но не случайно въ Россіи праведникъ — «милый захолустный Бонапартъ», трогательный и великій подвигъ котораго безсмысленъ и ненуженъ.

«Послѣдная встрѣча никогда не сотрется въ памяти моей: во главѣ отстрѣливающихся, падающихъ и ползущихъ, онъ вышелъ къ собору, поднялъ къ небу сухіе свои, всѣ въ синихъ жилкахъ, кулаки и, прокричавъ:

— Мы отступаетъ, мы разбиты, Богъ не услышалъ насъ!

Онъ упалъ, рыдая, на землю и зарылся головой въ песокъ.»

Да, въ странѣ «страшной, звѣриной, безпощадной, оголтѣлой и безшабашной», въ странѣ съ «дурной кровью» — Богъ не слышитъ безполезныхъ и напрасныхъ праведниковъ.

И, когда при страшномъ зрѣлищѣ «города ужаса и смерти» Дроздовъ вопіетъ:

«— Эй, Богъ, слышишь-ли? Марійку, женщину гулящую, слышишь ли? Женщинъ проклинающихъ слышишь ли? Эй Богъ! Богъ! . .» — то, естественно, является вопросъ: какому Богу, бросаютъ проклинающія женщины свой подарокъ — материнскій гнѣвъ? — Чернобогу, Ариману, которому колдовская, темная Русь — *мордовская рожа, «народъ ходящій въ крови»* тайно поклонялась всю тысячелѣтнюю исторію свою, кощунственно облекая его въ символы и обличія христіанства, о которомъ они не забывали, даже нудимые властною волею Мѣднаго Всадника отвернуться отъ любимой тьмы къ ненавистному свѣту?

Тогда «материнскій гнѣвъ безсмысленenъ. Чернобогъ — разрушеніе, хаосъ, смерть безпощадная, Великій Убійца. На то онъ и существуетъ, чтобъ умерщвлять дѣтей. Еще въ древней Финикіи матери метали своихъ первенцевъ въ его раскаленное брюхо. —

Бѣлобогу, Ормузду, тому, кого древній міръ символизировалъ въ образѣ Аполлона Искупителя, Богу — Христа и Магомета?

Но, вѣдь въ Содомѣ тоже были матери, и въ Гоморрѣ, навѣрное, имѣлось не мало дѣтей. Однако, гибелъ грѣшныхъ городовъ — безусловно актъ Божественной Справедливости, противъ Которой протестовать нельзя. Ибо правъ Господь, изливающій «семь чашъ гнѣва Своего» на омерзѣвшую отъ грѣха землю.

Мой разборъ попытокъ современной русской литературы раскрыть смыслъ революціи близится къ концу. Какъ мы видѣли, творчество ряда писателей, принадлежащихъ, по преимуществу, къ младшему поколѣнію, привело къ выясненію двухъ важныхъ результатовъ:

Первый — слѣдствіе сознательной творческой воли: художественно опредѣлена неразрывная связь между субстанціональными качествами русской національной души и грознымъ историческимъ кризисомъ, переживаемымъ нашей Родиной.

Второй — слѣдствіе безсознательной интуиціи: сущность Россіи выявлена, какъ категорія демоническая.

Эти два результата, естественно, вызываютъ потребность извѣстнаго резюмированія, но, прежде чѣмъ перейти къ заключительнымъ выводамъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о писателѣ, пытающемся взять революціонную проблему, совершенно отлично отъ національныхъ настроеній революціоннаго славянофильства.

Не славянофильствуетъ этотъ писатель — Илья Эренбургъ — уже потому, что онъ терпѣть не можетъ Россіи. Назвать его чувство ненавистью, впрочемъ, нельзя; для ненависти онъ слишкомъ безсиленъ, мелкотравчатъ.

Но злорадно подхихикивать надъ русскимъ хаосомъ, съ неглубокой брезгливостью рисовать анекдотически глупыхъ, слабыхъ, ничтожныхъ русскихъ людей, лукаво называя свои уклончивые памфлеты «петитной ерундой, ста придаточными предложеніями безъ главнаго, неподобными сносками, межскобочнымъ многословіемъ», — на это Эренбурга хватаетъ.

Не любя Россіи, Эренбургъ, будто бы, очень любитъ революцію, сожалѣя лишь, почему она не достаточно радикальна. Но, присмотрѣвшись внимательнѣе, мы убѣдимся, что эта любовь очень странная. Подозрительно уже то, что въ своей «петитной ерундѣ» Эренбургъ, нисколько не щадитъ революціи: она такая же безтолковая, дурацкая, какъ и Россія, какъ и весь остальной міръ. Большой вопросъ, кто глупѣе: «Дуняша изъ запоздавшихъ Четый — Миней» или «ускомчелъ» товарищъ Возовъ?

А потомъ — за что, собственно, Эренбургу любить революцію? Онъ увѣряетъ: за то, что она приближаетъ осуществленіе его положительныхъ идеаловъ. Но никакихъ положительныхъ идеаловъ у Эренбурга нѣтъ. Фразы вродѣ:

«Жизнь идетъ съ труднымъ зыкомъ, съ желѣзной утробой, идетъ самая мудрая, самая высокая — жизнь съ веселымъ ломомъ въ рукѣ», — ничего не значатъ, онѣ лишены всякаго внутренняго смысла. Считать же положительными идеалами безлѣпую помѣсь самой вульгарной утилитаристической писаревищины и нѣкоторыхъ модныхъ «изысковъ» хулиганствующихъ поэтовъ-художниковъ, обоснованію которой посвящено. «А все таки она вертится, и многія страницы «Хуліо Хуренито» невозможно, уже потому, что самъ ея глашатай относится къ ней увертливо-нечестно: все время кажется, что ею Эренбургъ, избравшій своимъ девизомъ слово «нѣтъ» (Гл. XI похожденіе Хуліо Хуренито), лишь какъ нѣкою маской пытается прикрыть свой полный нигилизмъ.

Но Эренбургъ — писатель на удивленіе незадачливый: и нигилизмъ то у него какой-то ненастоящій:

«Конечно, я умру, никогда не увидѣвъ дикихъ полей, съ плясками, рыкомъ и младенчески безсмысленнымъ смѣхомъ наконецъ-то свободныхъ людей. Но нынѣ я бросаю сѣмена этой далекой полыни, мяты и звѣробоя.

Неминуемое придетъ, я вѣрю въ это, и всѣмъ, кто ждетъ его, всѣмъ братьямъ безъ бога, безъ программы, безъ идей, голымъ и презираемымъ, любящимъ только вѣтеръ и скандалъ, я шлю мой послѣдній поцѣлуй. Ура, просто; гипъ-гипъ ура; вивъ; вивъ! живіо! гохъ! эввива! банзай! Трахъ — тарарахъ!»

Это очень громозвучно, можно сказать, даже оглушительно, но никакими трахъ-тарарахами не замазать одного печальнаго обстоятельства. Олицетворяющій Эренбургское «нѣтъ»! — «великій» «Учитель» Хуліо-Хуренито — не столько мудрый нигилистъ, сколько неумный критиканъ. И, когда Эренбургъ говоритъ о «младенчески безсмысленныхъ людяхъ» и даже о «блаженномъ идіотизмѣ» онъ очень недалекъ отъ истины, ибо его «учитель отрицаетъ «законы, вѣру, совѣсть» не потому, что все вмѣстилъ, разобралъ и отвергъ, но потому, что многаго просто вмѣстить не можетъ. Хуліо-Хуренито — не мудрецъ, не учитель, даже не нигилистъ, а просто крайне самоувѣренный субъектъ, изъ разряда тѣхъ, которые отрицаютъ все не дающееся ихъ пониманію. Не уразумѣлъ христіанства — не надо христіанства! Не осилилъ любви къ родинѣ — къ чорту родину! Сталъ втупикъ передъ искусствомъ — долой искусство!

Иногда это очень дѣйствуетъ, особенно на нашихъ соотечественниковъ, пытающихъ «влеченье, родъ недуга» ко всякому «неуважай — корыту», но, при спокойномъ подходѣ къ личностямъ, вродѣ Эренбурговскаго «учителя» нельзя отвязаться отъ вопроса:

— А, не просто ли несосвѣтимый дуракъ этотъ самый Хуліо?

Столь же плачевно обстоитъ дѣло со словомъ «нѣтъ», взятымъ Эренбургомъ въ качествѣ девиза, причемъ, по объясненію писателя, этотъ девизъ — не личный, но племенной, іудейскій.

«Пришли греки, осмотрѣлись — можетъ квартиры и лучше бываютъ, безъ болѣзней, безъ смерти, безъ муки, Олимпъ, напримѣръ! Но ничего не подѣлаешь — надо устраиваться въ этой. Іудеи пришли и сразу въ стѣнку бухъ! Почему такъ устроено? Вотъ два человѣка, быть бы имъ равными. Такъ нѣтъ: Іаковъ въ фаворѣ, а Исавъ на задворкахъ. Начинаются подкопы земли и неба, Іеговы и царей, Вавилона и Рима. Оборванцы ночующіе на ступенькахъ храма — эбіониты трудятся, какъ въ котлахъ взрывчатое вещество замѣшиваютъ новую религію справедливости и нищеты. Теперь то полетитъ несокрушимый Римъ! Но люди обыкновенные, которые предпочитаютъ динамиту уютный домикъ, начинаютъ обживать новую вѣру, устраиваться въ этомъ голомъ шалашѣ по хорошему, по домашнему: Римъ — міръ устоялъ. Но, увидавъ это, іудейское племя отреклось отъ своего дѣтеныша и начало снова вести подкопы. Даже, гдѣ-

нибудь въ Мельбурнѣ сидитъ сейчасъ одинъ и тихо не на дѣлахъ, а въ помыслахъ подкапывается.»

Возможно, что «нѣтъ» таинственнаго мельбурнца, дѣйствительно, очень грозно. Но Эренбургъ то отнюдь не мельбурнецъ, и совсѣмъ уже не таинственный. Эренбурговское «нѣтъ» не испугаетъ даже кролика. Ибо оно — просто напросто — увертливый, лукаво — трусливый глумъ исподтишка надъ всѣмъ въ мірѣ, не исключая и революціи, которую Эренбургъ будто бы такъ любитъ.

Какой изъ вышеразсмотрѣнныхъ методовъ подхода къ революціонной проблемѣ обѣщаетъ быть наиболѣе плодотворнымъ для грядущей русской литературы, основной задачей которой, несомнѣнно, явится художественное претвореніе революціи?

Вѣроятно, никакой. Состраданіе Ремизова раскрываетъ только часть явленія, глумъ Эренбурга, вообще, безсиленъ, реальный объективизмъ Дроздова ярко запечатлѣваетъ форму русскаго кризиса, но не указываетъ, гдѣ исходъ изъ трагедіи, изступленность Пильняка ведетъ къ оправданію хаоса, что уже — путь опасный и погибельный.

Для созданія эпопеи, художественно претворяющей Великое Крушеніе Россіи Петра и Пушкина недостаточно жалѣть людей или глумиться надъ ними или зорко наблюдать ихъ. И уже совсѣмъ нельзя бѣшено бить въ шаманскій колдовской бубенъ.

Здѣсь надо другое: надо понять доселѣ не понятнаго и не разгаданнаго, несмотря на всѣхъ пушкиніанцевъ Поэта, надо вспомнить его завѣтъ:

«Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво».

Изъ злой, безлѣпой суеты уйти къ доброй, лѣпой гармоніи.

Другими словами — надо преодолѣть революцію и Россію.

Преодолѣть революцію — то — есть восчувствовать неправду, нереальность взбунтовавшагося Коллектива и вернуться на путь героическій, ибо подлинный творецъ жизни не множество, а немногіе: черезъ пламенное кольцо къ скалѣ Валькиріи прошли не милліоны, но одинъ непобѣдимый Герой — der junge Siegfrid. Довольно съ насъ многоголовой толпы мордовскихъ рожъ, узкихъ безсмысленныхъ глазъ, широкихъ скулъ, вздернутыхъ носовъ. Пусть надъ хаосомъ поднимется Лицо Божественнаго Героя, ясныя очи котораго отразятъ сіяніе Солнца, а не тусклый блескъ зыбучихъ трясинъ, отражаемый мордовскими глядѣлками.

Преодолѣть Россію, — т. е. отречься отъ колдовской изступленности, изжить мороки змѣиной вѣры, кощунство смѣси молитвы и грѣха, отречься отъ злой и таящей въ черныхъ утробахъ своихъ хаосъ, земли —

темнаго божества мордовскихъ рожъ — поднять взоры въ ясную лазурь, къ Отцу жизни, символу Гармоніи — Солнцу.

Преодолѣть Россію — т. е. преодолѣть извѣчную Тьму и хаосъ, выявленные въ зломъ символѣ — Деревни, возродить и утвердить созданіе героической воли — «прекрасно-страшный Петербургъ», извлечь изъ болота опрокинутаго Мѣднаго Всадника: да мчится вновь на фальконетовской скалѣ и попираетъ главу Змія.

Мы вступившіе въ испепеляющій огненный кругъ, изнемогая, не вѣдаемъ: есть ли за пламенемъ Логе завѣтная скала, гдѣ спитъ Валькирія?

Да, существуетъ камень Брунгильды, но, чтобы достичь его, надо быть Зигфридомъ, вѣрить въ себя, а не въ безсмысленное множество.

Поэтому — отвергнемъ Тьму, не будемъ опьяняться соблазнами ненавидящаго огня, вознесемъ сердце наше къ Свѣту.

Тогда мы преодолѣемъ злого Логе. Увидимъ Валькирію, снимемъ ея шлемъ и растегнемъ ея панцырь.

И услышимъ изъ устъ ея радостный вопль славословія Началу и Творцу Бытія — Вѣчному Солнцу:

— Heil dir, Sonne! Heil dir Licht!

Вл. Амфитеатровъ-Кадашевъ.

С. МАКОВСКІЙ

Иннокентій Анненскій

(по личнымъ воспоминаніямъ).

Иннокентій Анненскій

(по личнымъ воспоминаніямъ).

Извѣстно, что мы, русскіе, плохо цѣнимъ нашихъ большихъ людей. Какъ часто приходятъ они и уходятъ незамѣтно. И только потомъ, когда ихъ нѣтъ, спохватившись, мы сплетаемъ вѣнки на траурныхъ годовщинахъ . . . Но трудно мыслить и творить въ одиночествѣ. Эти люди, канувшіе въ вѣчность и увѣнчанные смертью, сдѣлали бы гораздо больше, если бы при жизни были согрѣты вниманіемъ любви. Общее русское горе — это легкомысленное пренебреженіе къ живымъ. Мы сами себя обкрадываемъ, не воздавая должнаго имъ, избранникамъ, не лелѣя ихъ, свѣточей духа, одержимыхъ самоотверженной страстью творчества.

Однимъ изъ такихъ свѣточей былъ Иннокентій Ѳедоровичъ Анненскій. Этотъ удивительный большой человѣкъ, работалъ всю жизнь почти въ безвѣстности и лишь въ самомъ концѣ ея прошумѣлъ, примкнувъ къ кружку «модернистовъ», зачинателей художественнаго журнала, обязаннаго ему, Анненскому, и первыми своими удачами и самыми ѣдкими нападками литературной черни. Не одной черни! Передъ кѣмъ-кѣмъ, а передъ Анненскимъ виновата вся русская интеллигенція, — вѣдь современники, за исключеніемъ нѣсколькихъ друзей, мало, что не оцѣнили его, но небрежно толкнули въ могилу, въ дни его поздняго, такъ много сулившаго расцвѣта.

Когда появилась въ «Аполлонѣ» статья Анненскаго о русскихъ поэтахъ и поэтессахъ, подъ заглавіемъ «Они и онѣ», на него ополчилась не только критика, упрекавшая редактора журнала за то, что онъ далъ мѣсто «какимъ то упражненіямъ гимназиста старшаго возраста» (это онъ то, пятидесятилѣтній маститый ученый, художникъ слова, переводчикъ Эврипида, мудрецъ «Книгъ отраженій» и «Тихихъ пѣсенъ»!),—ополчились и сами авторы разобранныхъ имъ произведеній, обиженные парадоксаль-

нымъ блескомъ его оцѣнокъ. Недоумѣвавшему редактору пришлось даже напечатать «письмо отъ редакціи» въ свое оправданіе. Анненскій ошеломилъ, испугалъ, разсердилъ — и толпу, пріученную къ рутинѣ, и балованныхъ успѣхомъ писателей. Его иронія, слѣпительно-мѣткая, была принята за вызовъ и аффектацію, смѣлость оборотовъ и метафоръ — за непристойное легкомысліе... Анненскаго мучило это чудовищное непониманіе. Не умѣя «приспособиться», тяготясь собственнымъ превосходствомъ, задѣтый за живое, онъ нервничалъ, изводилъ себя, искалъ точки опоры, одинокій и безсильный, какъ бодлеровскій альбатросъ, съ высей горнихъ попавшій на палубу рыбацкой шхуны. Можно увѣренно сказать, что писательскія страданія этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ ускорили сердечную болѣзнь, которой онъ страдалъ давно... Остановился «маятникъ тоски», не выдержала «машинка для чудесъ», какъ онъ опредѣлялъ, насмѣшливо и скорбно, человѣческое сердце:

Сердце — счетчикъ муки,
Машинка для чудесъ.

Да, интеллигенція, читательница толстыхъ журналовъ, рѣшительно не «приняла» Иннокентія Анненскаго, не вникла въ его стихотворенія, не захотѣла задуматься надъ поставленными имъ вопросами о русской культурѣ, о русскомъ языкѣ, о русской литературной правдѣ; отказалась подойти къ нему, прислушаться къ его исповѣди, увидѣть въ немъ выразителя цѣлой эпохи, скорбно-мятущейся эпохи нашей, на рубежѣ двухъ вѣковъ — старой интеллигентской Россіи, досказавшей свое послѣднее слово съ Чеховымъ, и новой — такъ бурно начавшей декадансомъ, въ 90-е годы, пережившей затѣмъ безчисленные «измы» европейскихъ модъ и погибающей нынѣ, для незнаемаго воскресенія, въ постыломъ бреду революціоннаго всесожженія.

Анненскій въ этомъ смыслѣ — трагическая фигура. Поэтъ глубокихъ душевныхъ разладовъ, мыслитель, осужденный на непониманіе соотечественниковъ (слишкомъ независимъ, изысканъ и новъ — у насъ этого не любятъ!), онъ — трагиченъ, какъ выразитель своего времени, насмѣшливо-чуткій и скорбящій эстетъ на пиру предгрозовомъ всероссійскаго упадка. Принадлежа къ двумъ поколѣніямъ, къ старшему — по возрасту и нравственнымъ навыкамъ, къ младшему—по духовной изощренности, онъ какъ бы совмѣщалъ въ себѣ итоги умственной культуры русской, окрашенной въ началѣ XX вѣка тревогой противорѣчивыхъ дерзаній и импрессіонистской мечтательности. Филологъ-эллинистъ по спеціальности, по профессіи — педагогъ (директоръ Царскосельской гимназіи, а потомъ инспекторъ петербургскаго учебнаго округа); неутомимый философъ, все-

объемлющій и всезнающій; собесѣдникъ обворожительный среди друзей; примѣрный семьянинъ, нѣсколько старосвѣтской складки, въ кругу домашнихъ, — наединѣ съ собой онъ былъ странно-горящимъ мыслью поэтомъ, обрекшимъ себя пыткѣ богоборческаго отрицанія и всѣмъ искушеніямъ призрачнаго міра Смерти, которую ждалъ каждую минуту, не вѣря и терзаясь своимъ невѣріемъ... Иннокентій Анненскій — явленіе необычайно сложное и въ этой сложности многозначительное, особенно для насъ, современниковъ и соучастниковъ безпощаднаго національнаго хаоса, — личность, одаренная свыше мѣры, и глубокая совѣсть, вкусившая отъ всѣхъ отравъ европейскаго fin de siecle и однако русская, — о, сколь русская, сродни Гоголю и Достоевскому, въ томленіи своемъ по чуду и въ любви къ всечеловѣческому . . .

Воспоминанія мои объ Иннокентіи Ѳедоровичѣ Анненскомъ относятся къ году, для меня знаменательному, къ 1909 году, когда я началъ издавать «Аполлонъ». Первая книжка вышла въ концѣ октября; съ Анненскимъ я познакомился въ мартѣ, а умеръ онъ 30 ноября, всего нѣсколькими днями позже выхода второй книжки «Аполлона», гдѣ была напечатана вторая часть нашумѣвшей статьи Анненскаго: «Они и онѣ».

Эти восемь мѣсяцевъ общенія съ Иннокентіемъ Ѳедоровичемъ, мѣсяцы сотрудничества съ нимъ въ нарождавшемся журналѣ, мѣсяцы совмѣстной работы надъ объединеніемъ писателей, художниковъ, музыкантовъ, мѣсяцы непрерывнаго кипѣнія въ котлѣ редакціонныхъ собраній, лекцій, концертовъ, театральныхъ «премьеръ», литературныхъ новинокъ и сплетенъ, — эти долгіе русскіе вечера за чайнымъ столомъ, въ Царскомъ Селѣ (гдѣ жилъ Анненскій, скромно, уютно, по провинціальному), и мимолетныя свиданія съ нимъ на петербургскихъ улицахъ, все это время «родовыхъ мукъ» журнала, судьбою котораго онъ юношески-пылко интересовался, — страда лихорадочной дѣятельности во славу бога, чье имя, символъ красоты и мѣры, было начертано на «портикѣ редакціи» (по выраженію Анненскаго), — эти почти ежедневныя встрѣчи, въ вихрѣ дѣлъ, зрѣлищъ, словъ и образовъ, связали меня съ Иннокентіемъ Ѳедоровичемъ одною изъ тѣхъ быстро-окрѣпшихъ, неповторимо-плѣнительныхъ дружбъ, о которыхъ сердце помнитъ съ глубокой благодарностью и великою скорбью.

Онъ весь былъ неповторимъ и плѣнителенъ. Такихъ *очарователей ума* — не подберу другого опредѣленія — я не встрѣчалъ и, вѣроятно, ужъ не встрѣчу. Собесѣдникъ на рѣдкость общительный, онъ обладалъ рѣдчайшимъ даромъ общенія: умѣлъ говорить и слушать одинаково чутко. Не будучи краснорѣчивъ въ обычномъ смыслѣ, онъ достигалъ, если можно такъ сказать, полнорѣчія необычайнаго. Слово его было непосредственно-

остро и, однако, какъ бы заранѣе обдумано и взвѣшено: не процессы мышленія, а сложные итоги мысли и чувства вскрывало это слово, и потому людямъ наивнымъ Анненскій казался подчасъ непослѣдовательнымъ и претенціознымъ. Но въ немъ не было ни тщеславной любви къ эффектамъ противорѣчій, ни притворства. Самыя неожиданныя его замѣчанія, — да еще облеченныя въ шутливую форму, ибо вкусъ «ирониста» удерживалъ его отъ серьезничанія хотя бы и по серьезнѣйшему поводу, — возникали изъ глубины сложнаго міроощущенія. Мысль его звучала, какъ хорошая музыка: любая тема обращалась въ блестящую импровизацію — изысканнымъ «контрапунктомъ метафоръ» и самимъ фонетическимъ подборомъ словъ. Вы никогда не знали, задавая вопросъ, что онъ скажетъ, но знали напередъ, что сказанное имъ будетъ ново и цѣнно, отмѣтитъ грань, отъ другихъ скрытую, и, вмѣстѣ, отразитъ загадочную сущность его, Анненскаго, міръ перестрадавшей себя, перегорѣвшей въ собственномъ огнѣ личности.

Незабываемой была и его внѣшность. Высокій, сухой, онъ держался необыкновенно прямо («точно аршинъ проглотилъ»). Эта прямизна зависѣла отчасти отъ недостатка шейныхъ позвонковъ, не позволявшаго ему свободно вращать головы. Словно припаянная къ плечамъ, она не сгибалась, и это сказывалось во всѣхъ его движеніяхъ: въ манерѣ ходить очень прямо и твердо, садиться на вытяжку, поджавъ ноги, и оборачиваться къ собесѣднику всѣмъ корпусомъ, что производило впечатлѣніе на людей, мало его знавшихъ, какой то начальнической аффектаціи. Черты лица и весь бытовой его обликъ подчеркивали этотъ недостатокъ гибкости. Онъ носилъ постоянно длинный черный сюртукъ; очень высокіе воротнички подпирали подбородокъ съ намекомъ на колючую бороду; черный шелковый галстухъ, былъ завязанъ по старомодному, широкимъ «дипломатическимъ» бантомъ. И усы были подстриженные, жесткіе, прямо-торчащіе надъ припухлымъ, капризнымъ ртомъ. Съ нѣкоторой надмѣнностью заострялся прямой, хотя и по-русски неправильный носъ. Глубоко сидѣвшіе глаза стального цвѣта смотрѣли пристально, не мѣняя направленія, и прекрасно очерченный лобъ, на который свисала густая прядь темныхъ волосъ съ просѣдью, былъ тоже своевольно, повелительно прямъ... Но неестественный румянецъ и одутловатость щекъ (признакъ сердечной болѣзни), придавали его лицу оттѣнокъ жалкой старческой хилости, и вобще, несмотря на моложавость и даже молодцеватость фигуры, онъ казался гораздо дряхлѣе своихъ пятидесяти двухъ лѣтъ. А въ манерахъ его, въ свѣтскости обращенія было даже что то отъ стариннаго вѣка. Прямой, подтянутый, внимательный къ окружающему, онъ блисталъ воспитанностью, я бы сказалъ, не нашего времени. И это была не только

бюрократическая выправка и не чопорность отъ семейной традиціи, а какая то романтическая галантность, предупредительность не человѣка салонныхъ навыковъ, а мечтателя одинокаго, тонко чувствующаго ту эстетику изысканной вѣжливости, которая ограждаетъ души благороднорожденныя отъ вульгарнаго запанибратства. Онъ принадлежалъ къ породѣ духовныхъ «принцевъ крови». Въ немъ не было ни намека на интеллигента-разночинца, не было и наслѣдственнаго барства. Совсѣмъ особенный съ головы до пятъ — чуть-чуть сановникъ въ отставкѣ и . . . вычитанный изъ переводнаго романа маркизъ.

Удивительно просто, ласково и красиво подавалъ онъ руку, вскакивалъ съ мѣста при появленіи въ комнатѣ женскаго платья, никогда не перебивалъ собесѣдника, не горячился тривіально въ самомъ горячемъ спорѣ, уступалъ слабѣйшему противнику, выручалъ неопытнаго — съ обезоруживающимъ добродушіемъ. Когда создавалась аудиторія, онъ любилъ говорить и говорилъ отчетливо и властно, чеканилъ слова, точно докладывалъ, — но въ его рѣчахъ остроуміе преобладало надъ профессорскимъ педантствомъ. Дидактическая четкость привыкшаго къ кафедрѣ лектора не заглушала потокъ непринужденной causerie, а въ перекрестномъ разговорѣ или дружеской бесѣдѣ голосъ его, ораторски не гибкій, окрашивался тончайшими оттѣнками взволнованныхъ и волнующихъ звуковъ.

Этимъ проникновеннымъ голосомъ читалъ онъ намъ, «апполоновцамъ», свои стихи. Они хранились, переписанные его сыномъ (онъ же печаталъ стихотворенія подъ псевдонимомъ *Кривичъ),* въ старомъ ларцѣ изъ кипарисоваго дерева, — отсюда и названіе посмертнаго его сборника: «Кипарисовый ларецъ». Мы собирались у него на квартирѣ, въ Царскомъ Селѣ (гдѣ жилъ тогда покойный Н. С. Гумилевъ и молодой много обѣщавшій поэтъ графъ В. А. Комаровскій, тоже безвременно погибшій), — иногда днемъ, чаще вечеромъ. Темноватъ и непросторенъ былъ рабочій кабинетъ Анненскаго, заставленный полками разнообразнѣйшихъ книгъ, съ бюстомъ Эврипида на шкафу и множествомъ фотографическихъ портретовъ на свободной стѣнѣ противъ оконъ. Послѣ нашихъ просьбъ и нѣсколькихъ предварительныхъ словъ хозяинъ подходилъ къ столику, на которомъ стоялъ отдѣльно завѣтный «ларецъ», бережно открывалъ его, выбиралъ ту или другую пьесу и затѣмъ принималъ обычную для него въ такихъ случаяхъ позу: немного торжественно опирался обѣими руками на спинку поставленнаго передъ собою стула. Онъ читалъ всегда наизусть, волнуясь, но не торопясь, скандируя стихъ, но стараясь произносить свои страшныя «будничныя» слова будничнымъ тономъ, въ которомъ звучали однако и горькая насмѣшка надъ собой и непрошенныя слезы. Въ эти минуты древнимъ, усталымъ, изможденнымъ мыслью вѣ-

щуномъ казался Анненскій, и мы слушали, затаивъ дыханіе, многого не понимая, но чувствуя, что ничто въ этихъ признаніяхъ вѣщаго одиночества — не плодъ одного литературнаго пристрастья, что тутъ выстрадана каждая буква и напоенъ кровью духа каждый образъ, иносказательно-прихотливый или недоговоренный, или намѣренно-прозаическій.

И всетаки — какъ обворожительно молодъ былъ онъ, нашъ скорбный и улыбчивый наставникъ, молодъ умственной неутомимостью, алканіемъ новыхъ впечатлѣній красоты, отзывчивостью къ творческимъ грезамъ младшаго поколѣнія! Для насъ, его друзей-учениковъ, не было критика снисходительнѣе Анненскаго. Онъ озарялъ свѣтомъ своимъ всякаго, кто съ нимъ соприкасался. И не только озарялъ, — согрѣвалъ. Потому что нѣжности, какого то отечески-мудраго благожелательства къ людямъ, было въ немъ больше, чѣмъ онъ думалъ, чѣмъ онъ хотѣлъ. Онъ хотѣлъ однихъ миражей, хотѣлъ наблюдать, познавать и любоваться, не отдаваясь сердцемъ призраку жизни, но сердце его было создано любящимъ. Онъ считалъ себя скептикомъ, циникомъ, иронистомъ, но отъ его сарказмовъ вѣяло не холодомъ эстетскаго «непріятія», а стыдливой гордостью раненой души . . .

Я не зналъ и не знаю до сихъ поръ интимной біографіи Анненскаго; я увѣренъ однако, что многое разъяснилось бы въ его творчествѣ, если бы эта біографія не оставалась тайной. Старые, личные счеты съ жизнью проникаютъ и поэзію «Кипарисоваго ларца», и критическіе его опыты, и даже его «Эврипида», не говоря ужъ о трагедіяхъ, написанныхъ имъ по античному образцу («Лаодамія», «Иксіонъ», «Меланиппа», «Ѳамира-Киѳаредъ»), но при этомъ странно насыщенныхъ одному ему свойственной безнадежностью траурнаго лиризма... Однако, врядъ ли отъ личныхъ причинъ (намъ неизвѣстныхъ) проистекала «траурность» Анненскаго, или выражаясь обычнымъ словомъ — его разочарованность, заставлявшая его особенно пристально вчитываться въ лермонтовскаго «Демона», въ «Романцеро» Гейне, въ шекспировскаго «Гамлета» и въ рядъ другихъ произведеній, отразившихъ невѣріе въ земную явь и непокорность тайнѣ небесной. Онъ самъ обосновалъ отчасти свою больную философію и въ критической прозѣ и въ стихахъ. Въ моей тетради выписокъ я нашелъ отрывокъ изъ статьи Анненскаго: «Художественный идеализмъ Гоголя». Нигдѣ, кажется, прямолинѣйнѣе не высказалъ онъ жуткой теоріи своего «непріятія»: «Насъ окружаютъ и, вѣроятно, составляютъ два міра: міръ вещей и міръ идей. Эти міры безконечно далеки одинъ отъ другого, и въ твореніи одинъ только человѣкъ является ихъ высоко-юмористическимъ — въ философскомъ смыслѣ — и логически непримиримымъ соединеніемъ . . .» Если это —

послѣдняя правда Анненскаго, то можно ли удивляться смертельно-унылому, — нѣтъ! больше того, трагически-парадоксальному строю его лиры?

Я запомнилъ стихотвореніе, которое онъ особенно часто говорилъ въ кругу близкихъ ему слушателей. «Иннокентій Өедоровичъ, скажите Куклу!» — Мы сознавали, что въ этихъ неправильныхъ амфибрахіяхъ излилъ онъ о себѣ, о своей философской тоскѣ безысходно-горькую, неотступную жалобу. Онъ становился въ привычную позу, держась слегка вздрагивающими руками за спинку стула, и читалъ:

То было на Валленъ-Коскѣ.
Шелъ дождикъ изъ дымныхъ тучъ,
И желтыя мокрыя доски
Сбѣгали съ печальныхъ кручъ.
Мы съ ночи холодной зѣвали
И слезы просились изъ глазъ,
Въ утѣху намъ куклу бросали,
Въ то утро, въ четвертый разъ.
Разбухшая кукла ныряла
Послушно въ сѣдой водопадъ,
И долго кружилась сначала,
Все будто рвалась назадъ.
Недаромъ лизала пѣна
Суставы прижатыхъ рукъ, —
Спасенье ея неизмѣнно
Для новыхъ и новыхъ мукъ. —
Гляди, ужъ потокъ бурливый
Желтѣетъ, покоренъ и вялъ;
Чухонецъ то былъ справедливый,
За дѣло полтинникъ взялъ.
И вотъ ужъ кукла на камнѣ,
И дальше идетъ рѣка...
Комедія эта была мнѣ
Въ то сѣрое утро тяжка.
Бываетъ такое небо,
Такая игра лучей,
Что сердцу обида куклы
Обиды своей жалчѣй.
Какъ листья тогда мы чутки:
Нашъ камень сѣдой, оживъ,
Сталъ другомъ, а голосъ друга,
Какъ дѣтская скрипка, фальшивъ.
И въ сердцѣ сознанье глубоко,
Что съ нимъ роднится лишь страхъ,
Что въ мірѣ оно одиноко,
Какъ старая кукла въ волнахъ.

Лирика Анненскаго — иносказательная исповѣдь. Иносказаніе облечено въ чеканную ритмическую форму, съ излишествомъ метафоръ и «своихъ» словечекъ-оборотовъ, затрудняющихъ читателя, но исповѣдь покоряетъ непосредственностью, до жути подлинной и терпкой. Исповѣдь отчаявшагося духа и гримаса ироніи-тоски отъ ощущенія «высоко-юмористической» непримиримости двухъ міровъ человѣка. Сердце, человѣческое «я», «разбухшая кукла», несомая куда то «для новыхъ и новыхъ мукъ» по прихоти рока, этого «справедливаго чухонца» изъ Валленъ-Коска; одинокое «я», вещь-идея, абсурдъ несоединимаго соединенія; фальшивая скрипка, звуки которой рождаются отъ прикосновенія таинственнаго смычка, чтобы умереть мучительнымъ эхомъ: — *здѣсь* или *тамъ?* Не все ли равно если *здѣсь* безконечно далеко отъ *тамъ* и потому не сольются они вовѣки, какой бы музыкой не казалась людямъ, обманутымъ любовникамъ жизни, краткое чудо этого слiянія! Надо свыкнуться съ этими образами-символами Анненскаго, быть можетъ труднѣйшаго изъ русскихъ поэтовъ, чтобы ощутить его страданіе за прикровенною тканью метафоръ, чтобы найти ключъ хотя бы къ слѣдующему, запутанному, но тоже любимѣйшему его стихотворенію — «Смычекъ и струны».

Какой тяжелый, темный бредъ!
Какъ эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лѣтъ
И не узнать при свѣтѣ струны!
Кому жъ насъ надо? Кто зажегъ
Два желтыхъ лика, два унылыхъ...
И вдругъ почувствовалъ смычекъ,
Что кто то взялъ и кто то слилъ ихъ.
«О, какъ давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились къ нему,
Звеня, но ластясь, трепетали.
«Неправда ль, больше никогда
Мы не разстанемся? Довольно...»
И скрипка отвѣчала: «да»,
Но сердцу скрипки было больно.
Смычекъ все понялъ; онъ затихъ,
А въ скрипкѣ эхо все держалось...
И было мукою для нихъ,
Что людямъ музыкой казалось.
Но человѣкъ не погасилъ
До утра свѣчъ... И струны пѣли...
Лишь солнце ихъ нашло безъ силъ
На черномъ бархатѣ постели.

Я помню, какимъ надрывнымъ шепотомъ, почти переставая владѣть собой, произносилъ Анненскій: «И было мукою для нихъ, что людямъ музыкой казалось...» Казалось ли только? Не благая ли вѣсть — тайна этого сліянія, отъ котораго больно, эта музыка-мука любви, похищенная смертью? Что мы знаемъ? Но поэтъ убѣдилъ себя, что знаетъ, и тщетно прятался отъ своего знанія, за маской насмѣшливаго циника — передъ людьми, за хрупкими стѣнами мечты — передъ собою. Тщетно, потому что логика ума и логика сердца до ужаса не совпадали въ этомъ истерзанномъ большомъ человѣкѣ. Онъ воображалъ, что разъ навсегда отвѣтилъ на проклятые гамлетовскіе вопросы, но въ сущности не переставалъ вопрошать, недоумѣнно пытая загадку жизни и смерти. Недаромъ тоску свою онъ величалъ не только «веселой» (что не поражаетъ послѣ словъ о «высокоюмористическомъ» существѣ человѣка), но и «недоумѣлой». Такъ, въ предсмертномъ стихотвореніи:

Она безполая, у ней для всѣхъ улыбки,
Она притворщица, у ней порочный вкусъ —
Качаетъ цѣлый день она пустыя зыбки
И образокъ въ углу — Сладчайшій Іисусъ...
Я выдумалъ ее — и все жъ она видѣнье,
Я не люблю ее — и мнѣ она близка;
Недоумѣлая, мое недоумѣнье,
Всегда веселая, она моя Тоска.

Въ свое недоумѣніе Анненскій вкладывалъ всѣ оттѣнки чувства и не уставалъ вызывать призракъ смерти съ безпощаднымъ упорствомъ. Мнѣ кажется, что не случайно (какъ онъ увѣрялъ) ларецъ его былъ изъ кипарисоваго дерева... Перелистывая въ памяти эту мучительную книгу еще мало оцѣненнаго поэта, вызываешь одну за другой строфы тягостныхъ предчувствій, отчаянія, кощунственныхъ уподобленій, призывовъ и проклятій, обращенныхъ къ Ней, невидимой и вездѣсущей. Любуясь красными маками въ лѣтній полдень, поэтъ представляетъ себѣ, во что они превратятся осенью, когда плоды ихъ въ «пустомъ и глухомъ» саду станутъ «тяжкими головами старухъ, осѣненными Дарами». Въ «Сентиментальномъ трилистникѣ» онъ говоритъ беззаботно-играющей дѣвочкѣ:

Отпрыгаются ноженьки,
Весь высыплется смѣхъ,
А ночь придетъ — у Боженьки
Постелька есть для всѣхъ.

Въ сонетѣ «Передъ панихидой» онъ признается въ недоумѣнномъ чувствѣ, чье имя — Страхъ:

Гляжу и мыслю: миръ ему.
Но намъ то, намъ то всѣмъ!
Иль люкъ въ ту страдную тюрьму
Захлопнулся совсѣмъ?..
Лишь ужасъ въ бѣлыхъ зеркалахъ
Здѣсь молитъ и поетъ,
И съ пояснымъ поклономъ Страхъ
Намъ свѣчи раздаетъ.

Въ «Балладѣ», гдѣ съ циническимъ реализмомъ описываются будни похоронъ, «маскарадъ печалей», недоумѣніе переходитъ въ проклятіе:

...Будь ты проклята, левкоемъ и феноломъ
Равнодушно дышащая Дама!

Смерть, тлѣніе, осужденность всего живого на полное исчезновеніе — неотступная тема Анненскаго. Еще въ «Тихихъ пѣсняхъ» (юношескихъ стихахъ), куда менѣе унылыхъ, встрѣчаются такія строки:

Сказать, что это я... весь этотъ ужасъ тѣла... («у гроба»).

Въ «ужасъ тѣла» превращается человѣкъ, жалкій абсурдъ, противорѣчіе двухъ непримиримыхъ міровъ, безконечно далекихъ одинъ отъ другого, смѣшная вещь, кукла въ волнахъ Валленъ-Коска, —

Подъ гулы мѣди гробовой
Творился переносъ,
И жутко задранъ восковой
Глядитъ изъ гроба носъ..

И каждая минута бытія напоминаетъ объ этомъ ужасѣ, каждый предметъ, приводимый въ движеніе скрытой пружиной: будильникъ, который кѣмъ то заводится на ночь, старая шарманка, что «никакъ не смелетъ злыхъ обидъ» и не пойметъ, «что не къ чему работа», часовой маятникъ, что —

...по стѣнкѣ ночь и день
Въ душной клѣткѣ человѣчьей
Ходитъ-машетъ, сумасшедшій,
Волоча нѣмую тѣнь.

Бѣгъ часовъ, ускользаніе мгновеній въ страшное ничто, маятникъ-сердце, «шелесть крови, голосъ муки», тоска «стальной цикады»!..

Я зналъ, что она вернется
И будетъ со мной — Тоска.
Звякнетъ и запахнется

Съ дверью часовщика...
Сердца стального трепетъ
Со стрекотаньемъ крылъ
Сцѣпитъ и вновь расцѣпитъ
Тотъ, кто ей дверь открылъ.
Жаднымъ крыломъ цикады
Нетерпѣливо бьютъ:
Счастью ль, что близко, рады,
Муки ль конецъ зовутъ?..
Столько сказать имъ надо,
Такъ далеко уйти...
Разно, увы, цикады
Наши лежатъ пути.
Здѣсь мы съ тобой лишь чудо,
Жить намъ съ тобой теперь
Только минуту — покуда
Не распахнется дверь.
Звякнетъ и запахнется
И будешь ты далека...
Молча сейчасъ вернется
И будетъ со мной Тоска.

Тоска все о томъ же. О томъ, что «тяжекъ жизни слѣдъ по рытвинамъ путей»; что любовь поэта «безлюбая — дрожитъ, какъ лошадь въ мылѣ», а вся нѣжность ея — только «колдуньина маска»; что «черной весной» мутная изморозь льется на тлѣніе, а осень спрашиваетъ: «А ты? когда же ты? — на мѣдномъ языкѣ истомы похоронной»; о томъ, что міръ нездѣшній, «тотъ міръ — лишь мигъ съ его миражнымъ раемъ», а здѣсь въ миражной яви «лишь мертвый брежжитъ свѣтъ» и остается одно: «до конца все видѣть, цѣпенѣя» и ждать, когда «распахнется дверь»... Анненскій часто говорилъ молодымъ писателямъ, которыми былъ окруженъ въ редакціи «Аполлона»: «Первая задача поэта — выдумать себя». На этомъ парадоксѣ онъ настаивалъ, но самъ «выдумать себя» никакъ не умѣлъ и вѣроятно потому даже сомнѣвался, какъ будто, въ собственной поэзіи, ревниво дорожа каждымъ мнѣніемъ о своей музѣ, говоря о ней условно, полушутливо:

Я завожусь на тридцать лѣтъ...
Чтобъ жить, волнуясь и скорбя
Надъ тѣмъ, чего, гляди, и нѣтъ.
И былъ бы вѣрно я поэтъ,
Когда бы выдумалъ себя. («Человѣкъ»).

Выдумалъ! Развѣ Анненскій могъ что нибудь выдумывать, когда каждое сказанное имъ слово поэзіи — голосъ этой Тоски, которую онъ писалъ съ большой буквы?

«Иронистомъ» онъ называлъ себя особенно охотно. Онъ чтилъ нелицемѣрно, какъ наставниковъ своихъ, вѣрныхъ рыцарей ироніи, начиная съ Аристофана и кончая Лафоргомъ и Реми-де-Гурмономъ. Вотъ отчего такъ дорога была ему, спеціалисту по Эврипиду, ученику Виламовица, современная французская литература, безбоязненно-скептическая, и отчего онъ примкнулъ, — уже на склонѣ лѣтъ, не устрашась насмѣшекъ литературной улицы, — къ петербургскимъ и московскимъ модернистамъ, объединившимся въ «Аполлонѣ». Поэтическое поколѣніе девятнсотыхъ годовъ не возводило въ культъ скепсиса, но все же было воспитано на европейскихъ образцахъ того эстетскаго «экспериментализма», который былъ близокъ Анненскому-эстету, хоть онъ и справедливо почиталъ себя плохимъ слугой Аполлона. Впрочемъ это обстоятельство не разъ приводило его въ нѣкое трогательное смущеніе: «Вѣдь я старый послѣдователь Діониса, насмѣшливый сатиръ (онъ ударялъ на а), моя муза — менада, какъ бы меня не прогнали изъ храма Свѣтозарнаго и Лученоснаго» . . . И тутъ же успокаивалъ себя тѣмъ, что эти боги — близкіе родственники, и поэтому, помогая одному, служишь и другому. Но его подстерегалъ *третій,* не богъ земныхъ созерцаній и не богъ земного опьяненія, а богъ, пожирающій своихъ дѣтей, потусторонній ликъ котораго мистически ощущалъ Анненскій, хоть и отнѣкивался всячески отъ мистицизма, онъ — иронистъ!

Модернизмъ той поры привлекъ Анненскаго не экзотикой, не дерзостями стиля, не литературными изощреніями, а именно отчужденностью отъ жизни, игрой ума, любующагося призраками мечты, — непріятіемъ реализма. Въ бѣгствѣ отъ реальности онъ ушелъ къ «молодымъ», сдѣлался менторомъ, вмѣстѣ съ Вячеславомъ Ивановымъ, въ учрежденномъ при редакціи «Обществѣ ревнителей художественнаго слова» (называвшемся въ просторѣчіи «Поэтической академіей»), окунулся съ головой въ эстетику. Эстетика была для него спасительнымъ щитомъ отъ мыслей отчаянія. Мало того: на эстетикѣ строилъ онъ хрупкую свою теорію міроопраданія. Чтобы не проклинать смерть, онъ вводилъ ее въ кругъ эстетическихъ эмоцій, въ гамму одушевленныхъ поэтической грезой метафоръ. И смерть изъ «одуряющей ночи» обращалась въ «бѣлую радость небытія», въ «одну изъ формъ многообразной жизни» (изъ «Книгъ отраженій»). Ибо формами сознанія жизни исчерпывается ея содержаніе: другого смысла, другой правды нѣтъ и быть не можетъ. Художникъ, поэтъ, творя слово и все, что оно вызываетъ въ душѣ, творитъ единственную цѣнность смертнаго — красоту иллюзіи . . . Потому и прекрасно, что — *невозможно:*

Если слово за словомъ, что цвѣтъ,
Упадаетъ, бѣлѣя тревожно,
Не печальныхъ межъ павшими нѣтъ,
Но люблю я одно — Невозможно.

Въ разговорахъ Анненскій часто возвращался къ этой философіи эстетскаго идеализма. «Мое *я* — только иллюзія, какъ все остальное, отраженіе химеръ въ зеркалахъ» . . . говорилъ онъ, и ему казалось, что онъ примирялъ этимъ апоѳеозомъ метафоры-символа антиномію двухъ недружныхъ міровъ. «Нельзя оправдывать оба міра, — писалъ онъ въ статьѣ о «Гамлетѣ», — и жить двумя жизнями заразъ. Если тотъ лунный міръ существуетъ, то другой — солнечный, всѣ эти Осрики и Полоніи — лишь дьявольскій обманъ и годится развѣ на то, чтобы его вышучивать и съ нимъ играть» . . . Но искусство сливаетъ оба міра. И потому Анненскій во что бы то ни стало хотѣлъ быть эстетомъ.

Былъ ли онъ имъ? Мнѣ думается, что достаточно и поверхностнаго знакомства съ его поэзіей, чтобы отвѣтить отрицательно. Какъ ни прятался онъ за метафоры, называя это «любовью къ жизни», ироническимъ своимъ «діонисійствомъ», какъ ни доказывалъ, что лучше раздѣленной любви, лучше счастья — грезить «когда чуть дымятся угли», что во стократъ прекраснѣе природы мечта о природѣ, и что надо лишь «выдумать себя», чтобы «стать Богомъ», — духъ его требовалъ иного и *ощущалъ* иное. Онъ не сдавался изъ какой то фантастической гордости, кощунствовалъ отъ избытка томленія по чуду. Онъ не умѣлъ повѣрить въ бытіе, «непостижное уму». Но оно врывалось въ его сердце, опрокидывало искусно воздвигнутые «миражи», заставляло плакать и ужасаться и невольно благоговѣть, обращало иронію въ жалкую гримасу, улыбку скептика въ испугъ тайновидца, невѣріе — въ предчувствіе. Умирали слова, «упадая, какъ бѣлый цвѣтъ», но Неизреченное стучалось въ наглухо запертую «дверь часовщика», и притихала «стальная цикада», прислушиваясь къ тому *нѣчто*, что боится посторонняго слова, что живетъ «совсѣмъ по другому», въ святости трансцедентнаго молчанія.

Не мерещется ль вамъ иногда,
Когда сумерки ходятъ по дому,
Тутъ же возлѣ иная среда,
Гдѣ живемъ мы — совсѣмъ по другому.

Съ тѣнью тѣнь тамъ такъ близко слилась,
Тамъ бываетъ такая минута,
Что лучами незримыми глазъ
Мы уходимъ другъ въ друга какъ будто.

И движеньемъ спутнуть этотъ мигъ
Мы боимся, иль словомъ нарушить,
Точно ухомъ кто возлѣ приникъ,
Заставляя далекое слушать. —

Но едва запылаетъ свѣча,
Чуткій міръ уступаетъ безъ боя,
Лишь изъ глазъ по наклонамъ луча
Тѣни въ пламя сбѣгаютъ голубое. («Свѣчку внесли»).

Я бы назвалъ мистическимъ нигилизмомъ это состояніе духа, отрицающаго себя, во имя логики, и вѣчно настороженнаго къ мірамъ инымъ, — если бы не боялся слишкомъ рѣзкаго сосѣдства этихъ словъ. Но иначе, пожалуй, не скажешь. Съ нигилизмомъ вѣка (плоды котораго мы пожинаемъ въ наши чудовищные дни) сочеталась въ Анненскомъ неосознанная имъ и преодолѣнная — какой то гипертрофіей мозговыхъ процессовъ — религіозность натуры. Свѣтъ нездѣшній томилъ его; онъ не видѣлъ и роптала, — тоскуя, слѣпой и вѣщій, тѣшась игрой ума и оплакивая слѣпоту сердца, пламенный и безлюбый, непримиренный, непримиримый, безутѣшный. Эта двойственность, эта расколотость сознанія и подсознательныхъ порывовъ, дѣйствительно страшная, какъ «тяжелый, темный бредъ», была его паѳосомъ, его тоской, его пыткой.

Онъ торопился жить въ эти послѣдніе мѣсяцы 1909 года, какъ бы предчувствуя скорый конецъ. Каждый день леталъ изъ Царскаго въ Петербургъ — то на лекціи къ «раичкамъ», то на доклады въ Нео-филологическомъ обществѣ, то на засѣданія въ «Поэтическую академію», то въ декораціонную мастерскую А. Я. Головина (который собирался тогда писать коллективный портретъ сотрудниковъ «Аполлона»). Послѣднее особенно утомляло его: приходилось подыматься по безконечной крутой лѣстницѣ на самую вышку Маріинскаго театра ... Я не могу простить себѣ, что мы, друзья, не сумѣли удержать Иннокентія Ѳедоровича отъ этой опасной для больного его сердца гимнастики.

Онъ умеръ внезапно отъ разрыва сердца, на лѣстницѣ Царскосельскаго вокзала, пріѣхавъ на одну изъ безчисленныхъ своихъ лекцій. Мы хоронили его ранней зимой на кладбищѣ въ Царскомъ Селѣ. Отпѣваніе вышло неожиданно многолюднымъ. Его любила молодежь, соборъ былъ биткомъ набитъ учащимися всѣхъ возрастовъ. Многіе плакали. Всѣми чувствовалось, что ушелъ человѣкъ *незабываемый*.

Въ поляхъ былъ сѣрый, тающій снѣгъ, были нищія вѣтки березъ на мглистомъ небѣ. Катафалкъ съ дубовымъ гробомъ жалко подпрыгивалъ на ухабахъ. Было невѣроятно сознаніе: Анненскій — мертвъ.

Сказать, что это онъ . . . весь этотъ ужасъ тѣла . . .

Онъ лежалъ въ гробу торжественный, оффиціальный, въ генеральскомъ сюртукѣ министерства народнаго просвѣщенія. И это казалось послѣдней насмѣшкой надъ нимъ — Поэтомъ.

Съ кладбища я возвращался на извощикѣ, вмѣстѣ съ Максимиліанымъ Волошинымъ. Мы молчали. Вдругъ, вкрадчивымъ улыбающимся своимъ голосомъ, онъ замѣтилъ:

— Воображаю, какъ онъ теперь удивляется въ новой . . . обстановкѣ.

— Кто онъ?

— Иннокентій Ѳедоровичъ.

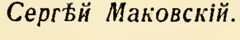
— То есть, какъ ? ! . . недоумѣвалъ я, и тутъ вспомнилъ, что Волошинъ — убѣжденный оккультистъ и что для него мертвые пребываютъ сначала въ «астралѣ», въ бытіи параллельномъ земному, и только постепенно отъ этого подобія жизни переселяются въ высшіе міры.

Онъ продолжалъ:

— Люди, умирающіе скоропостижно, не успѣвшіе приготовиться къ иному существованію, безконечно изумлены въ первое время, что все вокругъ нихъ какъ будто — то, да не то. Вотъ онъ спѣшитъ на лекцію и не можетъ найти нужной книги . . . И тѣло его будто невѣсовое, и предметы ускользаютъ, и странные возникаютъ образы . . . Многіе отъ неожиданности, догадавшись внезапно, что они мертвые, сходятъ съ ума.

Волошинъ такъ и сказалъ: *сходятъ съ ума.* Я представилъ себѣ это загробное помѣшательство, вспомнилъ Анненскаго... Мнѣ стало не по себѣ, и я перемѣнилъ разговоръ . . .

Но будь тысячу разъ правы оккультисты, опасенія Максимиліана Волошина были излишни! Анненскій прожилъ свой вѣкъ праведникомъ и мудрецомъ, хоть и не дана была ему послѣдняя мудрость вѣрующихъ. Мудрые не удивляются смерти, и праведные не сходятъ съ ума за гробомъ, но прозрѣваютъ для вѣчныхъ истинъ. Большіе люди одиноко страждутъ за всѣхъ. Анненскій былъ мученикомъ за всѣхъ насъ, сыновъ упадка и безвѣрія. И теперь, когда судьба учитъ насъ молитвѣ, не забудемъ это, не забудемъ молитвъ объ упокоеніи вѣчномъ его духа, узнавшаго вѣчность. Ибо нѣтъ слезъ любви и раскаянія, которыхъ бы не принялъ Господь.


Сергѣй Маковскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Беллетристика.